

Рита Навьер
Моя навсегда

«Литнет»

2022

Навьер Р.

Моя навсегда / Р. Навьер — «Литнет», 2022

Когда-то я любил ее больше жизни, а она обещала быть моей всегда. Но она предала меня, а я поклялся её забыть. Я уехал, начал новую жизнь. И верил, что сумел излечиться от той болезненной любви, пока мне не пришлось вернуться в родной город и столкнуться с прошлым... В тексте есть: #Эмоции на разрыв #Встреча через время #Герой не знает о ребенке #Нежный ХЭ

© Навьер Р., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	18
6	21
7	23
8	26
9	29
10	32
11	36
12	38
13	40
14	44
15	47
16	49
17	51
18	54
19	57
20	60
21	64
22	67
23	70
24	74
25	76
26	79
27	81
28	83
29	86
30	88
31	90
32	93
33	96
34	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

1

Москва, 2010 г.

– В Кремнегорск – не поеду! – отчеканил Роман, пожалуй, чересчур категорично и эмоционально.

Генеральный аж вскинул брови в немом удивлении и в первый миг не нашелся, что сказать.

Его приказы в принципе не обсуждались, и уж тем более ему не доводилось слышать «нет» от подчиненных. Даже от тех, кто числился в компании на особом счету. Роман Стрелецкий как раз из таких, но и для него подобная вольность недопустима.

Однако ещё больше поразила генерального внезапная горячность. Он даже посмотрел на Стрелецкого так, словно впервые увидел. Впрочем, вот таким он его действительно видел впервые.

Сколько он вообще знает Романа? Лет шесть? Нет, почти семь. И мнение о Стрелецком за это время сложилось однозначное: Роман Владимирович – человек-айсберг. Не иначе. Ну или биоробот.

Выглядит стильно и слишком уж безупречно для простого смертного. В любых ситуациях он холоден, благоразумен и невозмутим. Не сдержан, нет, а именно – спокоен до невозможности.

Сдержанных генеральный знал немало – сам таким стал, научившись с возрастом сдерживать эмоции. А Стрелецкий – другой. Ему нечего сдерживать. Он, очевидно, эти эмоции попросту не испытывает. Всегда безразличен ко всему и отстраненно-молчалив – слова лишнего не скажет. Зато действует четко, грамотно, выверенно. Безошибочно. Ну да, он же чертов финансовый гений. Не голова, а компьютер. Не синапсы, а микросхемы.

Будучи ещё студентом, Стрелецкий попал к ним на комбинат для прохождения практики и с ходу обнаружил в отчетностях мелкие несостыковки, которые до него никакие проверяющие почему-то не выявили. Не просто обнаружил, но и разобрался, откуда что взялось и куда ушло. И, как оказалось, эти мелкие расхождения привели бы в итоге компанию к серьезным проблемам.

Собственно, поэтому генеральный и вцепился в Романа бульдожьей хваткой. Сразу взял в штат без всяких оговорок и испытательных сроков, хотя на тот момент Стрелецкий ещё не закончил свою академию. А ведь поначалу он думал, что это обычный «сынок», бесполезный мажорчик, которого мать пристроила к ним на халявную практику, поскольку в то время сама на комбинате работала, управляла одним из их филиалов. Вот как раз в чертовом Кремнегорске.

Трудовой договор парню подсунули тогда откровенно кабальный, чтобы уж наверняка это юное дарование никуда не переманили. Но, справедливости ради, условия ему тоже предоставили такие, чтобы и самому уходить не захотелось: приличный оклад, служебную квартиру, гибкий график. И это только на первых порах.

Будь Стрелецкий хоть чуточку карьерист, к настоящему времени мог бы занять кресло финансового директора. Но честолубия в нём, как оказалось, ни на грош, и должность начальника отдела внутреннего аудита его более чем устраивала. Или же, как догадывался генеральный, всё дело в том, что Роман Владимирович с трудом выносил людское общество. Почему? Вопрос. То ли он – высокомерный сноб, то ли – интроверт, то ли – и то, и другое. Хотя... иногда генеральному на подсознательном уровне казалось, что с ним не всё так просто.

Выступая на совещаниях, Стрелецкий высказывался скупой и строго по делу. На посторонние вопросы не отвечал – просто игнорировал и всё. На корпоративах появлялся только по настоянию дирекции, «отбывал» час-полтора ради приличия. Причем сидел с таким лицом, что на кривой козе не подъедешь. И в самый разгар по-английски исчезал.

За годы работы здесь он ни с кем не сблизился. Хотя мог бы. Генеральный мало смыслил в мужской красоте, но, по его представлениям, такие, как Стрелецкий, нравились женщинам. Недаром дамы из бухгалтерии первое время буквально проходу ему не давали. Ну а Людочка, его секретарша, поднося Роману кофе, до сих пор рдеет как скромная школьница.

Мужское общество Стрелецкий тоже не жаловал. Любые посягательства на личное пространство обрубал с ходу. Пытались некоторые завязать с ним дружеский разговор, звали покурить, пообедать, где-нибудь посидеть после работы... – обижались потом.

Да что уж, Роман и с ним самим, с генеральным, твердо держал дистанцию и на темы, не связанные с работой, разговаривал крайне неохотно. Практически цедил через силу. И приглашение в гости отверг, а ведь другие сотрудники за подобные знаки внимания от высшего начальства из кожи вон выпрыгнули бы.

Поначалу генеральный тоже обижался: как этот салага посмел им пренебречь? Но потом понял – ну такой вот он человек, этот Стрелецкий, бесчувственный и эмоционально-замороженный. Что с него взять?

И тут вдруг этот бесчувственный и эмоционально-замороженный человек на простой приказ отправиться в командировку внезапно встал на дыбы. Как будто ледяная скорлупа вдруг осыпалась, а под ней такие страсти, оказывается, кипят...

– Что значит – не поеду? – наконец пришёл в себя генеральный. – Надо.

– Я... я не могу. Нет, не поеду. Если надо – отправьте другого.

Генеральный воззрился на упряма. На любого другого он бы уже проорался от души за такие выкрутасы. Впрочем, любой другой и не посмел бы вот так выступить.

– Ну, что это за разговоры? Мне надо, чтобы поехал именно ты. Там же явно нечисто с бухгалтерией. Хотя по документам, в принципе, все гладко, ну, не считая кое-каких мелких погрешностей. Так что надо ехать. Это твоя работа.

– Кроме меня есть и другие аудиторы, – упирался Стрелецкий. – А у меня годовой отчет...

– Детский сад какой-то... – пробормотал под нос генеральный. – Вот как раз другие с годовым отчетом разберутся. А ты должен выяснить, что там в Кремнегорском филиале происходит. Подозреваю, что там всё не просто. Не безобидные погрешности, а целая схема... надеюсь, конечно, что нет, но лучше подстраховаться. А если уж и правда местная бухгалтерия там мутит, а если ещё и, не дай бог, вместе с директором филиала, то лучше вскрыть это как можно скорее и самим, чем потом расхлебывать проблемы с ФСС или налоговой. Ну что я тебе говорю? Ты сам это лучше меня знаешь.

Стрелецкий не отвечал. Напряженно смотрел в одну точку, стиснув челюсти так, что желваки проступили.

Ну, хотя бы не спорил больше и то хорошо. Однако сидел с таким видом, будто его посылают не в провинциальное городишко на недельную командировку, а на пожизненную каторгу в край вечной мерзлоты.

– Ну что ты в самом деле, Роман Владимирович? – смягчился генеральный. – Как будто тебя туда на постоянное жительство ссылают. Проведёшь проверку и вернёшься. Делов-то на неделю, максимум на полторы. Ну? К новому году уже будешь тут. И потом, ты же оттуда родом. Тебе проще будет в родном городе... всё знакомо, ну и ты для них свой. К тому же, и маму твою, Маргариту Сергеевну, там, уверен, помнят и чтят...

– Почему нельзя отправить Ильина? – перебил его Стрелецкий, выпалив чуть ли не в отчаянии.

– Не может он. Жена у него должна родить со дня на день.

– А Вахрушева?

– Вахрушева? С проверкой? Ты сам-то понял, что сказал? Он там будет пить с каждым, кто нальёт, не просыхая. А потом привезёт липовые акты. Мол, всё в ажуре, никаких нарушений...

– Почему нельзя отправить туда Бучинскую?

– Можно. Бучинская тоже едет в Кремнегорск. Вместе с тобой. Ну, не могу я её одну отправить. Боюсь, не справится Лиля. Опыта у неё мало... У тебя... – генеральный замялся, но всё же спросил: – У тебя там что-то личное? Что-то плохое было? Поэтому не хочешь туда ехать?

В кабинете директора повисла тяжелая пауза. Стрелецкий не двигался и молчал. Но взгляд его, по-прежнему устремленный в невидимую точку на столе, горячечно блестел. Генеральный даже подумал: может, и правда отправить кого-то другого? Кто знает, что там с ним случилось, в Кремнегорске этом. Вдруг и впрямь что-то ужасное, раз его как подменили...

– Хорошо, – глухо произнёс Стрелецкий. – Я вас понял. Раз надо – поеду.

И в своей манере, не дожидаясь дозволения, встал с каменным лицом, задвинул кресло и вышел из кабинета генерального.

2

Роман спустился в свой отдел этажом ниже. Бросил коротко: не беспокоить. И закрылся у себя, повернув ключ в замке, хотя сроду этого не делал.

Одиночество – вот что ему требовалось в эту минуту как воздух. Побывать немного одному, поразмыслить. В конце концов, прийти в себя.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза – яркий свет сейчас мешал, не давал сосредоточиться и подумать. А подумать было о чём...

И что ему теперь делать? Наступить себе на горло и действительно поехать? Ну допустим. А он выдержит? Сумеет ли вернуться туда, откуда сбежал восемь лет назад в спешке, как вор? Сможет ли снова встретить тех, кого когда-то знал, смотреть им в лица, разговаривать, если придется? Не факт, если от одной мысли об этом его тут же бросает в холодный пот. А ведь там ещё и *она*...

Роман негромко и сдавленно простонал, словно от приступа острой боли.

Господи, он так усердно старался забыть родной Кремнегорск и всё, что с ним связано. И даже почти сумел. И тут вдруг эта чертова командировка как снег на голову. Нет, не снег, а кое-что поувесистее...

Ну правда – что за ирония? Вот так живешь себе худо-бедно, что-то делаешь по накатанной, и почти не вспоминаешь о прошлом, как вдруг оно врывается в тебя на полном ходу. Обрушивается смертоносной лавиной.

Нет, он не сможет. Не вынесет. Слишком больно. До сих пор больно... нестерпимо. Он-то надеялся, что раны зарубцевались. Но вот замаячила перспектива вновь оказаться там – как они тут же вскрылись и закровоточили.

Может, сказаться внезапно больным? Да нет, это будет глупо, фальшиво и малодушно. Или что-нибудь ещё придумать уважительное? Нет, всё это ерунда.

Ну почему он сразу не смог твердо отказаться? Почему позволил себя уговорить? Да потому что генеральный полез туда, куда нельзя, со своими вопросами: там что-то было? Что-то личное?

И Роман дрогнул, потерял самоконтроль и... уступил, лишь бы тот не лез дальше.

Что, черт возьми, делать? В мыслях он мог, конечно, придумать и сотню отговорок, но сам-то знал: зря всё это, теперь уже не отвертится, раз пообещал. Дурацкое чувство долга. И значит – что? Придётся ехать через не могу в проклятый Кремнегорск, встречаться с ними, встречаться с ней... с той, которую когда-то любил больше жизни... с той, которая предала его, добила... убила...

Встречи с ней никак не избежать. И не только потому, что она так и живёт там, в Кремнегорске. Но, по злой иронии, она и работает теперь на их комбинате, в кремнегорском филиале. И кем? Бухгалтером.

Устроилась два года назад. Роман узнал об этом от матери, которая как раз тогда оставила должность директора филиала и переехала к нему в Москву. Свой переезд мать объясняла просто: надоела работа, хочется заняться собой, отдыхать, общаться с сыном.

Роман чувствовал, что мать кривит душой, ну или недоговаривает, но с расспросами не лез. Не потому что плевать, просто так уж у них повелось. Он уважал её, ну и любил, конечно, но их отношения никогда не были близкими и доверительными.

Правда оказалась сокрушительно жестокой: мать была тяжело и неизлечимо больна. Врачи отмерили ей два-три месяца. И ведь она до последнего ничего не говорила ему, не хотела тревожить раньше времени. И только когда уже скрывать стало совсем нелегко – призналась, незадолго до конца...

Но зато у них было почти три месяца нормальной, спокойной жизни, наполненной теплом и уютом. Роман приходил с работы не в пустую, темную квартиру, а домой, где его ждала мама. Они вместе ужинали, обсуждали дела на комбинате, общих знакомых, политику, книги, последние новости. Иногда смотрели какое-нибудь артхаусное кино или прогуливались по Софийской набережной. По выходным приобщались к культуре – ходили на концерты, выставки, спектакли.

Когда они с матерью жили вдвоем в Кремнегорске, он не ценил все эти мелочи: завтраки, ужины, отглаженные рубашки... Порой его даже раздражала её опека. А после нескольких лет одиночества вдруг проникся. Привык. Разомлел. И искренне удивлялся, почему раньше жизнь с матерью казалась ему душной и невыносимой.

Лишь раз они... даже не поругались, нет. Просто её слова задели за живое, ну и он резковато отреагировал. Вот как раз тогда мать и проговорила о ней, об Оле.

Это был вечер пятницы. Они только что поужинали, мать мыла посуду – посудомоечную машину она категорически не признавала, а Роман скроллил в телефоне афишу, предлагая вслух варианты, куда им пойти в субботу.

– Нет, ну если хочешь, можем для разнообразия и просто в каком-нибудь хорошем ресторане посидеть? Слышал, наши хвалят «Белого кролика». Вкусно там, говорят, и вид на город просто космический.

– Милый мой, – с улыбкой сказала мама, вытирая блюдо полотенцем, – всё это прекрасно, и кролик белый, и космический вид, но не с матерью тебе надо гулять.

Роман тотчас напрягся. Подобные разговоры неизменно вызывали в нём глухое раздражение.

– Ну, неужто у тебя никого нет? – поставив чистое блюдо в шкаф, мать присела рядом. – Ни за что не поверю.

– Ты же знаешь, что никого у меня нет, – сухо ответил он и отложил телефон. Настроение вмиг испортилось.

– Ничего я не знаю. Правда, нет? Совсем никого? Да быть этого не может! За таким красавцем девушки в очередь должны выстраиваться, – шутила мать. Но ему было не до шуток. Да и мать за несерьезным тоном прятала давнее беспокойство по поводу его личной жизни. Точнее, ее отсутствия.

– Прекрати, – отрезал Роман жестко и тут же, словно спохватившись, гораздо мягче добавил: – Mam, серьезно, давай не будем об этом.

Мать шутить перестала, но даже и не подумала менять тему.

– У меня не праздное любопытство. Я за тебя боюсь. Боюсь, что ты останешься один. Ты и так вон почти одичал. Молодой здоровый мужчина и один! Причем сознательно. Это ненормально. Протввоестественно. Тебе двадцать шесть, а ты в какого-то монаха превратился.

Вот почему жизнь с матерью когда-то казалась ему душной и невыносимой, вспомнил Роман.

В монаха он не превращался. Но не рассказывать же матери о редких одноразовых встречах, чисто чтобы пар спустить. Ему самому после подобных эпизодов становилось противно. Да и мать, как он подозревал, интересовало совсем другое. Ей хотелось, чтобы он завел настоящие отношения, а то и вообще семью. Только вот ему этого не хотелось. Совсем. Категорически. Никого он больше к себе не подпустит, никому больше не доверится, и не потому что боится, нет. Просто больше ничего этого не хочет. Там, внутри у него, всё давно выжжено и мертво. Жаль, что матери этого не понять.

– Думаешь, я не знаю, что ты такой из-за неё? – не унималась мать. – Столько лет прошло... забыть давно пора! Она-то сразу забыла. В тот же год замуж выскочила, как только ты уехал...

– Я помню, – процедил Роман.

– А лучше бы забыл! И жил бы себе дальше, не думая об этой ш... – мать осеклась, но Роман все равно завелся.

– Я о ней и не думаю, но и ты не трогай её. Не говори о ней... так.

– Хорошо, извини. Я тоже погорячилась, – выдавила мать, пытаясь взять себя в руки, что само по себе для неё, обычно жёсткой и категоричной, было несвойственно. Ольгу мать всегда не любила и прежде в выражениях не стеснялась. Даже странно, что сейчас так легко успокоилась. Впрочем, помолчав минуту, всё же добавила с плохо скрываемым презрением: – Она ведь тоже теперь на комбинате работает. В бухгалтерии. При мне-то, конечно, к нам не совалась. А как только я ушла с поста, сразу помчалась к Павлуше. Ну а тот что? Принял её, дурачина.

Павлушей мать снисходительно называла Павла Викторовича Потапова, который всю жизнь был её замом, ну а после неё сам возглавил филиал.

– Я спать, – объявил тогда Роман, чувствуя, что неприятный разговор иначе не прекратится.

Позже он вспоминал слова матери и иногда ловил себя на безотчётном желании заглянуть в её дело – по должности он имел доступ к личным делам сотрудников комбината. Там и её фото свежее должно быть, и, возможно, какая-нибудь информация. Но тут же одергивал себя, напоминая: ему это неинтересно. Его это не касается. И, к собственной гордости, так за два года ни разу его и не посмотрел. Да и вообще после смерти матери практически не вспоминал её. Олю Зарубину.

Надо же, хмыкнул Роман. Назвал её по имени, впервые за много лет, и ничего, не умер от инфаркта.

Хотя... Зарубиной она была в прошлой жизни. Теперь – Авдеева, если ему не изменяет память.

Само собой, он предпочел бы вообще с ней больше никогда не встречаться, но... встретиться придётся. И, очевидно, ещё и контактировать. Ведь проверка предстоит как раз по её, бухгалтерской, части.

Только вот как теперь с ней себя вести – он не представлял. Впрочем, как? Как положено проверяющему: твердо, бескомпромиссно, холодно. Никаких сантиментов по прошлому и, разумеется, никаких поблажек. Они давно чужие люди.

Мелочиться и придирается по пустякам из мести он, естественно, не будет, но и закрывать глаза на нарушения – тоже не станет. И если там действительно имеют место какие-то махинации – виноватые ответят по закону. И она – в том числе, если, конечно, замешана.

А сейчас необходимо взять себя в руки.

Роман выдохнул, сел в кресле прямо. Жжение под ребрами стихло, пульс успокоился, полупаническое состояние отпустило. Мозг вновь работал четко, выстраивая в уме список того, что надо сделать до отъезда. Дел, как всегда, – неупрощение, ещё ведь и конец года, так что вал отчётности, но до вечера он успеет расправиться с самым срочным. Остальное – передаст Ильину. А завтра... завтра утренним поездом отправится туда, куда восемь лет назад обещал никогда не возвращаться.

3

К досаде Стрелецкого, Лиля ехала с ним в одном купе. Правда, первые три часа она сидела тихо как мышка. Поздоровалась только и поблагодарила, когда он помог ей с дорожной сумкой. Роман даже понадеялся, что всё не так и плохо. Во всяком случае докучать болтовней ему никто не будет. Но тут Лиля решила, что пора обедать. Им обоим. Тут же на маленьком столике выросла гора кулчков и свертков, а в купе запахло отварной курицей, яйцами, колбасой, пирогом с капустой.

– Это мне мама с собой надавала, когда узнала, что я с начальником... в смысле, с вами... еду вместе, – хихикнула Бучинская.

Стрелецкий оторвался от чтения и окинул тоскливым взором Лилины промасляные свертки. Аппетит у него пропал ещё вчера, а от этого натюрморта и запахов начало подташнивать.

– Мойте руки, Роман Владимирович, и за стол! Обедать будем! – распорядилась Бучинская.

– Благодарю, я не голоден, – процедил он и, отложив книгу, вышел из купе.

Встал у окна. Глядя на проплывающий пейзаж, с раздражением подумал, что теперь даже не почитать. Хотя, чего уж себе врать, он и без того еле улавливал смысл книги. За три часа, дай бог, осилил десять страниц. Потому что мысли были о другом. Вчера в конце дня он всё-таки заглянул в босс-кадровик*.

Просто чтобы подготовиться к встрече, зачем-то объяснялся сам с собой. Оля почти не изменилась. Повзрослела, конечно, но в целом... даже прическа та же. Светлые волосы чуть ниже плеч. Когда-то они пахли луговой травой, свежим ветром, хмельным счастьем... Роман тряхнул головой, словно пытаясь отогнать непрошено нахлынувшие мысли. Но Оля засела накрепко, как заноза.

Каких-то личных сведений, помимо того, что он и так знал, в её деле не нашлось. Вот только новый адрес был указан. Роман прикинул, где это примерно. Далековато. Даже по меркам Кремнегорска – отшиб. И ещё один момент зацепил его. Её фамилия. Она снова стала Зарубиной? Почему? Развелась? Или не брала фамилию мужа?

Запах съестного проникал в коридор, но здесь хотя бы было тихо, если не считать мерного постукивания колес. Но под этот звук как раз хорошо думается.

Уже завтра утром он приедет в чертов Кремнегорск. Наверное, в целом мире нет такого человека, который ненавидел бы город детства и юности так же сильно, как Роман. Никакой ностальгии, ни малейшей, только едкая горечь.

Город – это, конечно, слишком громкое название, особенно после необъятной, стремительной, шумной Москвы. А там – сонный городишко, где все друг друга знают как облупленных.

Наверняка, едва он сойдет с поезда, как в тот же день об этом станет известно каждому. Роман сразу явственно представил себе местный рынок – два ряда дощатых прилавков на центральной площади, где тётки зимой и летом торговали всем подряд от носков и трусов до картошки с собственного огорода. Словно воочию увидел, как они с азартом передают новость: слышали, Стрелецкий вернулся? Тот самый? Тот самый! Ой, что будет...

Впрочем, они ведь уже знают. Весть о грядущей проверке всегда разносится молниеносно и опережает приезд проверяющего.

В коридор высунулась Лиля.

– Ой... Роман Владимирович, вы здесь... – захлопала она глазами.

Затем встала рядом с ним у окна.

– Я впервые еду в командировку. Волнуюсь немного, – сообщила она. – А вы там уже были? В Кремнегорске? Как там с гостиницами?

– Лиля, не волнуйтесь, мы найдем, куда вас устроить.

– Меня? – пролепетала она. – А вы?

– А у меня там есть квартира, – нехотя ответил он.

– Квартира? Вы же... Как? Вы там когда-то жили? А давно?

– Давно, Лилия, давно.

– Как интересно! А я думала, вы – коренной москвич. Вы такой, знаете... ну, стильный, одеваетесь с лоском, держитесь так... ну, аристократично. Даже не сомневалась, что вы... А вы, значит, оказывается, из Кремнегорска? Вы там родились и выросли? А потом, наверное, поступили в Москве и остались? Наверное, скучаете по родному дому? А у вас там кто-нибудь есть? Ну, друзья, родные? Наверное, с ними встретитесь...

Стрелецкий с самого начала взял себе за правило: никогда не грубить подчиненным и никогда не разводить с ними панибратства. Последнее – мешает работе, а первое – ну просто некрасиво. Всегда и со всеми он был предельно вежлив, но тут вдруг не сдержался:

– Хватит! Помолчите, Лилия. Ради бога, помолчите. Не задавайте дурацких вопросов. В конце концов, всё это вас не касается.

Он вернулся в купе, оставив оторопелую Лилию у окна. Но спустя пару минут внезапная вспышка раздражения угасла, и ему стало стыдно за грубость. Девчонка ведь ничего не знает. Хотела по доброте душевной просто поддержать дружескую беседу, это как бы принято у нормальных людей. Она же не виновата в том, что он – не такой.

В общем, нехорошо вышло, корил себя Роман. Ещё и Лилия долго не возвращалась. Он даже беспокоиться начал, но наконец дверь купе осторожно открылась, и Бучинская тихонько юркнула на свое место, пряча заплаканное лицо.

– Лилия, простите, пожалуйста, – виновато посмотрел на неё Стрелецкий. – Я не должен был с вами так разговаривать.

Она вдруг смутилась.

– Ну что вы, Роман Владимирович, – застенчиво улыбнулась Лилия. – Это вы извините, что пристала к вам с расспросами. Совсем забыла про субординацию. Мне так стыдно... очень стыдно...

Лилия была искренна, но это совершенно не помешало ей спустя полчаса снова болтать без умолку. Правда, на этот раз она хотя бы рассказывала о себе и ничего у него не выпрашивала, и на том спасибо.

Стрелецкий больше не позволял себе раздражаться, терпеливо слушал её щебет, что, в общем-то, отчасти пошло ему на пользу – он хоть отвлекся от гнетущего ожидания скорой встречи. И даже в конце концов согласился отведать её домашний пирог. Но всё равно к вечеру Бучинская его изрядно утомила.

– Лилия, мы завтра приезжаем в шесть утра. А нам надо быть в форме. Так что давайте ляжем пораньше.

Бучинская хихикнула, но тут же, покраснев, забормотала:

– Ой, извините, Роман Владимирович... конечно, надо быть в форме... пораньше... я вас совсем заболтала...

Стрелецкий действительно рассчитывал как следует выспаться, но когда свет в купе выключили, сон как рукой сняло. Лилия по соседству немного поерзала, повздыхала, но вскоре безмятежно засопела.

Он же, как ни настраивался, уснуть не смог. А память, так долго дремавшая, разворачивала перед его мысленным взором картину за картиной событий восьмилетней давности...

4

Восемь лет назад

На залитом солнцем крыльце института сбились в кружок девчонки, что-то оживлённо обсуждая и время от времени взрываясь звонким смехом, почти в унисон птичьим трелям. По улицам города плыл одуряющий запах черемухи. В конце мая – самый её цвет, и все парки, улочки, дворы утопали в белых пенных гроздьях.

Роман стоял чуть поодаль, привалившись плечом к фонарному столбу и сунув руки в карманы светлых льняных брюк. С глуповатой улыбкой он наблюдал за девчонками. Точнее, за одной – за Олей Зарубиной.

Она тоже разговаривала с одноклассницами, кивала, улыбалась, но слегка рассеянно и отстраненно. Будто мыслями была не здесь. Пару раз она бросила беспокойный взгляд в сторону парка. Улыбка Романа стала только шире – это ведь она его выискивала среди прохожих. Они договорились, что Стрелецкий подойдёт к институту после третьей пары, вот Оля и высматривала, где он там. Но Ромка явился раньше времени, встал с другой стороны, в тени, где не так припекало, и ждал, когда уже Оля наконец его заметит. Представлял, как она увидит его, как на секунду вскинет брови, как вспыхнут радостью глаза и нежное лицо озарит улыбка. Предвкушал, как Оля подбежит к нему, шутливо стукнет кулачком в грудь и нежно коснется его губ...

Мимо Романа прошествовал старичок Чупров, который накануне по матанализу поставил Стрелецкому, единственному на курсе, отлично автоматом. Пожилой доцент приостановился, ожидая, что любимый студент с ним поздоровается. Но Ромка, похоже, ничего и никого вокруг себя не замечал. Чупров не оскорбился – лишь понимающе улыбнулся, проследив за его взглядом, и пошёл дальше.

Оля снова посмотрела в сторону парка и тут перевела взгляд на Романа. На миг замерла, а затем, бросив подруг, устремила к нему.

– Рома! Привет! – сияя, выдохнула она. – А я уже волноваться начала, думала, ну где же ты. Давно ты здесь стоишь?

– Недавно, – благодушно улыбнулся он.

– Что же ты меня сразу не окликнул?

– Любовался...

– Скажешь тоже, – смущенно зарделась Оля.

Он отодвинул светлую прядь с лица, провёл кончиками пальцев по скуле. Сейчас, в лучах солнца, она казалась ему особенно красивой, так, что глаз невозможно отвести. И сердце в груди то дрожало в восторге, то замирало от избытка чувств.

Оля Зарубина нравилась ему уже давно. С десятого класса, если быть точным. Но Ромке казалось – целую вечность. Да и «нравилась» совсем не то слово, оно блеклое, слабенькое, не выражающее даже доли тех чувств, которые распирали грудь, стоило лишь подумать о ней.

Они учились в одной школе, но Ромка на год старше. И до десятого класса он её просто не замечал. И что досадно – первым «заметил» её даже не он, а его одноклассник, Макс Чепрыгин, который считался школьной звездой благодаря смазливой физиономии, спортивным успехам и природному нахальству.

Этот же Макс не раз полужаловался-полухвастался перед пацанами из класса, как утомило его внимание девчонок. Мол, записками завалили, бегают, проходу не дают, на шею вешаются. Снисходительно, как самый опытный, Макс рассказывал про свои «подвиги». Пацаны

слушали, выпрашивали подробности, завидовали, а Ромке от этих рассказов становилось противно.

– Чехова сосётся – улёт. Но, пацаны, как она меня достала, просто пипец... О, вспомни – оно и появится... Здоров, Ксюха.

Ксюша Чехова из девятого «Б» семенила через школьный двор. И не одна, с подружкой.

Макс резко, точно маску сдернул, сменил кислое выражение лица, на вполне дружелюбное. Отсалютовал ей, даже спросил, как дела. Чехова, может, и правда его преследовала, как он говорил, но при людях лишь поздоровалась с ним, скромно улыбнувшись, и вместе с подружкой взлетела по ступеням и скрылась за дверями школы.

– А что за кукла была с Ксюхой? – заинтересовался вдруг Чепрыгин.

– Так это ж Оля Зарубина. С ней в одном классе учится, – ответил Саня Борисенко.

– Ничего такая тёлочка, – заценил подругу Чеховой Макс. – И как это я раньше её не замечал...

С того самого дня и началась «охота» на Зарубину. Только вот все его отлаженные подкаты не срабатывали – Оля только шарахалась от него или, на худой конец, притворялась, что не видит и не слышит Чепрыгина. Но это, видимо, его лишь подзадоривало. И, видимо, не только его.

Именно тогда Стрелецкий и разглядел в тихой, скромной девчонке нечто щемящее и невозможно притягательное. Пока остальные пацаны делали ставки, сумеет или не сумеет Чепрыгин замутить с неуступчивой девятиклассницей, Ромка переживал, и с каждым днём всё сильнее.

Сначала сам не понимал, откуда взялась злость на Чепрыгина, на одноклассников, на ставки их дурацкие, раньше ведь ему подобные развлечения одноклассников были до фонаря. Теперь – нет. Теперь – он места себе не находил.

Не понимал Ромка, почему его вдруг одолевала нервозность, стоило ей появиться в поле зрения. Почему бросало в жар, если их взгляды случайно пересекались. И почему он вздыхал с облегчением, когда она снова и снова игнорировала Макса.

Ромка был уверен, что Чепрыгин отступится. Он – ленив и переменчив. Обычно, если ему что-то не давалось, он попросту бросал это, говоря: «Не моё». Однако тут у Макса не на шутку разыгрался спортивный азарт. Ну или уязвленное самолюбие не давало покоя, всё-таки за этой его «охотой» наблюдало полшколы.

В конце концов у них с Ромкой чуть до драки не дошло.

Случилось это в самом конце десятого класса, в последних числах апреля. Трудовик в тот день отпустил их с урока, и они торчали в школьном дворе, пережидая «окно», после которого в расписании стоял ещё факультатив по физике.

Чепрыгин зазывал всех сыграть в квадрат. Двое поддержали, остальные – ленились, развалившись на скамейках в тени верб и тополей.

– Да чё вы как бабы? Ниахооота, – противно и жеманно передразнивал одноклассников Чепрыгин, ловко набивая мяч коленкой. – Не насиделись ещё? Камон! Тряхните булками! Тебе, Ряба, надо вообще скакать с утра до вечера без остановки, пока совсем жиром не заплыл.

Пацаны вяло хохотнули. Борька Рябов сразу поник и сжался. В началке беднягу все кому не лень высмеивали за лишний вес, доводя порой его до слез, но в старших классах перестали. И только Чепрыгин позволял себе подобные выпады. Впрочем, он задирали почти всех. И сейчас тут же переключился на Дениса Жукова.

– А ты, Жучара, чего расселся? – Чепрыгин поддал мяч посильнее, тот отскочил и покатился к воротам. – Метнись-ка пулей, принеси мяч.

К Стрелецкому Макс сначала не обращался – между ними как-то само собой, изначально, установился негласный нейтралитет: ни вражды, ни дружбы, лишь параллельное сосуществование.

Макс никогда не лез к Ромке, не пытался задеть или оскорбить, и не то что не требовал, а даже и по-хорошему не просил у него списать. За все годы – ни разу, хотя со всеми остальными не церемонился.

Сам Стрелецкий думал, что это из-за матери. Её в городе знали абсолютно все, знали и побаивались. Много лет она управляла комбинатом – единственным градообразующим предприятием в Кремнегорске, где работали отцы практически всех его одноклассников. И управляла крайне жестко.

Ромка, забегая иногда к ней после школы, видел, как она раздавала приказы или сурово отчитывала мужиков-работяг, и как те вытягивались перед ней в струнку, не смея и слова против сказать.

Их отношение к ней отчасти распространялось и на него. С ним, даже ещё ребёнком, работники комбината здоровались почтительно, как с царским наследником. Школьные учителя тоже относились к нему по-особенному, не как к обычному мальчишке.

Впрочем, Роман и сам по себе выделялся среди сверстников. И не только тем, что учился блестяще. Уличным детским играм он предпочитал чтение. А на все забавы пацанов вроде мелких пакостей, глупых споров на «слабо», рискованных и бессмысленных выходов взирал с равнодушным непониманием.

К старшим классам, когда и другие остепенились, его непохожесть слегка сгладилась, но он всё равно держался так, что, по словам того же Макса, на кривой козе не подъедешь. На самом деле, именно поэтому, а не из-за матери-директора, Чепрыгин предпочитал не связываться со Стрелецким.

«Да ну его! – отмахивался Макс, если кто-нибудь из пацанов предлагал взять списать у Ромки. – Как-то стремно мне у него просить. Стрелецкий этот всегда, сука, такой важный, что даже когда просто рядом с ним стоишь, чувствуешь себя каким-то унтерменшем».

И Макс действительно сторонился Романа до этого дня.

– Жучара, резче давай! – подгонял Чепрыгин Дениса Жукова, когда тот поплелся за мячом. – Шевели булками... О-о-у!

Из школы выпорхнула и торопливо спустилась по ступенькам Оля Зарубина.

– Какие люди и без охраны! – направился к ней Макс вразвалочку. – Проводить? А то мало ли, всякие шлятся...

– Не надо, – буркнула Оля, не глядя на него, и припустила к воротам.

– А то провожу, а? – крикнул ей вдогонку Чепрыгин, но Оля не ответила, а проходя мимо, украдкой посмотрела на Ромку. Вроде и вскользь, но его как огнем обожгло от этого мимолетного взгляда.

Чепрыгин тоже это заметил. Посмотрел на Стрелецкого, как царапнул, но ничего не сказал.

– Макс, да забей ты на неё, – посоветовал ему Пашутин, лучший друг Чепрыгина. – Нашлась тоже цаца...

– Ничё-ничё, пацаны, – самоуверенно хмыкнул Макс. – Увидите, она ещё бегать за мной будет. Эти недавшки, по итогу, отжигают потом так, что оного.

– Ну, пока она только от тебя бежит, – хохотнул Пашутин.

– Это пока, – заверил его Чепрыгин. – Но у меня, считай, всё на мази. У Ксюхи Чеховой скоро днюха. А они, между прочим, лучшие подруги. Там я нашу девочку-припевочку под этим делом и прикатаю...

Чепрыгин щёлкнул пальцами по шее, намекая на алкоголь.

– А она тебя позвала? Ну, Чехова... Вы ведь с ней разбежались, когда ты стал Зарубину окучивать.

– А то! Наплел этой дуре, что скучаю, все дела. Что Зарубина – это так, по приколу. А хочу, типа, только с ней, с Ксюхой. Ну и помазал немного. У Ксюхи, естественно, сразу радости полные штаны. Она ещё и уговаривала меня, чтоб я пришёл. Приходи, обязательно приходи, умру, если не придешь, – Макс, кривляясь, изобразил Ксюшу Чехову. – Бухло, обещала, будет. Предки куда-то свалят. Все условия, короче...

– Да, по ходу, ничего у тебя не выгорит. Зарубина снова тебя прокатит и все дела.

– Забьемся? – с вызовом предложил Чепрыгин, протягивая руку Пашутину.

– Ну... можно, – пожал плечами тот. – На что спорим?

– Ну вот. Другой разговор...

– Оставь её в покое, – произнёс вдруг Стрелецкий, чуть глуховато, но твердо и холодно. Макс недоуменно сморгнул.

– В смысле?

Роман повторяться не стал, лишь придавил его немигающим взглядом. Остальные притихли, напряженно наблюдая за внезапным столкновением этих двоих. Ведь ни тому, ни другому больше никто в школе противостоять не решился бы.

Оттого зрелище становилось особенно интересным.

Макс, не дождавшись ответа, немного нервно хохотнул, оглянулся на одноклассников, вроде как ища поддержки. Но те молчали, даже Пашутин. Чепрыгину тоже было явно не по себе от Ромкиного пристального и тяжёлого взгляда, но спастись он не мог, не при всех. Авторитет обязывал.

– Для себя её, что ли, присмотрел? – выдавил он улыбочку. – Так можем поделить. Я не жадный. Только, чур, я – первый. Сам понимаешь, спор...

– Держись от неё подальше, – после долгой паузы отрезал Роман и направился в сторону школы.

– А чего это ты мне указываешь? – крикнул ему в спину Макс. – Ты, б***, может, и ходячий комплекс бога, да только мне навалить. Я сам решаю, что мне делать, и у... всяких там не спрашиваю. И уж тем более разберусь, с какой бабой мне мутить.

Ромка остановился и развернулся, глядя на Чепрыгина потемневшим взглядом. Тот отчего-то дрогнул, но, слава богу, никто этого не заметил. И для убедительности с усмешкой протянул:

– Ааа... так ты всерьез, что ли, запал на эту недавашку? Ну, становись в очередь, Ромео.

– Я тебя предупредил. Только попробуй тронь её.

– И что будет? – криво улыбнулся Макс.

Роман и сам не знал, что будет, но в тот момент невыносимо хотелось стереть с лица Чепрыгина эту гадкую ухмылку. И он ударил коротко и резко, точно между ребрами.

Это вышло как-то само собой, неосознанно, на инстинктах. Никто ничего подобного от Романа не ожидал, в том числе и сам Роман. А уж Макс – так тем более. Ведь он – Чепрыгин. Это он может ударить кого угодно, но чтоб его...

Макс, сдавленно охнув, согнулся пополам. Остальные парни продолжали изумленно таращиться.

Стрелецкий никогда ничего подобного не вытворял. Когда другие устраивали разборки, он взирал на это надменно и малость брезгливо. Ни в какие дразги принципиально не ввязывался, будто это уронит его достоинство. И тут вдруг – на тебе. Все видели, что Макс больше шутил, бравируя, без наездов, без всякой агрессии, а этот сразу руки распустил.

– Ссука, – сквозь зубы прошипел, отдышавшись, Чепрыгин.

Он кинулся на Стрелецкого, но успел лишь разбить ему губу. Проходящая мимо математичка подняла крик на весь двор, и их тотчас разняли.

– Мы не закончили, – с угрозой бросил он, уходя вместе с Пашутиным. – Скоро продолжим. Жди.

Но никакого продолжения не вышло.

Вечером мать, увидев разбитую губу, учинила допрос. И хотя Ромка ничего не сказал, упрямо повторяя, что один разберется, она и сама всё выяснила. Прижала классную по телефону, та и выложила всё, что знала со слов математички: Чепрыгин бросился с кулаками на Рому, но что они не поделили – неизвестно.

– А вы куда смотрели? – еле сдерживая холодную ярость, спросила мать классную.

– Это... понимаете, это не в школе случилось... во дворе. Маргарита Сергеевна, извините, конечно... этот Чепрыгин... просто проклятье какое-то... но Мария Ивановна вовремя вмешалась. Со своей стороны, обещаю, проведу работу с Чепрыгиным, вызову в школу его родителей. А как Рома? Надеюсь, ничего серьезного?

Мать отвечать не стала, раздражённо бросила трубку. А утром вызвала к себе на ковер Чепрыгина-старшего, отца Макса, который работал начальником одного из цехов на комбинате. Что уж она ему устроила, Ромка не знал, но Макс после этого обходил его по дуге, поджав хвост. И что совсем хорошо – отвязался наконец от Оли Зарубиной. Даже не смотрел больше в её сторону.

Зато Ромка только и мог, что смотреть.

О том, чтобы подойти к ней на перемене, ни с того ни с сего заговорить, да просто ляпнуть какую-нибудь банальщину, как тот же Чепрыгин – и речи быть не могло. Подобное геройство ему даже в голову не приходило, а если бы и пришло, то лишь в образе несбыточных фантазий.

И ведь прежде никогда ни малейшего стеснения не испытывал даже с теми девчонками, которые считались в школе «зачетными», а тут буквально столбенел, если она оказывалась близко...

5

Впрочем, Ромка и не страдал от своего смятения. Его не терзало беспокойство: любит – не любит? Подойду, а вдруг отвергнет?

Подобные мысли его даже не посещали. И к сближению он и сам не стремился. Тогда, в десятом классе, ему достаточно было просто видеть её. В тот период ему и без того хватало впечатлений и чувств, новых и таких острых, что в груди ломило и сбивалось с ритма сердце. Казалось, если Оля вдруг заговорит с Ромкой или его коснётся, оно вообще не выдержит и остановится.

Их взгляды притягивались, сталкивались и разлетались, оставляя искры. А душевными ночами Ромка лежал, глядя в темный потолок, но видел вовсе не смутные очертания люстры, не блики фонаря за окном, а её тонкое лицо, её глаза, серо-зеленые, как небо в дождь. И словно заново раз за разом переживал одни те же их мимолетные встречи.

Однажды она сама к нему подошла. Точнее – догнала. И даже коснулась...

В конце мая, перед самыми каникулами. Накануне математичка предложила Роману свой личный учебник по матанализу для поступающих, чтобы летом заниматься. Ромка поднялся в кабинет математики, где Мария Ивановна как раз собрала класс Зарубиной на консультацию. У девятых со следующей недели начинались экзамены.

– А, Рома, заходи-заходи, – подозвала его Мария Ивановна, когда он, заглянув в кабинет, буркнул «Извините», намереваясь скорее выйти.

Что поделать – пришлось встать у порога в ожидании, пока математичка отыщет в огромной, как мешок, сумке книгу.

Эти несколько секунд дались ему тяжело. Казалось, будто он на сцене в зале, полном зрителей. Надо выступать, а он всё забыл. В общем-то, на остальных зрителей ему было плевать, но вот Оля... Она сидела «в первом ряду». Подперев щеку кулачком, Оля склонила голову над тетрадкой, но исподлобья, чтоб было незаметно, поглядывала на Романа. Ромка это безошибочно чувствовал, хотя сосредоточенно пялился на математичку.

– Как же так... помню ведь, что брала... неужели дома оставила... Рома, – математичка закончила суетливые поиски и виновато посмотрела на Стрелецкого, – не могу что-то найти. Наверное, все-таки дома забыла. Ты забеги ко мне вечером. Или завтра утром сюда приходи. Я до двенадцати здесь буду.

Ромка, напряженный до предела, кивнул, на негнувшихся ногах развернулся к двери лицом и, прежде чем выйти из кабинета, быстро скользнул по ней глазами. Мельком поймал её взгляд, заметил, как она тотчас опустила голову в тетрадку, спрятав от него лицо, и затем даже не вышел, а как-то неловко, будто руки-ноги едва его слушались, вывалился в коридор.

Только там перевёл дух. Дошёл, не торопясь, до лестницы под громохание собственного пульса. И тут кто-то легонько тронул его плечо.

Ромка обернулся. Оля Зарубина протягивала ему старенький потертый учебник. Демидович «Сборник задач по матанализу».

Густо краснея, Оля пролепетала робко: «Мария Ивановна просила передать. На столе у себя нашла».

Ромка стоял как столб и просто тонул в её глазах, забыв обо всем на свете. Может, этот момент длился всего несколько секунд, но ему показалось – целую вечность. Наконец он, не отрывая взгляда, взял книгу из её рук. Медленно, как сомнамбула. Нечаянно задел её пальцы, и она смутилась ещё больше. Закусила губу, потом ушла, вернулась в свой класс.

А Ромка возвращался домой как пьяный. Даже злосчастный учебник забыл убрать в рюкзак. Так и нёс в руках.

А потом мать отправила его в Черногорию. Отдохнуть перед последним, самым ответственным учебным годом. В маленьком курортном городке Петровац жила её двоюродная сестра. Мать и сама, когда выдавалась такая возможность, ездила к ней. Но возможность выдавалась редко, раз в пять лет. Поэтому Ромка поехал один. «Ничего, не маленький уже. Скоро восемнадцать», – говорила мать, успокаивая себя. Но все равно нервничала.

Два безмятежных месяца на побережье Адриатики показались Ромке длиною в полжизни. Он изнывал от тоски. Вместо пляжа большую часть времени торчал в тесной комнатке с опущенными жалюзи, запоем читал или же решал задачи из того самого Демидовича. Хотя больше мечтал, чем решал.

Скучный учебник обрел для него особую прелесть. Его держала она, Оля. Передала ему из своих рук... Тот момент вообще намертво засел в его сознании. Так близко, как тогда, они ещё не были. Так надолго не замирали, глядя друг другу в глаза. И можно сказать, они даже немножко поговорили. Точнее, она сказала ему целых две фразы.

Ромка прокручивал в уме ту сцену, словно пересматривал самый любимый фильм, смакуя каждую секунду.

На пляж выходил обычно ночью. Закатав льняные брюки до колен, бродил по щиколотку в воде, смотрел в усыпанное мерцающими звездами небо, гадал, что сейчас видит Оля, что она делает, о чем думает...

Домой возвращался с колотящимся сердцем. Там, в Черногории, он считал дни, а под конец – и часы. Получилось пятьдесят шесть дней, даже не прожитых, а потраченных впустую. Так ему казалось.

Да только и в Крменгорске прошла целая неделя прежде, чем он наконец её встретил. Раз пять за эти дни Ромка прошептал туда и обратно мимо дома Зарубиных. А жили они в частном секторе, рядом с водонапорной башней. Ни магазинов, кроме ларька, ни каких-то ещё заведений в том районе не имелось. Так что и оправдать свои походы, если вдруг что, Стрелецкому было бы нечем. Но его не заботило абсолютно, как всё это выглядит со стороны. Ему просто до невозможности хотелось увидеть её.

А встретил Олю он совершенно случайно – на центральном рынке, где она рядом с другими бабками и тетками торговала зеленью и овощами со своего огорода.

Ромка, как примагниченный, подошёл к её лотку. Даже купил что-то бездумно, кажется, пук укропа. Достал из кармана джинсовых шорт бумажку, не глядя, протянул ей.

– Тут слишком много, – тихо промолвила она, не поднимая глаз. – Я поищу сдачу.

Пунцовая от подбородка до самых волос, Оля не смотрела на него и вообще так сильно волновалась, даже тонкие пальчики дрожали, пока она перебирала в голубой пластиковой чашке мелочь.

– Не надо сдачи, – Ромка же, наоборот, не мог глаз от неё оторвать.

– Я не могу так... Может, ещё редис положить? Или огурцов?

Ромка, не задумываясь, кивнул.

На другой день Стрелецкий снова появился на рынок примерно в то же время – около одиннадцати утра, но вместо Оли торговала её мать, худая, измотанная женщина. Ромка опознал её сначала по вчерашней голубой чашке с мелочью, а, приглядевшись, увидел, что они и внешне похожи, мать и дочь. Те же русые волосы, те же огромные серо-зеленые глаза. Правда, у матери они уставшие и даже какие-то больные.

Ромка зачем-то купил у неё почти всё. И был вознаграждён ценной информацией. Торговавшая рядом женщина спросила у Ольгиной матери:

– Что, Тома, сегодня сама торгуешь?

– Сама. Ксюшка Чехова, Ольгина подруга, позвала её на тёплые озера. Я уж разрешила. Пожалела. И так бедный ребенок лета не видел. Сначала экзамены эти. Потом – огород. Сейчас вот на рынке с утра до вечера. Вчера вообще чуть ли не в слезах домой вернулась. Заявила

вдруг, что ей стыдно торговать. Хорошо хоть, отец не слышал, а то у него, сама знаешь, разговор короткий...

Теплые озера. Это за городом, где-то сразу за плотиной. Наверное. Ромка сам не бывал в тех местах, только слышал от одноклассников. Колебался он недолго – через час Юра, водитель матери, высадил его на обочине.

От шоссе вниз убегала песчаная дорога и терялась в кустах и деревьях.

– Вот по ней спускайся прямо до берега, – объяснил Юра. – С полкилометра где-то. Там и будут озёра. Ты увидишь. Приехать позже за тобой? Маргарите Сергеевне я понадоблюсь только после шести. Так что до этого времени могу тебя забрать.

– Да нет, спасибо, обратно я уже сам доберусь, – Ромка пожал руку водителю, подхватил полупустой рюкзак, в котором одиноко болталась бутылка минералки, и устремился по дороге вниз, даже не подозревая, что если бы он не приехал сюда или просто задержался бы в пути чуть дольше, то случилось бы непоправимое...

6

На звуки многоголосья Ромка спустился к пляжу. Он и, правда, оказался совсем близко. Строго говоря, это был не пляж, а просто берег, и довольно грязный. Там и сям валялся всякий мусор: окурки, пакеты, жестяные банки, смятые пачки из-под сигарет. Не сравнить с идиллическим пляжем в Петроваце, где он так немислимо скучал.

Ромка огляделся, выискивая глазами Олю. Но народу собралось – тьма. Шумные компании тесно облепили весь берег. Под каждым кустом выпивали, жарили шашлыки, хохотали. У некоторых из распахнутых дверей машин гроыхала музыка, сливаясь в какофонию. Дети плескались на мели и визжали громче автомобильных динамиков.

Ромка обошёл весь берег, лавируя между отдыхающими и стараясь не наступить ненароком на чье-нибудь распластанное на солнце тело, но Олю так и не нашёл. И среди купающихся у самого берега её не было. А вот чуть поодаль... поодаль плавала она. Его Оля. Внутри сразу затрепетало.

Ромка присел на корточки, не отрывая взгляда.

Над водой торчала одна голова, как поплавок. На таком расстоянии лица особо и не разглядеть, но он точно знал – это она. Чувствовал.

Он не думал о том, что будет дальше, когда Оля выйдет из воды, когда они встретятся. Не гадал, заговорят ли, поздороваются или просто будут молча друг за другом украдкой следить. Это всё потом. Сейчас он просто смотрел вдаль заворожено...

Вдруг ее голова скрылась под воду, но тут же вынырнула. И опять – исчезла и вновь показалась. А в следующий миг Оля как-то нелепо и судорожно взмахнула рукой.

Сердце вдруг болезненно екнуло. Не похоже на гребки. Скорее... на тонущего человека, холодея, понял Ромка.

И абсолютно никто не обращал внимания. Увлеченные собой, друг другом, пивом, шашлыками, флиртом, играми, чем угодно, люди попросту не замечали, что в нескольких десятках метров от берега тонет девочка. Может, она и звала на помощь, но сквозь визги, музыку и смех никто её не слышал. Хотя вряд ли она кричала. Ромка вдруг вспомнил, что люди чаще всего тонут молча.

Он отшвырнул рюкзак и, не раздеваясь, бросился в воду. Плавал он неплохо. Мать лет с десяти заставляла его ходить в бассейн при комбинате. Даже выбила в главке ставку для инструктора, чтобы тот учил, как правильно.

Ромке эти занятия совершенно не нравились. Поначалу он сильно уставал. Ну а позже ему было просто скучно плавать взад-вперед без конкретной цели. В придачу ещё и глаза после бассейна болели и слезились. Даже как-то просил мать избавить его от этих тренировок.

Но с ней такие номера не проходили.

«Плавание – это здоровье, это осанка, это фигура, – чеканила она строго. – Так что, Роман, будь любезен, занимайся как следует».

И Ромка занимался, пусть и через не хочу. И ведь не зря.

Он рассекал мутноватую стоячую воду мощными гребками, не чувствуя собственного тела. Ещё немного, ещё несколько бросков...

«Держись, пожалуйста, держись!», – отчаянно повторял в уме, как будто она могла его слышать.

Ромка уже видел ее глаза, полные безумного ужаса. Видел, как она хаотично барахтается, как открывает рот, чтоб глотнуть воздуха и захлебывается.

«Я сейчас! Сейчас!».

И наконец последний рывок, и вот он уже поднырнул к ней сзади. Подхватил её и полубоком поплыл обратно. Отдыхающие не видели, как тонула Оля, но Ромка, бросившийся в одежду в воду, привлек внимание многих. И на берегу их уже встречала взволнованная толпа.

– Вот сюда ее уложите! – командовал кто-то. – Вот так, да! Надо удалить воду из легких, если есть, и прочистить носоглотку! Давайте, ребята! О, она приходит в себя... Ура! И все равно надо отвезти ее в больницу. Кто может? Вы отвезете? Ну хорошо...

Вокруг Оли суетился народ. Ромка же обессиленный, больше от стресса, чем от нагрузки, опустился на вытоптанную траву. Мокрые джинсовые шорты стояли колом, футболка, наоборот, липла к телу.

Его тоже тормозили, хлопали по плечу, кричали, какой он молодец. Ромка же будто оцепенел – до него только сейчас начал доходить весь ужас произошедшего. Несколько минут назад он об этом не думал, ни о чем не думал, кроме единственной цели – успеть. И вот теперь осознание настигло его: Оля едва не погибла. Он едва не потерял её навсегда. И ему стало страшно. Раньше он и не задумывался о том, как хрупка человеческая жизнь, и как легко потерять то, что так дорого. Этот страх, как могильный холод, пробрал его до мозга костей и засел глубоко внутри. И потом, спустя день, два, неделю, он давал о себе знать, стоило лишь вспомнить...

До матери тоже дошли эти новости. Ещё бы – на каждом углу пересказывали, как у Оли Зарубиной спустил надувной матрас прямо на глубине, она стала тонуть и утонула бы обязательно, если б не Роман, сын Стрелецкой.

В конце концов сама Олина мать заявила к ним прямо домой – поблагодарить. Совала какой-то пакет. Зачем-то припомнила вдруг, что Ромка уже защитил Олю этой весной от ужасного Чепрыгина. И вот теперь спас ей жизнь. В общем, настоящий герой.

Ромка растерялся, смутившись. А мать слушала все эти излияния с каменным лицом, не пустив Олину мать дальше порога. Так что у той восторженная горячность быстро сошла на нет, и последние слова она договаривала уже скомкано, протягивая пакет с материальными благодарностями.

Мать пакет проигнорировала, и тогда оробевшая женщина поставила его у стены.

Наконец мать ей сухо ответила:

– Пожалуйста. Всего доброго.

Только мать умела сказать «пожалуйста» так, что явственно слышалось «идите вон».

– И это, – она взглядом указала на пакет, – заберите.

– Но это же... – залепетала Олина мама, растерянно моргая. Потом торопливо наклонилась, забрала свои подарки и вышла.

– Зачем ты так с ней? Это было грубо, – рассердился Роман.

– Ты мог утонуть, – сдерживая ледяную ярость, проговорила мать.

– Это Оля могла утонуть.

– Мне нет дела ни до какой Оли. Ты – мой сын. Мой единственный сын. Ты рисковал собой. Ты мог погибнуть, – не слышала его она и продолжала негодовать. – Ты хоть знаешь, как часто гибнут те, кто пытается спасти тонущего? Как это глупо! Как безрассудно! Ты мог просто позвать на помощь, если на то пошло. Ты не спасатель. Что ты вообще там забыл? В этой грязной луже?

И вдруг мать, всегда холодная и выдержанная, дрогнула, будто в ней что-то надломилось. Шагнула к нему и порывисто обняла. Даже не обняла, а припала к его плечу. Уткнулась лбом и пару раз коротко вздрогнула, шумно вдохнув. И вся Ромкина злость тотчас испарилась.

Никогда он её такой не видел. Даже когда погиб отец, даже когда умерла бабушка. Мать ни слезинки не проронила. Не потому, что черствая, а просто привыкла переживать всё в себе и не показывать виду. И вдруг эта неожиданная слабость...

7

После выходных Ромка нашёл Олину мать на рынке, на прежнем месте. Та его сразу же узнала, робко, едва заметно улыбнулась, словно не зная, можно ему улыбаться или нельзя. В прошлый раз Ромкина мать охладила её пыл. Да и вообще выглядела женщина какой-то изможденной и затравленной. Затюканной жизнью. А при Ромке она, казалось, ещё больше съежилась.

Зато другие тётки дружно заголосили:

– Ой, девочки, глядите, кто пожаловал! Молодец мальчишка! Мужик! Герой! Страшно было, а? Галка, отсыпь-ка огурцов и яблок спасителю своей дочи!

Ромка не обращал на них внимания, как будто даже и не слышал.

– Как Оля? – спросил он у её матери.

– Лучше, уже хорошо. В больнице сейчас. Но скоро должны выписать, – отчего-то нервничая, ответила ему женщина.

Ромка уже отошёл, когда она его окликнула:

– Роман! Простите, ради бога, если что не так... и спасибо вам большое! – прижимая руки к груди, с чувством произнесла она.

Он, слегка обескураженный этим её «вы», пожал плечами, мол, не за что.

Кремнегорская больница находилась на выезде из города, недалеко от вокзала. Ещё не так давно она буквально разваливалась. Стены осыпались так, что местами оголились железные прутья арматуры. В щели расхлябанных окон со свистом задували ветра. Весной и в дождь с потолков лилось, и санитарки не успевали подставлять ведра и тазы.

Денег, выделяемых из бюджета на ремонт, хватало лишь на побелку-покраску и какие-то косметические мелочи. Но всё это не спасало – через пару месяцев плесень вновь проступала и расплзалась под потолком черными пятнами.

Ромкина мать сумела убедить совет директоров комбината взять шефство над больницей, единственной в городе. И двух лет не прошло, как здание обрело вполне себе благопристойный вид. Больше нигде не сквозило, не текло, не сыпалось, а сбоку пристроили небольшой корпус – лабораторию, снабдили новым оборудованием.

Ромка едва узнал отремонтированную больницу – три года назад он сам угодил сюда с подозрением на аппендицит и остался в ужасе от условий. Впрочем, несмотря на внешние метаморфозы, персонал остался прежний. Хамоватый.

Санитарка в приемнике яростно возила шваброй по полу и ругалась на всех подряд. Женщина в окошке регистратуры как робот повторяла механическим голосом:

– Посторонним справок не даем.

– Да я не посторонний! Мы двадцать лет живем через стенку. Это дети ее посторонние, уехали, совсем забыли старуху. А я же... каждый день... Ну, пожалуйста, девушка, миленькая! Ну, посмотрите. Сви-ри-до-ва. Анна Матвеевна, – упрашивал мужчина женщину за стойкой. – Мне хотя бы узнать, как прошла операция, ну и может, принести чего...

– Ещё раз повторяю, справок не даем. Только родственникам.

Мужчина досадливо выругнулся, махнул рукой и расстроенный отошёл от окошка.

Ромка бы в другой раз и спрашивать ничего не стал, но его не отпускало жгучее желание, даже потребность, узнать про Олю. Регистраторша безучастно спросила, кем он ей приходится.

– Никем, – честно ответил Ромка.

Она даже вскинула брови то ли с удивлением, то ли с возмущением.

– Я же говорю... – начала она с нотками раздражения. И вдруг улыбнулась, словно узнала старого знакомого. – Как ты сказал? Зарубина Ольга? Девчонка, которая тонула? А ты же Рома? Сын Маргариты Сергеевны? Это же ты девчонку спас! Молодец! Маргарита Сергеевна, наверное, очень гордится? А Зарубина... нормально всё с ней. Может, хочешь её навестить? Второй этаж, палата двадцать три. У них там, правда, сончас ещё... Но ничего, я сейчас позвоню туда на пост, договорюсь, тебя пропустят.

Ромка почти привык, что имя матери было в Кремнегорске как золотая пайцца, открывающая для него практически все двери. Но иногда становилось не по себе и даже немножко стыдно за такие преференции. Ромка слышал, как за спиной метался мужчина, переживающий за некую Свиридову Анну Матвеевну, и не мог вот так взять и пройти, когда других, по сути, послали. Да и потом, что он ей скажет? Привет, как себя чувствуешь? Давай познакомимся? Ну, глупо же.

– Да нет, не надо, я потом приду, когда положено.

Ромка поскорее вышел в больничный двор, обогнул здание, прикидывая по памяти, куда выходит окно двадцать третьей палаты. Примерно сообразил, но сомневался то ли оно второе от края, то ли третье. Минуты две изучал, задрав голову, как вдруг в одном из них показалась она. Оля Зарубина. Это вышло так неожиданно, что Ромка не успел ни смутиться, ни отвести взгляд. А, может, и не захотел. Так он и стоял, неотрывно на нее глядя, потеряв счет времени.

Оля тоже замерла у окна и тоже смотрела на него. И хотя оба молчали, но Ромке казалось, что они общаются. Говорят друг другу самое важное. Потому что взглядом только о важном и нужно говорить. Наверное, именно в тот момент он и осознал до конца: это любовь. Не влечение, не влюбленность, не страсть, не интерес. Потому что любовь больше, чем всё вместе взятое. Она даже больше, чем жизнь. Ведь жизнь кончается, а его любовь – навсегда. Так ему тогда казалось.

Это что-то такое огромное, как космос, даже удивительно, как всё это помещается в нём, в Ромке, и не разрывает его изнутри.

Она знает, что я ее люблю, понял Ромка, глядя на тоненькую фигурку в окне, и она...

Тут, видимо, в палату кто-то вошёл, может, врач или медсестра. Потому что Оля обернулась назад, потом снова посмотрела вниз, на Ромку. И вдруг робко и быстро махнула ему рукой и ушла.

Ромка возвращался домой, ошалевший от счастья. Сердце не стучало – оно отбивало радостный марш.

Умом он, конечно, понимал, что его эйфория, возможно, напрасна. Ну, стояла Оля у окна долго – что с того? Может, ей в больнице скучно. А то, что махнула ему рукой – так это вообще, может, просто из вежливости. В благодарность за то, что он её спас. Но доводы рассудка звучали впустую. Потому что откуда-то взялось чувство, почти уверенность, что они не просто смотрели друг на друга, а признавались в любви...

На следующий день Ромка снова пришёл. Около получаса бродил под окнами. Мог бы подняться в палату, как все нормальные люди, но он и сам не находил объяснения, что его сдерживало.

Наконец выглянула Оля. В этот раз всего с минуту они смотрели друг на друга, а потом ушла. Зато вместо нее в окне появились еще две девчачьи головы. Ее соседки по палате. Они хихикали, подавали ему какие-то знаки. Ромка отвернулся. Но не уходил, ждал, хотя и сам не знал, чего.

А потом выбежала она, в коротеньком халатике и тапочках, нежная и какая-то домашняя. Торопливо пересекла больничный двор, но метрах в пяти от Ромки замедлила шаг. Словно замешкалась: подходить или вернуться обратно. А потом и вовсе остановилась. Тогда Ромка двинулся ей навстречу.

– Привет, – улыбнулась Оля, преодолевая застенчивость.

– Привет, – ответил Ромка, деревеня. Голос прозвучал глухо и хрипло, будто он песка наелся.

– Мне сказали, что это ты меня спас. Я этого, правда, не помню. Помню только, как вдруг стала тонуть. И задыхаться. А затем уже на берегу, кругом люди... ну и в скорой... А потом мне сказали, что меня спас Роман... Стрелецкий.

Она произнесла его имя и фамилию как-то по-особенному: тише, мягче. И снова чуть смущенно улыбнулась, глядя прямо на него. Отчего у Ромки поплыло перед глазами. Он и сам сейчас тонул в её глазах. И задыхался.

– Спасибо тебе. А ты сюда приходишь... приходил к кому-то?

– К тебе.

– Спасибо... – промолвила она. – А почему не поднимаешься в палату? А пойдем вон там посидим? Или ты торопишься куда-то?

– Пойдем.

Они присели на свободную скамейку, в полуметре друг от друга.

– А ты что делал летом? – спросила Оля.

– В Черногории был.

Повисла долгая пауза. Оля сидела прямо, плотно сдвинув коленки и сложив на них руки. Время от времени она искоса поглядывала на Ромку и улыбалась. Но Ромка видел – ей не по себе. Теребя поясok халатика, она отчаянно пыталась найти тему для разговора, как-то заполнить паузу, чтобы не было так неловко.

Сам он вполне мог молчать. Ему было просто хорошо рядом с ней и больше ничего другого не хотелось. Затянувшиеся паузы его не напрягали. Наоборот, молчаливые взгляды казались ему красноречивее и откровеннее любых слов. Слова же виделись ему щитом, за которым удобнее прятать настоящие чувства.

– А тебе понравилось в Черногории?

Разве это важно – как было ему там? Зчем сейчас об этом? Тем не менее он ответил:

– Там неплохо.

– И всё? – коротко засмеялась она. – А на озерах ты с кем был?

– Ни с кем.

– Один? – почему-то удивилась она.

– Один.

Снова пауза. Снова она напряглась и ломает голову, о чем говорить дальше.

– И всё-таки какая счастливая случайность, что ты там оказался в то же время! А то бы не сидели сейчас... ужас... – она шутливо передернулась, как от озноба.

– Это не случайность, – глядя ей в глаза, сказал Ромка. – Я туда приехал, потому что тебя искал. И нашёл.

8

Тем августом у них всё и завертелось. После того, как Олю выписали, родители, как и раньше, отправляли её каждое утро на рынок продавать овощи с огорода. Ромка же дни напролёт торчал рядом с ней.

Сначала она очень смущалась, тем более тётки, которые торговали по соседству, посмеивались над ними. Если Ромка задерживался, обязательно спрашивали: «А кавалер твой куда пропал?» или что-нибудь в этом духе. А стоило ему появиться, сразу встречали его дружным возгласом: «А вот и наш Ромео! А мы уж тут все заждались».

Оля тотчас заливалась краской, а Ромка на их безобидные насмешки никак не реагировал. Может, не считал нужным, а, может, и вовсе не обращал внимания. Такое с ним теперь частенько стало происходить: рядом с Олей он вдруг переставал замечать окружающих.

Потом Оля к нему привыкла и, наоборот, ждала его, нетерпеливо вглядываясь в сторону двухэтажного кирпичного дома в конце площади, из-за угла которого он появлялся.

Неловкость тоже постепенно прошла. Правда, временами возникала снова – когда Ромка вечерами провожал её после рынка, и они, навернув несколько кругов по окрестным улицам, останавливались за несколько дворов от её дома, чтобы отец не засёк.

В такие моменты пропадала легкость, забывались все слова и накатывало острое, удушливое волнение.

Ромке до безумия хотелось поцеловать Олю, но он лишь взглядом пожирал её губы. Даже если б он знал, что Оля сама этого ждала, вряд ли бы осмелился. Это всё равно что потрогать руками божество.

Обычно они так и прощались – стояли и смотрели друг на друга так, будто расставались не до завтрашнего утра, а навсегда. Стояли минут по десять, двадцать, иногда и по полчаса, пока не появлялся кто-нибудь из её соседей. Тогда Оля словно отмирала. Бросала сконфуженный взгляд на непрошенного свидетеля их прощания, краснея, бормотала: «Ну, мне пора. Пока!» и убегала к себе.

А Ромка возвращался домой. За ужином едва мог внятно отвечать матери на её расспросы, потому что мыслями всё ещё оставался там, в Черемуховом переулке. И что бы ни делал – читал ли книгу, смотрел ли с матерью фильм или пытался уснуть – перед глазами пеленой стояло Олино лицо, огромные серо-зеленые глаза и чуть приоткрытые, так влекущие его, губы. Это было как дурман, как сладкий морок, от которого и не хотелось избавляться. А утром, наспех позавтракав, он снова мчался на центральную площадь.

Однажды Оля не пришла – был дождь, с ночи шёл. И за пустыми прилавками стояла лишь одинокая тётка в дождевике. Ромка покрутился и, разочарованный, вернулся домой. Он едва перетерпел тот день, не зная, куда себя деть, чем заняться, как дожждаться... Досадовал, что у Олиных родителей нет домашнего телефона, так бы хоть голос её услышать.

Он бы и примчался сам, дождь ему не помеха. Но как её из дома вызвать? Там её отец, а Оля его боится до беспамятства.

– Нельзя, чтобы отец нас увидел. Он у нас очень суровый, – рассказывала Оля ещё тогда, когда Ромка спросил, почему нельзя проводить её прямо до дома. – Такой, знаешь, закостенелый домостроенец. Ему надо, чтобы всё было по его указке, чтобы все его слушались беспрекословно. Он всех нас в ежовых рукавицах держит. Даже маму. И бабушка его боялась, когда жива была. В общем, никому спуска не дает. У него все должны только работать. Ну и вот учиться еще. И никаких развлечений. Пашку, моего брата, он в шестом классе сейчас, ремнем лупит за всё подряд. А маме потом не разрешает даже подойти к нему утешить. А лупит так, что бедняга потом сидеть не может.

– Ужас какой. А тебя?

– А меня – нет, я – хорошая.

– Ты не просто хорошая, ты – лучше всех, – улыбнулся Ромка. – Но всё равно дикость какая-то. В наше время в нашей стране как такое возможно?

Ромка удивлялся совершенно искренне, такое он встречал разве что в книгах.

– Да разве ж у одних нас так? Нет, ты не подумай, папа не плохой. Мама вот говорит, что лучше строгий, чем если бы пил, как другие, или гулял. Или что ещё. Он вот баню новую сам построил. И вообще всё в дом. Работающий очень. Что угодно починить может. Только вот требовательный сильно. Ну и иногда страшный, когда рассердится. И... безжалостный.

– А почему тебе нельзя со мной ходить? Что в этом плохого? Мы же просто... общаемся.

Оля тогда замялась. Ей явно не хотелось отвечать, но в то же время, наверное, не желала оставлять какие-то недомолвки между ними.

– Я тебе расскажу, только это секрет! Правда, многие и так догадываются, соседи – так точно. Но всё равно – ты никому не говори. Хотя это давно было, несколько лет назад, Пашка ещё в школу не ходил. Так что уже подзабылось.

Она замолкла ненадолго, словно собираясь с духом.

– В общем, у меня же была старшая сестра. Аня. Она другая была, смелая. Папу не боялась. Ну, может, боялась, но не так, как мы все. Вот он запрещал ей ходить в клуб на дискотеки, а она ходила. Тайком от него. Через окно потом назад пробиралась. Но однажды она сильно задержалась, почти до утра. Отец тогда полночи на маму орал, хотя мама тут при чем, да? А когда Аня вернулась, еще накрашенная такая, в мини, отец прямо из себя вышел. А, ну еще она там, наверное, выпивала с подругами, а он учуял. В общем, отхлестал ее ремнем. По рукам, по плечам, ну куда придётся. За волосы ещё отгаскал. Сказал, мол, теперь вообще чтоб ни шагу за порог без его позволения. А Аня на следующий день, пока отец был на работе, собрала сумку и ушла из дома. Она уже тогда училась в техникуме на парикмахера. И стала жить в общежитии на Заводской. Отец всех собак тогда на маму спустил. Как будто это она виновата! Но попробуй ему слово скажи...

Оля снова взяла небольшую паузу, видимо, начиналась самая тяжёлая часть истории.

– А потом пошли слухи, что она стала крутить с каким-то мужиком. Женатым. Он, типа, к ней в общежитие ходил, на ночь оставался, и её из-за этого выселили. Там такое нельзя. Нарушение правил. Куда она из общежития перебралась – мы не знали. Мама ходила ее искать. Втайне от отца, конечно. Потом плакала полдня. Я спрашивала, что случилось. Но она только сказала, что Аня себе жизнь сломала и не дай бог папа узнает. А спустя месяц Аня вернулась. Ну, то есть пришла с сумками, попросилась пустить домой. Сняла пальто, а у нее живот уже видно. И отец... он ее выгнал. Представляешь? Мама плакала, просила оставить Аню, так он тогда чуть и маму не ударил, такой был разъяренный. Орал на Аню, что она – гулящая и позор семьи. Что лучше никакой дочери, чем такая. Ну и сказал, где нагуляла – туда и иди. Но он мог проораться и потом успокоиться. И в конце концов уступить, ну, разрешить остаться, если бы она прощения попросила, если бы пообещала хорошо себя вести. Мама ее умоляла. Догнала её во дворе и упрашивала. Но Аня гордая. Ушла. Насовсем. А отец и правда её из жизни вычеркнул. Даже говорить про неё не разрешает. Отрёкся, понимаешь? От собственной дочери. Будто её и не было.

– А где сейчас твоя сестра?

– Умерла, – вздохнула Оля.

– Ничего себе... Мне жаль. А ребенок... она родила?

– Нет, – покачала головой Оля. – Там какая-то мутная история была. Мама подозревает, что Аня хотела сделать аборт, подпольно, ну и... вот.

– А зачем подпольно? Какой-то прошлый век... прости. Сейчас ведь можно в больнице, если уж на то пошло.

– У нее срок вышел. Ну, там есть какие-то сроки, когда ещё можно. А у нее уже было нельзя. Я точно не знаю, как там и что было. Она же уехала из Кремнегорска. Мы узнали про неё, когда она уже в больнице лежала с перитонитом. Не у нас, в Копищево. Мама туда, конечно, сразу отправилась, но Аню не спасли. Там её и похоронили. А отец... он денег маме дал на дорогу, ну и так, но сам не поехал. Даже на похороны. И ни разу про нее не вспоминал больше. Говорю – просто вычеркнул. Вот такой он человек.

Так что после Олиного рассказа Ромка просто не мог подвести её под монастырь, пусть его и снесало жгучее желание увидеться.

Оставалось только ждать и надеяться, что завтра чертов дождь закончится, и они встретятся как прежде. И ему повезло – к вечеру уже распогодилось. И утром Ромка снова мчался на рынок, счастливый, что они наконец встретятся после бесконечно долгого дня разлуки.

Правда, тем же вечером Олин отец всё-таки их увидел. Вышел за сигаретами и застал в трех дворах от дома.

Ромка заметил, как Оля мгновенно побледнела, словно в ней вдруг не осталось ни кровинки. Даже губы побелели. А огромные глаза наполнились страхом. Ему и самому стало не по себе, когда хмурый, под два метра ростом, мужик в промасленной рабочей спецовке остановился рядом с ними и, скрестив руки на груди, буквально вперился в него мрачным взглядом.

Ромка тоже молчал и тоже его разглядывал.

– Папа, это Рома Стрелецкий, – пролепетала Оля. – Он меня проводил до дома.

Наконец Олин отец посмотрел на дочь. Потом красноречиво – на табличку с номером на чужих воротах, возле которых они стояли.

– До дома? Ты забыла, где живешь?

– Я... мы... просто не дошли пока.

– Марш домой.

– Пап, – Оля в отчаянии посмотрела на Ромку, и он понял: она боялась за себя, но ещё больше – за него.

– Марш, я сказал, – рявкнул он. – Или кто-то слов не понимает?

Она, едва не плача, поплелась домой, оглядываясь на каждом шагу.

Отец ещё несколько секунд молчал, продолжая давить Ромку тяжелым взглядом, словно, желая запугать его без слов. Впрочем, для Ромки он все равно был всего лишь угрюмым, недобрым мужиком. И не будь он отцом Оли, Ромка бы попросту развернулся и ушёл. А так – тоже стоял и изучал его немигающим взглядом, словно интуитивно чувствовал, что ему надо выдержать этот молчаливый зрительный поединок.

Отец сдался первым.

– Значит, так. Если ты с моей дочерью... если что-то ей сделаешь... если опозоришь её, – он произносил фразы урывками, будто с трудом подбирал нужные слова, но все равно выходило зловеще. – Даже твоя мать тебе не поможет. Ясно?

Ромка промолчал, продолжая смотреть на него исподлобья. Пусть не думает, что он дрогнул, что боится его. И хотя он искренне считал, что скорее умрет, чем обидит или, уж тем более, опозорит Олю, но убеждать в этом её отца он не собирался.

– Ну ты понял, – сурово кивнул отец и, тяжело ступая, двинулся к табачному киоску.

9

В предпоследний день лета Оля пригласила Ромку на свой день рождения.

– Папа разрешил, чтобы ты пришёл, представляешь! – ликовала она. – Ну, в смысле он не против тебя! Нет, ты не понимаешь, как много это значит! Он же как говорил всегда? Что пока не выучусь, пока на ноги не встану, работать не начну – нельзя даже думать ни о чем таком. Ну и потом тоже в идеале – это сразу замуж с его позволения и за того, кого он сам одобрит. И чтобы жених у него просил моей руки, как в старину. Папа считает, что только так прилично. А после Ани так вообще постоянно вдалбливал, мол, не дай бог я буду с мальчиками встречаться. Сразу, типа, мне конец.

Оля красноречиво полоснула себя по шее ребром ладони.

– Ну или проклянет и выгонит. И тут вдруг – разрешил тебя позвать. Это мама предложила, конечно. Я бы не посмела. А она: типа, вот, Рома спас, если б не Рома... ну и всё такое. И папа вдруг: ну ладно, пусть придет. Представляешь? А ведь он после того раза, ну, как встретил нас, сказал мне, что такие, как ты, на таких, как я, не женятся. Типа я не твоего поля ягода. Поэтому нечего нам, ну, нельзя мне с тобой. А я ему говорю: ты Ромку совсем не знаешь! Он не такой! Он...

От эмоций Оля говорила торопливо, сбивчиво, потом вдруг осеклась, стремительно краснея.

– Ну, не в смысле, что мы... я о таком не думаю... ну, про жениться... это папа всё... ну...

Она совсем запуталась в словах. Посмотрела на него сконфуженно. А он лишь разулыбался.

– Да ладно. Намёк понял. Закончим школу, и я приду к твоему отцу и как в старину попрошу твоей руки.

Ромка, конечно, шутил, так далеко он просто не загадывал. Но если бы вдруг задумался о будущем, то только с ней и хотел бы связать свою жизнь. Как иначе? И если когда-нибудь для этого придётся потакать причудам её отца – не велика беда. Придет, попросит, не переломится.

– Ты что! Я ни на что не намекала! Ой, не могу, – она прижала ладони к пылающим щекам. – Ты смеешься надо мной! Но ты же придешь? Ром, ты обязательно приходи!

Конечно, Ромка пришёл, хотя и понимал, что вряд ли там будет празднично или даже просто комфортно. Наверняка Олин отец хотел к нему присмотреться получше, прощупать. Да и пусть.

Явился он с букетом и огромным плюшевым медведем. На него Оля засматривалась, когда они гуляли по универсаму, а Ромка заметил. Правда, на этого медведя, к сожалению, пришлось просить у матери, стоил он прилично. Мать, конечно, была недовольна, но отказывать не стала. Денег она никогда не жалела, просто ей казалось, что Ромка зря тратит бесценное время на «неподходящую девочку».

Ромка тогда ещё искренне верил, что если она узнает Олю получше, то обязательно изменит мнение. Олю ведь невозможно не любить. Она совсем как ребёнок. Не в том плане, что беспомощная какая-нибудь или капризная, нет. Она просто наивная, бесхитростная и искренняя.

Вот и его подарку обрадовалась, как маленькая.

– О! Мишка! Я же о нем мечтала! Ром, как ты догадался?

Она обняла медведя, который был её почти по плечо, и, смеясь, покружилась с ним, словно в вальсе. Потом усадила на кровать в своей комнате рядом с кучей других игрушек.

Кроме Ромки Олю пришли поздравить ещё две подружки из её класса – Ксюша Чехова и Юля Комович. Обе старались понравиться Стрелецкому, улыбались кокетливо, говорили всякие глупости и чуть что хихикали. Ромка их из вежливости терпел.

Олина мать накрыла им стол на веранде. Расставила разномастные тарелки. В двух огромных пластиковых чашках выставила оливье и винегрет. Ещё в одной кучей свалила порезанный огромными неровными кусками хлеб. На подносе горой возвышалась отварная картошка, присыпанная зеленью, в окружении жареных куриных окорочков. Тут же стояли две полуторалитровые бутылки с лимонадом «Буратино» и блюдец с конфетами.

Ромка, с детства привыкший соблюдать этикет, даже просто ужиная в самый обычный день, слегка оторопел. Есть, даже садиться за стол со всеми вместе, резко расхотелось, но обидеть Олю он не мог.

Над едой кружили мухи, присаживались на бортики тарелок, и это ещё сильнее портило впечатление.

Олина мама постоянно предлагала ему то одно попробовать, то другое, но его подташнивало от запахов, от сочащегося с окорочков жира, от мух, ползающих по тарелкам. Тем не менее он заставил себя проглотить картофелину и немного салата. Потом соврал, что наелся дома.

Хорошо хоть отец её помалкивал, а потом и вовсе ушёл. Как только он их оставил, сразу стало шумно и весело. Олины подружки болтали, не умолкая, хихикали, взвизгивали. Пашка, младший брат, сначала с жадностью налегал на еду, потом тоже включился в разговор, выкрикивая к месту и не к месту всё, что приходило, видимо, на ум.

И Ромка вдруг заметил в этой суеде, что лишь Оля сидела молчаливая и серьезная. Даже расстроенная, наверное. Она смотрела на него так, что у него сердце заболело.

До торта Ромка не досидел. Сослался на дела, на то, что надо домой. А всё было куда прозаичнее: он просто захотел в уборную и ему показали дорогу до туалета – деревянной кабинки с краю огорода. Заглянув туда, Ромка в ужасе отшатнулся, поняв, что просто не сможет туда зайти. Или же его вырвет.

Оля провожала его до калитки и выглядела совершенно несчастной. Ему было стыдно перед ней, стыдно за свой снобизм и чистоплюйство, но он ничего не мог с собой поделать.

– Тебе у нас не понравилось, да? – убитым голосом спросила она.

– Нет, – возразил Ромка. – Мне всё понравилось.

Вышло натужно.

– Неправда. Я почувствовала. Да я не обижаюсь. Знаешь, я вдруг просто посмотрела на всё твоими глазами и поняла... но мы так живем, так привыкли... Здесь все так живут.

Она обвела рукой, имея в виду соседние дома, и опустила голову.

– Оль, да я ничего такого не думал. Ты что!

Но она не поднимала глаз. Смотрела себе под ноги, только плечи чуть подрагивали. Тут Ромка заметил, что она плачет.

Он готов был провалиться сквозь землю от стыда. Почти ненавидел себя за это. Как мог он испортить её день рождения? Сидел, наверное, там с постной физиономией...

– Оль, ну что ты?

Она ещё ниже опустила голову, пытаясь скрыть слёзы.

– Оль... я люблю тебя.

Она тотчас подняла на него взгляд и сразу плакать перестала. С минуту просто смотрела на Ромку, словно не знала, что ответить, но губы её сами собой растянулись в улыбке.

– Это правда?

– Конечно. Я очень сильно тебя люблю. Больше всех на свете.

Улыбка ее стала ещё шире и светлее. Оля обернулась, опасливо посмотрела в сторону дома, проверила, нет ли поблизости отца, а потом вдруг быстро подтянулась на носочках и прижалась губами к Ромкиному рту.

Всего несколько мгновений длился их поцелуй. Ромка и опомниться не успел, но задохнулся от нахлынувших чувств, от самого осознания, что *это* случилось.

Шел домой как пьяный и ощущал себя самым счастливым человеком на земле, повторяя про себя с блаженной улыбкой: она меня поцеловала, я ее люблю, она меня любит... поцеловала меня сама...

10

С началом учебного года Оля перестала торговать на рынке, лишь иногда, в выходные, мать просила её помочь. И теперь местом их встреч стала школа. Они даже облюбовали «свой уголок» – узенькое торцевое окно на втором этаже, в конце коридора.

Каждую перемену они встречались и стояли у подоконника, взявшись за руки. А раскидистая пальма заслоняла их от лишних глаз. Хотя вся школа и так очень быстро прознала о том, что Роман Стрелецкий встречается с Олей Зарубиной, что у них всё серьезно. О них шептались, сплетничали, обсуждали.

Пацаны посмеивались между собой, косясь на Макса Чепрыгина, авторитет которого ещё больше пошатнулся. Девчонки придирчиво разглядывали Олю, пытаясь понять, что Ромка в ней нашёл.

Она, может, и ничего, рассуждали Ромкины одноклассницы, но есть ведь и красивее, и ярче, и интереснее. Ладно, Чепрыгин на неё спорил, это было «по приколу». Но чтобы всерьёз ходить с этой монашкой... К тому же, эта Зарубина вечно ходит в одном и том же. В какой-то простецкой кофточке, в дурацкой юбке, в растоптанных туфлях. И рядом со Стрелецким, который всегда одевался дорого, смотрится совсем убого. Кое-кто даже назвал их парочку «принц и нищенка».

В конце концов, и до Ромкиной матери доползли слухи. Народ их чуть ли не женил уже.

Как-то вечером за ужином она учинила Ромке целый допрос: что за девочка, откуда, из какой семьи, чем ещё примечательна, кроме как своим утоплением и тем, что из-за неё Ромка подрался с Чепрыгиным.

Зарубин не работал у матери, поэтому она его и не знала. А Олину мать она едва запомнила.

– Отец у нее работает на водоканале слесарем, а Олина мама... кажется, нигде не работает.

– Завидное семейство, – хмыкнула мать.

Ромка бросил на неё осуждающий взгляд. Сложил приборы и откинулся на спинку стула. Хотел вообще встать из-за стола и уйти к себе, не доев ужин, но сдержался.

– Пригласи её как-нибудь к нам, – вдруг выдала мать.

– Зачем? – удивился Ромка.

– Как зачем? Познакомиться. Очень хочется посмотреть, из-за кого мой сын сам на себя теперь не похож, – она говорила насмешливо, но беззлобно. И Ромка обещал, что как-нибудь приведёт Олю в гости.

Идея со знакомством была дурацкая, он это сразу понял. Но рассудил: ведь всё равно придётся их знакомить. Так что почему бы и не сейчас?

Оля, конечно, перенервничала. Да она ему прямым текстом так и сказала: «Очень боюсь твою маму. Прямо умираю от страха».

Ромка тоже боялся – не маму, конечно, а того, что она ляпнет что-нибудь бесцеремонное или съязвит, и это обидит Олю. А ему очень хотелось, чтобы они подружились.

Решили устроить «знакомство» в ближайшее воскресенье. Ромка взвалил на себя львиную долю работы – чтобы мать не сильно устала и не была потом за обедом раздражена. Сбегал с утра по магазинам, купил продуктов, почистил картошку, вымыл во всей их огромной квартире полы. Да и позже крутился рядом на подхвате, пока мать резала овощи и маслины для греческого салата, выкладывала в форму розовые ломтики лосося, взбивала сливки и тертый сыр.

В общем-то, первая половина дня прошла прекрасно – они с матерью, пока готовили обед, спорили о новом романе Паланика, который ей показался чудовищным, но странно притягательным, а Ромке – слишком циничным, провокационным и малость бредовым. Между ними нередко вспыхивали вот такие жаркие споры, и обоим это было интересно. И сейчас они настолько увлеклись, что прокараулили время.

В два часа позвонили в дверь, и они резко прервались на пике своей дискуссии, не сразу понимая, кто пришёл. Потом Ромка спохватился, бросился открывать, по пути сдергивая с себя фартук.

Оля зашла в гостиную едва ли не на цыпочках. Она так боялась и нервничала, что, казалось, сейчас в обморок упадет. Это было заметно невооружённым глазом, что почему-то забавляло мать. Она пока ничего такого не говорила, но Ромка знал это выражение лица, эту саркастичную полуулыбку.

Оля села на краешек кожаного дивана, натянутая как струна, и не двигалась, казалось, даже не дышала, пока Ромка расставлял приборы и фарфор, раскладывал салфетки, наливал в хрустальные бокалы морс. Ничего, думал он, сейчас они сядут за столом, будут обедать, разговаривать, и напряжение спадёт.

Но вышло только хуже. Её неловкость и зажатость за столом ещё больше бросались в глаза. Она кое-как орудовала вилкой, тяжелой, серебряной, неуклюже держа её левой рукой, а ножом и вовсе не пользовалась. Просто зажала его в руке, видимо, повторив за Ромкой и его матерью.

– Оля, – иронично произнесла мать, – если не умеете, ешьте как привыкли.

Ромка бросил в мать короткий, но выразительный взгляд.

– Да, конечно, Оль, ты ешь как удобнее, – как можно дружелюбнее улыбнулся он. И тут же сам убрал нож, а вилку переложил в правую руку.

Мать на этот его маленький протест только хмыкнула. Оля же больше не притронулась к еде.

После того, как мать подала горячее, от наблюдений перешла к открытому наступлению. Нет, со стороны это выглядело как обычная светская беседа, но Ромка знал: мать не просто расспрашивает Олю о ее взглядах, интересах, семье – она показывает ему, как сильно его девочка до него «не дотягивает». Даже это её нарочитое «вы» лишь подчеркивало пренебрежение и сарказм.

Ромка даже не утерпел.

– Называй Олю на «ты».

Мать повела плечом, мол, да пожалуйста, и продолжила “знакомиться”. Каждый её вопрос был как скрытый капкан, и вряд ли Оля это понимала, отвечая правдиво и бесхитростно.

– Значит, ты любишь шить и вязать? Ну, молодец. Мастерница. Ну а что-то ещё тебя увлекает? Книги, искусство, коллекционирование... политика, – мать издала смешок. – Или ты готова о вязанье рассуждать часами?

Оля покраснела и замолкла. Потом промолвила, глядя в тарелку.

– Я люблю читать.

– О, это обнадеживает. Проза? Поэзия?

– Мама, – обратился к ней Ромка, хмурясь.

– Мне действительно интересны литературные вкусы нашей гостьи. Оля, а какие книги вам нравятся? Прощу прощения, тебе.

Она долго молчала, стеснялась говорить, но мать смотрела на неё выжидательно.

– Анжелика, – наконец промолвила Оля.

– О, я тоже читал, – подхватил Ромка, не зная уже, как сгладить обстановку.

– В десять лет, – добавила мать. – Или в девять? Анекдот вдруг вспомнился. Парень собирается на день рождения к девушке и советуется с её подругой, что подарить. Спрашивает: «Может, книгу?». А подруга отговаривает: «Нет, ты что! Книга у нее уже есть».

Ромка красноречиво посмотрел на неё, но она была неумолима:

– Оля, а ты решила, что будешь делать после школы?

– Поступать буду. В пединститут.

– В наш?

Оля кивнула.

– Ты именно хочешь стать учителем или собираешься в пед, потому что здесь нет других институтов?

Оля пожала плечами.

– Мам, – пресёк очередной вопрос Ромка, – ты Олю уже совершенно затерроризировала. Дай человеку поесть спокойно.

– Прошу прощения, – насмешливо улыбнулась мать.

Не обед получился, а пытка какая-то. Ромке и жалко было Олю, и стыдно перед ней. Он вообще ненавидел, когда мать вот так завуалированно кого-то принижала и высмеивала. Даже когда этот «кто-то» был какой-нибудь её проштрафившийся подчиненный. А уж из-за Оли он буквально кипел внутри, негодуя.

Только вдвоем им было хорошо. После этого ужасного обеда Ромка пошел провожать Олю, но, как-то не сговариваясь, оба свернули в парк.

Сейчас, в октябре, там было чрезвычайно красиво. По обеим сторонам дорожки стеной тянулись деревья и кустарники, окрашенные позолотой и багрянцем. А саму дорожку устилали густым ковром опавшие листья. И пахло здесь пряной свежестью, от которой слегка кружилась голова.

Ромка с Олей брели, держась за руки. И представление, устроенное его матерью, стало вдруг казаться далеким и совершенно не значимым. Ерундой и мелочью. А вот то, что есть у них двоих – это действительно важное и нерушимое.

Ромка шёл и думал: вот оно, настоящее счастье. Просто быть рядом, ощущать узкую прохладную ладонь в своей руке, слышать шорох её шагов, видеть взгляд, улыбку... И даже говорить ничего не надо.

После этого ему совсем не хотелось возвращаться домой. Тем более он догадывался, что мать от души выскажется по поводу Оли, не пощадит.

Так оно и случилось. Едва он зашёл в квартиру, даже разуться не успел, а мать уже встала в дверях гостиной, скрестив на груди руки. Пока ещё молчала, глядя на него насмешливо, но её молчание было напитано такой желчью, что Ромке хотелось развернуться и уйти.

– Ну, давай, – зло бросил он. – Начинай, высказывай, какая Оля... недостойная. Тебе же не терпится.

Мать иронично вздернула одну бровь.

– Недостойная? Ну вот видишь, ты и сам, оказывается, всё понимаешь.

Ромка повернулся к матери, сверкнул гневным взглядом, затем отчеканил:

– Знаешь, что я понимаю? Что Оля – самая лучшая на свете. И даже не говори, что она мне не пара или ещё что-то подобное. Нравится тебе или нет, мы всё равно будем вместе.

– Боже, – хмыкнула мать. – Глупость и инфантилизм, видимо, заражны. Но успокойся, я и не собиралась убеждать тебя её бросить. Даже вмешиваться не стану. Зачем? Тебе и самому вскоре с ней наскучит.

– Не будет этого.

– Потому что, – продолжала мать, будто и не слышала его, – эта Оля – никакая. Полный ноль.

– Ты целый час над ней глумилась и считаешь, что знаешь её? Она просто стеснялась...

– В том, что она стеснялась, как раз нет ничего плохого или странного. Но беда в том, что ей ничего от этой жизни не нужно. А ты сам знаешь, что когда нет развития, идёт обратный процесс. И твоя Оля – просто миленькая пустоголовая овечка. И с возрастом всё будет только хуже.

– Это только твое предвзятое мнение. Оставь его лучше при себе. И Оля, кстати, очень хорошо учится.

– Это мнение со стороны. Предвзят у нас ты. Ну, Ром, ты же сам читал Чехова. Вспомни Машу Шелестову из «Учителя словесности». Оля – просто её воплощение. Поначалу она будет смотреть тебе в рот, впадать в щенячий восторг от любого знака внимания с твоей стороны, на праздники будет вязать тебе варежки, ну или носки, и вообще будет демонстрировать, какая она хорошая хозяйка. Постарается как можно раньше залететь, потому что такие искренне верят, что ребенок – это гарантия замужества. Хотя с тобой это наверняка так и есть. Потом все её разговоры будут только о кастрюльках, соленьях-вареньях и сериалах на первом канале. Быт сам по себе скучен, но с ней это будет тоскливая, беспросветная трясина. Хотя ты слишком умный, чтобы до этого этапа дотянуть. Только, друг мой, не забывай пользоваться презервативами...

Спорить с матерью бесполезно, лучше не обращать внимания, не слушать, не реагировать, твердил себе Ромка. Она знать не знает Олю, а туда же прёт напролом со своими циничными суждениями...

Он метнул в неё тяжелый, мрачный взгляд и, не говоря ни слова, ушёл в свою комнату. И даже заперся – хотя мать и так не имела привычки к нему соваться.

Мать и правда не вмешивалась в их отношения. В гости больше не приглашала и даже не поинтересовалась у него ни разу: «Как там твоя Оля?». Она словно забыла про неё, убежденная, что вскоре Ромка и сам прозреет. А нет – так летом ему всё равно ехать в Москву, поступать, и эта Оля отпадёт сама собой.

Единственный раз за весь учебный год между ними всплыло её имя – когда Оля подарила Ромке на Новый год варежки, которые связала сама из хорошей, темно-серой пряжи.

Мать как-то увидела их у него и сразу спросила насмешливо: «Олина работа?».

Он не ответил, убирая рукавицы в карманы куртки. Но мать многозначительно кивнула, мол, ну вот, я же говорила, скоро пойдут кастрюльки, пеленки и сериалы на первом.

Но даже тогда она лишь насмеялась, неприятно, но безвредно. И в общем-то до мая в их отношения не лезла.

Взрыв случился, когда Ромка заявил, что ни в какую Москву поступать он не поедет, а останется здесь, в Кремнегорске. И учиться будет в местном пединституте вместе с Олей, которая поступит через год...

11

Изо дня в день мать неустанно вдалбливала Ромке, какой он, оказывается, беспробудный идиот. Неистовствовала, угрожала, выдвигала ультиматумы, а то, наоборот, пыталась повлиять на него скорбным молчанием. Но вскоре сама же срывалась.

«Из-за какой-то дуры ты гроишь свою жизнь, своё будущее, вообще всё! – негодовала она. – Ты столько лет учился, был лучшим! Столько побед на олимпиадах! И что? Всё это коту под хвост? Таких, как ты, с такой головой... в Москве... за границей... да хоть где... с руками отрывают! Ты можешь учиться в самых лучших вузах, можешь достичь высот, а ты вознамерился похоронить себя в нашем затрапезном педё? Это даже не полноценный вуз, а всего лишь филиал! Кто и чему там тебя научит?».

Иногда, устав от тщетных попыток достучаться до своего ошалевшего от любви сына, она просила по-хорошему. Со слезами в голосе.

«Ромка, ну пойми же ты, господи... перед тобой все дороги открыты, а ты выбрал глухой тупик, трясину... Ты же сам потом жалеть будешь, да будет поздно. Ведь только сейчас, пока молодой, и можно к чему-то стремиться... чего-то достичь в жизни...»

Именно в такие моменты он почти готов был дрогнуть, но тут же вспоминал Олю, её несчастное личико, её глаза, блестящие от подступивших слез, её горячий шепот: «Ромка, я не смогу без тебя. Я умру без тебя...». И тут же, словно спохватываясь, она торопливо говорила: «Нет, ты не слушай меня. Ты делай, как мама велит. Ты должен уехать. Тебе надо учиться». Замолкала, а затем в ней будто что-то надламывалось, и она снова всхлипывала: «Я не смогу без тебя, Ромка...».

От её слёз в душе всё переворачивалось. Да и сам он не мыслил – как можно им расстаться на целый год, когда он в те редкие дни, что они не виделись, буквально изнемогал? И могут ли сравниться какие-то «перспективы» с возможностью быть счастливым здесь и сейчас?

Мать до последнего билась, а потом вдруг как отрезало. Вряд ли она смирилась, конечно. Просто поняла – всё бесполезно. Это как со стеной говорить. Ромка её попросту не слышит. Он отупел от своей любви. Наплевал на всё ради своей Оли.

С тяжелым сердцем пришлось признать, что она бессильна перед этой дурочкой. Она перестала днями напролет его терроризировать, да вообще старалась больше не затрагивать болезную тему, но Олю возненавидела.

Пару раз Ромка вскользь упоминал её имя, и тут же замолкал, видя, как на глазах страшно каменело лицо матери. Но вообще был рад, что она наконец оставила его в покое. И, несмотря на все пренебрежительные высказывания матери, учиться ему нравилось. Отсеялись предметы, которые Ромку мало интересовали, вроде этики и биологии. Зато на математику делался упор. Да и вообще сама атмосфера в институте отличалась от школьной. Единственное, что плохо – с Олей они стали видаться реже. На неделе – лишь вечерами и урывками. Но всё-таки выходные принадлежали им.

Первый курс Стрелецкий закончил блестяще, перешёл на второй. Оля тоже не подкачала. Поступила на тот же факультет – физико-математический. Может, ей и сложновато давалась высшая математика, но Ромка в случае чего подсказывал и разъяснял. Заодно передал ей по наследству все свои конспекты, сохранившиеся с прошлого года.

Зимнюю сессию она сдала без труда, а вот на летней пришлось изрядно попотеть. Это Ромке снова выставили все предметы автоматом. Даже по матанализ, который вёл въедливый и бескомпромиссный доцент Чупров, а он сроду никому ни делал таких «подарков».

И в конце мая Стрелецкий уже был свободен как ветер, но продолжал каждый день приходить в институт.

В тот день он ждал её после пар. Потом они вместе бродили по улицам. Оля взхлёб рассказывала, как её одноклассница попала со шпорами на зачёте.

– Михеев такой злой был! Галку сразу выгнал из аудитории. И с нас потом не слезал. Валил прямо нарочно. Я, между прочим, одна-единственная получила у него четверку. Всем остальным он вообще уд или вообще не уд. Но это спасибо тебе, конечно. – Она нежно улыбнулась Ромке и прильнула к его боку.

– Да при чем тут я? Ты – молодец, – он наклонился, поцеловал ее в макушку.

– Ты всё объяснил. Даже лучше, чем сам Михеев. Да! Я его не всегда понимаю, а тебя – всегда.

Оля вся лучилась от радости, а Ромка и вовсе млел, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете.

Они как раз гуляли неподалеку от его дома, когда вдруг хлынул дождь. Настоящий ливень. Обрушился внезапно и с такой силой, что оба в считанные секунды промокли насквозь. По дорогам неслись даже не ручьи, а целые потоки воды.

Держась за руки и хохоча, они добежали до ближайшего подъезда и юркнули под козырек. Ромка прижал к себе Олю.

– Вот так влипли, – смеясь, сказал он.

– Да уж. Но он скоро закончится. Видишь, какие пузыри на лужах.

Ливень и правда оборвался так же внезапно, как и начался. И снова выглянуло солнце.

– Пойдем ко мне, посушимся? – предложил Ромка.

– А как же... Маргарита Сергеевна? – как-то сразу сжалась Оля.

– Она в командировке. В Москве. На совещании. Завтра только вернется. Идем? А то ты вся дрожишь.

Хоть матери дома и не было, Оля ступала по их квартире так же, как в первый раз – осторожно и тихо, как по минному полю. Ромка сразу поставил чайник, потом взял чистое полотенце из шкафа, повернулся к Оле и замер. В глаза вдруг бросилось то, как облепило её тело намокшее, почти прозрачное теперь платье. Оно как будто вовсе не скрывало, а, наоборот, подчеркивало стройные бедра, плоский живот, небольшую, упругую грудь. Под мокрой тканью крохотными твердыми бугорками отчетливо выделялись соски.

Ромка сглотнул, облизнул вмиг пересохшие губы. В голову резко и мощно ударила кровь, горячая, бурлящая. Стало нестерпимо душно.

Он отвел глаза, но поздно.

Его и раньше, конечно, возбуждали какие-то моменты. Особенно когда они целовались. Но тогда это нарастало постепенно и до критической точки не доходило. Они вовремя останавливались, никогда не переходили черту, и напряжение спадало довольно быстро. Но сейчас было по-другому.

От одного лишь её вида его, как током, прошло острым, почти болезненным желанием. Сразу достигло почти самого пика, так что перед глазами поплыло, а вся кровь теперь, казалось, пульсирующими толчками сгустилась в паху.

Он снова посмотрел на Олю, поймал её взгляд, неожиданно очень серьезный и как будто всё-всё понимающий, и откуда-то возникла совершенно четкая и ясная мысль: сейчас у них это произойдет.

12

Никогда прежде Ромка не был так жаден и нетерпелив, целуя Олю. Никогда не позволял рукам лишнее. Сейчас же он целовал её так, словно изголодался, и уже не обнимал – а исследовал ее тело, мягкое, гибкое, податливое. Сжимал, гладил, обводил изгибы.

Поддев тоненькую бретельку платья, спустил вниз, оголив плечо. Оторвался от губ и приник к коже. Выложил жаркими поцелуями дорожку от ключицы до шеи, от шеи до чувствительной ямки за ухом.

Как в расхожей киношной сцене, полотенце плюхнулось на пол у их ног. А следом – её платье, его рубашка, белье...

– Скоро я... – хрипло произнес он, глядя на Олю затуманенными шальными глазами – ... не смогу остановиться...

Она не отстранилась, не остановила его. А лишь сомкнула веки в ожидании.

Ромка подхватил её на руки, отнёс в свою комнату. На кровать.

Эти несколько шагов слегка отрезвили его, но стоило только взглянуть на Олю, доверчивую, открытую, влекущую, и его прорвало...

Нависнув над ней, он продолжал покрывать горячими поцелуями ее шею, грудь, плоский живот. Чувствовал, как она дрожала, и это сводило с ума ещё больше.

Ему хотелось разглядеть её всю, везде, но она, хоть и не отталкивала его, но зажималась, стеснясь. Однако на него смотрела со смесью настороженности, смущения и жгучего интереса. Даже коснулась и слегка погладила, отчего у Ромки вырвался тихий нечаянный стон.

– Только осторожнее... пожалуйста, – прошептала Оля, когда он вжался в неё.

Поначалу у Ромки толком ничего не выходило. Как-то раз, у однокурсника, он видел фильм для взрослых – вот и весь его опыт. Впрочем, до этого момента неопытность Ромке не мешала. Он просто не думал о том, как надо, и действовал по наитию, но после ее слов сразу занервничал. И только когда Оля сама расслабилась, всё получилось...

Потом он, разгоряченный, взмокший, лежал на спине, прижимая к груди притихшую Олю. Сердце бухало в груди тяжело и гулко, а по всему телу растекалась сладкая истома.

Потом был душ и наспех приготовленный ужин, который показался ему самым вкусным. А затем пришла пора провожать ее домой. Ромке, как никогда, не хотелось в тот день с нею попрощаться.

– Ты только никому не говори! Никому! – перед тем, как им разойтись, попросила Оля.

– Что не говорить? – даже сначала не понял ее Ромка.

– Про то, что у нас сейчас было...

Оля многозначительно на него посмотрела, а он удивленно вскинул брови.

– Да ты чего, Оля! Даже мысли такой нет! Как ты могла подумать?

– Пообещай, что не скажешь! – настаивала Оля.

– Обещаю, – снисходительно усмехнулся Ромка. – Могу хоть на крови поклясться, если тебе будет спокойнее.

– Смеешься надо мной, а меня ведь отец убьет, если узнает...

Ромка тут же посерьезнел, обнял ее, поцеловал в макушку нежно.

– Ну что ты, малыш, я никому ничего не скажу. Ты же знаешь, что я лучше сам пропаду, но тебя не подставлю... Я люблю тебя больше всех на свете...

К середине июня отстрелялась и Оля. Не так блистательно, конечно, как Ромка, но, во всяком случае, без троек.

После летней сессии в институте собирали студотряд вожатых в пионерский лагерь «Светлячок». То есть теперь он назывался просто – детский лагерь отдыха. Но, по сути, всё там осталось прежним, как при Союзе. Исчезла лишь пионерская атрибутика. Ну, не считая гипсовых статуй пионеров, которые возвышались на своих постаментах по обеим сторонам дорожки, ведущей от центральных ворот к главному корпусу.

Каждое лето туда съезжались школьники со всего Кремнегорского района. А вожатыми в лагерь, как повелось, устраивались работать студенты пединститута. Денег платили мало, но зато и работа была интересной, и питание хорошее, трехразовое, и, главное, романтика.

Комбинат вел над лагерем шефство. Следил за состоянием корпусов, снабжал провизией и инвентарем. А для детей лучших работников ежегодно выдавались путевки совершенно бесплатно.

Сам Стрелецкий был в «Светлячке» лишь однажды, с матерью. Когда она во главе комиссии приезжала с проверкой. Ну и взяла его, двенадцатилетнего, с собой.

Тогда их встретили очень гостеприимно, даже концерт самодеятельности организовали, а пока мать заседала у директора лагеря, девочки водили его повсюду, тянули в разные стороны, наперебой рассказывали что-то. Особенно две старались, перебивали друг друга. А потом и вовсе чуть не подрались. Больше ему ничего с той поездки не запомнилось.

В общем-то, он и об этом-то не вспомнил бы, если б Оля не спросила вдруг:

– Ром, а ты не хочешь поехать в «Светлячок» вожатым?

– Не очень, – признался Ромка. – То есть я об этом даже не думал.

– А ты подумай? – лукаво улыбаясь, попросила она. – Это же так здорово! Кто уже ездил в том году, говорят, что очень классно. Там речка, там весело, костры, дискотеки, соревнования... Любовь все крутят... И мы с тобой были бы всегда рядом. И не пришлось бы думать про моего отца... ну и про Маргариту Сергеевну.

Ромка пожал плечами.

– Да какой из меня вожатый?

– Ты зря так говоришь! Из тебя получится самый лучший вожатый в мире! Но, главное, мы же будем вдвоем. Это как вместе поехать на отдых. Ещё и платят за это, – она засмеялась.

Никаким вожатым ни в каком лагере он, конечно же, быть не хотел. Возиться с детьми, следить за ними – что тут классного? Он не понимал. Да у него и опыта такого нет. И желания тоже. Лучше было бы поехать им вместе действительно на отдых, но об этом не стоило и мечтать. Олин отец, скорее, и правда порешит и дочь, и его, чем отпустит их куда-то вдвоем. И все равно работать в «Светлячке» ему не хотелось, но Ромка не умел отказывать Оле. Особенно когда она смотрела на него с улыбкой и прижималась к его боку как ласковая кошечка.

– Ну ладно, – согласился он.

– Ура! – взвизгнула радостно Оля и, подтянувшись на носочках, поцеловала его в губы. И тут же опасливо огляделась, хоть они и гуляли в парке, в гуще развесистых ив.

– Я так рада... так рада... – ворковала она.

Ромка благодушно улыбался в ответ на ее ликование. Если бы он только знал, каким кошмаром обернется эта затея...

13

Мать, само собой, восприняла идею со «Светлячком» скептически, но ничего особенно высказывать не стала, бросила лишь пренебрежительно:

– После того, что ты выбрал местный пед, я уже ничему не удивлюсь.

Тогда Ромка ещё думал: нет, это всё-таки хорошо, что они поехали в лагерь. Будут вместе практически круглосуточно, ни на кого не оглядываясь.

К тому же, тот их «первый раз» только распалил его. Теперь ночами его словно горячечным бредом накрывало от её откровенного образа, который так и стоял перед глазами, стоило сомкнуть веки. Ну а при мысли, что именно тут, на этой кровати, всё у них происходило, в паху сразу начинало тянуть томительно и нетерпеливо. Себя Ромка обычно не трогал – всегда испытывал к этому действию какую-то полустыдливость-полубрезгливость. Да и присутствие матери, пусть даже в дальней комнате, останавливало. Но в те последние дни перед отъездом рассудок словно помутился, и становилось просто невмоготу.

Всё время хотелось вновь уединиться с Олей, но где? В городе это было невозможно. Не в парке же, среди кустов. Можно, конечно, ждать ещё неизвестно сколько, пока мать снова уедет в командировку. Можно. Но тоже невмоготу.

А лагерь... лагерь сулил и романтику, и желанную близость. Их сокурсники из студотряда, те, что уже вожатые с опытом, рассказывали: загонишь свой отряд спать – и ночь в твоём полном распоряжении. Хочешь – костёр и песни под гитару, хочешь – посиделки с картишками и вином, хочешь – любовь. У вожатых были отдельные крохотные домики – один на двоих. Селили, разумеется, парня с парнем, девушку с девушкой, но народ там понимающий, с готовностью уступали своё койко-место или менялись при надобности.

Приехали в «Светлячок» они за день до заезда второй смены. Едва разгрузились и осмотрелись, как всех созвали на планерку. Старший воспитатель, Евгения Александровна, после беглого знакомства двинула небольшую речь касательно общих правил: что запрещается, что можно, что как бы нельзя, но не строго. Рассказала для убедительности какой-то вопиющий случай из прошлогодней смены, где вожатые напились и проспали всё на свете, оставив детей без надзора. И назидательно произнесла: такого быть не должно! Иначе соответствующее письмо уйдет в институт.

Потом перешли к распределению отрядов. Так повелось, что парням давали отряды постарше, девушкам – помладше. Оле, как самой юной и неопытной, отдали самых маленьких. Ромке же, наоборот, достался первый отряд. Другие от него открещивались, а ему было всё равно.

После планёрки Юрка Бурунов, с которым их заселили в одну комнату, сочувствовал ему:

– Блин, Ромыч, не повезло тебе. Но ты чего молчал-то? Надо было отказываться. Тебе втюхали самый гемор. Первый отряд – это лбы по 14-15 лет, а то и по 16 бывают некоторые экземпляры. Попробуй ими покомандуй. Они предков-то своих не слушают. И тебя пошлют лесом. Замучаешься отбирать у них бухло, курево и травку. Или отлавливать этих коней в спальне девок. Хотя там и девки тоже хороши бывают.

– Теперь-то уже что, – пожимал плечами Ромка.

– Ну да, теперь-то уже ничего не попишешь. Просто предупреждаю, так сказать. Чтоб был готов. Думаешь, зачем они в таком возрасте приезжают в лагерь? Уж точно не для того, чтоб строем ходить в столовку и во всяких эстафетах участвовать. Они отрываться сюда приезжают, на свободу, отдохнуть от родаков.

Совсем как мы с Олей, подумал Роман.

Весь оставшийся день они готовили корпуса к завтрашнему заселению, а вечером, вопреки наставлениям Евгении Александровны, все вожатые собрались в одном из домиков. Откуда-то появились коробки с вином и бутылки с самогоном, какие-то закуски. Отмечали «последний свободный вечер».

Ромка с Олей посидели для приличия, а потом незаметно выскользнули.

Сначала бродили по дорожкам лагеря, взявшись за руки. От речки несло свежестью и немного тиной. В траве стрекотали цикады. Потом Оля зябко поежилась от прохладного ветерка, и Ромка тут же обнял, прижал её к себе, согревая. Нашел долгожданные губы, впился поцелуем. На поцелуй Оля отвечала охотно, но в Ромкину вожатскую идти отказалась.

– Они до утра будут пить... мы будем одни... пойдем?

– Нет, боюсь. Что ж мы сразу в первый день? Давай потом как-нибудь?

– Давай, – разочарованно выдохнул Ромка, пытаясь отвлечься от собственного возбуждения.

А следующий день выдался заполошным. Детей встречали у центральных ворот. И хотя на лобовых стеклах автобусов стояли таблички с номерами отрядов, вскоре все попросту перемешались. И только громогласные выкрики Евгении Александровны худо-бедно помогали народу сориентироваться, кому куда примкнуть.

Затем Ромка отвел свой отряд к их корпусу. Бурунов оказался прав – его подопечных можно назвать детьми лишь с натяжкой. Некоторые девчонки выглядели, пожалуй, старше его Оли, и по формам, и вообще. Среди парней тоже были рослые, двое – даже выше Ромки, хотя он довольно высокий.

Знакомство прошло гладко, но даже с первого взгляда он интуитивно подметил, от кого можно ждать проблем. Во-первых, пацан в драной джинсовке, Костя. Он всем своим видом давал понять, что плевать хотел на любые правила. Ну и табаком от него несло за версту. А во-вторых, две девчонки – Дашка Халаева и Жанка Сергунова.

Обе яркие, уверенные, развязные. На построении стояли как на показе, жуя жвачку и выдувая мутно-розовые пузыри.

Юрка Бурунов в столовой высмотрел их обеих, ощупал маслянистым взглядом и бросил с усмешкой: «Готовые б***и». Потом поймал косой Ромкин взгляд и поспешил оправдаться:

– У них же на лбу написано. Смотри, твои пацаны из-за этих малолетних шлюшек ещё передерутся. А спросят с тебя. Они вон уже слюни пускают. А ночами будут ломиться к ним в палату, что я не знаю, что ли. Так что дежурить тебе после отбоя до конца смены, – хохотнув, Юрка похлопал Стрелецкого по плечу и снова устремил взгляд в сторону девочек. – Красивая зараза, вон та рыженькая. Вторая с ней рядом – тоже ничего, но крупновата, да? А через два-три года станет конкретно толстой. А вот эта... И знает же, что красивая...

Рыжей была Даша Халаева. Она и правда вела себя как звезда. А пацаны, пусть и не все, но вились вокруг неё и Сергуновой.

– Похоже, это от тебя придется девчонок оберегать.

Бурунов снова рассмеялся.

– Да нет, Ромыч, я безобидный. И малолетками не интересуюсь. А вот вожатки – другое дело. Как тебе Ленка Кузьменкова?

– Никак.

– А, ну да, у тебя же Оля. Они как раз с Ленкой в одной комнате, что очень удобно, да?

– Бурунов ему многозначительно подмигнул.

Юрка оказался и тут прав. Уже через три дня случилась первая драка. Вечером, на дискотеке. Двое из Ромкиного отряда сцепились из-за Халаевой. Сама она наблюдала потасовку с

нескрываемым удовольствием. Ромка же, как назло, упустил острый момент, увлекшись разговором с Олей. Подоспел, когда дерущихся уже растащили.

Впрочем, Ромке за это ничего не было. Лишь на планерке Евгения Александровна безадресно и как-то скомкано, будто ей неудобно, высказала, что вожатым нужно лучше следить за своими и не допускать открытых конфликтов. Бурунов потом прокомментировал с усмешечкой:

– А меня бы она целый час песочила. И любого другого. Хорошо быть на особом счету.

На самом деле, ничего хорошего Ромка тут не видел. Работа вожатым ему не нравилась с каждым днём всё больше. Неудовлетворённость эта росла и касалась буквально всего.

Он никак не мог привыкнуть к общему душу и туалету без перегородок. К узкой скрипучей койке, к Бурунову, который со своим трёпом уже в печенках у него сидел.

Стрелецкому было откровенно скучно придумывать какие-то номера для самостоятельности и пасти своих как курица-наседка. К тому же те все равно умудрялись постоянно выкидывать фортели. На дискотеках дрались уже не только мальчишки, но и девочки взяли в моду выяснять отношения. На Халаеву и Сергунову ему уже два раза жаловались. А он понятия не имел, как их образумить. Всякий раз, когда он заводил с ними беседу, они, особенно Халаева, принимались открыто кокетничать.

На вечерней «свечке», задуманной как обмен откровениями, чтобы сблизить отряд, девочки словно нарочно задавали ему провокационные вопросы. Да и о себе не стеснялись рассказывать такие вещи, от которых у Ромки стыдливо горели уши. Хорошо хоть «свечки» эти злосчастные проходили уже в сумерках.

После отбоя и вовсе творилось черт-те что. Пацаны настырно лезли к девчонкам в палату, и чем они там занимались – Ромке даже знать не хотелось. Подкараулить их он не стремился, но когда в половине первого ночи заходил с проверкой – так его надоумила Евгения Александровна, – то обязательно заставлял нескольких пацанов, прячущихся у девочек в кроватях под одеялами. Спасибо, хоть в трусах.

Разгонял, но эти черти возвращались снова, выждав немного времени. Один раз Ромка даже вспылил, что случилось с ним крайне редко.

– Мы ничего плохого не делаем. Нам просто страшно ночью, Роман Владимирович, – оправдываясь, жеманно залепетала Даша Халаева. – Мальчики нас защищают. С ними нестрашно. Но вот если бы вы с нами остались... Оставайтесь! Пожалуйста! Роман Владимирович, вы такой классный. С вами мы вообще ничего бояться не будем.

– Да ты и так ничего, смотрю, не боишься, – возражал он устало, потому что действительно уставал чертовски. И к тому же из-за этих полуночных бдений не высыпался. А затем на каждодневных планерках у старшего воспитателя еле сдерживал зевоту.

Но самое главное, ему не хватало встреч с Олей. Они, конечно, виделись и в столовой, и на построении, и вечером на дискотеке. Но это были не те встречи. Они не могли даже толком пообщаться, что уж говорить о большем.

Одно радовало – ей здесь было явно по душе. Малыши её любили и ходили за ней по пятам как выводок. Девочки обнимали её и говорили, что любят-обожают, мальчишки приносили ей одуванчики и сосновые шишки. Ромке же за целую неделю удалось от силы лишь пару раз урвать её поцелуй.

Вожатым раз в неделю полагался выходной. И Ромка ждал свой как все праздники вместе взятые. Из лагеря он никуда не поехал, просто остался в домике. Выспался вволю, искупался в реке, потом взял в библиотеке пару книжек и просто валялся на кровати и читал. Он и не представлял, какое это удовольствие – лежать с книжкой и ничего не делать, никуда не торопиться, ни за что не отвечать. Почти блаженство. Но самое желанное было впереди. Они

договорились с Юркой Буруновым, что тот на ночь уйдет, оставив комнату им с Олей. И это при том, что с Ленкой Кузьменковой у него не заладилось.

– Что я, – самоуверенно хмыкнул Юрка, – не найду, у какой вожатки заночевать? Или вон вообще к медсестре пойду. Она мне вечно в столовке глазки строит.

Юрка ещё и презервативами его снабдил.

Ромка еле дождался отбоя. Чтобы скоротать время – прибрался в комнате, проветрил, наравал в лесу саранок, поставил их в стеклянную банку.

Около одиннадцати вышел и отправился в сторону корпуса восьмого отряда. Встречать Олю.

Уже стемнело, а лампочки освещали только центральную дорожку. Боковые же скрывала глухая темень. Но Ромка уже знал путь и шёл по памяти, как вдруг едва не столкнулся с... нет, не с Олей. Это оказалась Даша Халаева.

– Роман Владимирович... – пролепетала она тоненько. – Здравствуйте.

– Даша? Ты чего здесь? Бегом в палату. Отбой уже...

– Роман Владимирович, пожалуйста, не прогоняйте. Мне нужно вам что-то сказать...

– Давай завтра. Поздно уже.

– Пожалуйста! Мне очень надо!

– Хорошо, говори. Только быстро.

Халаева молчала, словно собиралась с мыслями. Раздался шорох, кто-то ещё шёл по дорожке. Наверное, Оля, подумал Ромка и стал вглядываться в темень. Но нет, это был Денис Славнов, старший вожатый. Они посторонились, пропустив его.

– Давайте отойдем, пожалуйста, чуть в сторону? А то тут все ходят... слушают... – Халаева говорила так, словно это вообще была не она. Ни её привычной наглости, ни развязности, наоборот даже. Она стояла перед ним вся какая-то робкая и неуверенная в себе.

Может, у нее что-то случилось, догадался Ромка. Причём что-то плохое... А то она сама на себя не похожа. Надо ее выслушать, всё-таки я пока ещё за неё, за них за всех, отвечаю.

Они сошли с тропинки, обогнули кустарник, за которым пряталась скамейка. Домик их все равно не заперт, если Оля появится, пока его нет, она сможет и сама зайти к ним.

– Говори, Даша, – подбодрил её Ромка. – Что у тебя случилось?

14

– Роман Владимирович, а почему вас сегодня не было?

– У меня выходной.

– А-а, а мы думали, вдруг вы от нас сбежали... ну, то есть уехали. В смысле, что мы вас достали...

Ещё как достали, про себя подумал Ромка. Но вслух сказал:

– Что ты хотела?

Даша мялась, вздыхала, словно не могла решиться.

В другой раз Ромка, возможно, проявил бы какую-то деликатность к девочке, но сейчас мысли рвались к Оле. Она уже наверняка пришла и недоумевает, куда он делся.

– Я пошёл тогда, – бросил он нетерпеливо и шагнул в сторону. – И ты тоже давай иди в корпус.

– Роман Владимирович! Подождите! Пожалуйста! – вскинулась Халаева и поймала его за руку. Вцепилась тонкими пальчиками в запястье накрепко.

Он едва успел обернуться, как Халаева вдруг потянулась к нему. Ромка отшатнулся, оттолкнул её от себя.

– Халаева, ты с ума сошла? Ты что творишь?

– Роман Владимирович, простите, – всхлипнула Даша. – Я... люблю вас.

Стрелецкий опешил – такого заявления от наглой и самодовольной Дашки он никак не ожидал. Мелькнула мысль: может, всё это какой-то их глупый розыгрыш? Но плакала она искренне, даже как-то по-детски.

Ромка нахмурился, не зная, как на это всё реагировать. Ничего на ум не пришло, и он с деланной строгостью, чтобы скрыть растерянность, спросил:

– Что за ерунду ты придумала?

Глаза уже привыкли к темноте, и он видел, как девчонка покачала головой и... заплакала ещё горше. Ромка окончательно растерялся. Сплошные сюрпризы этим вечером.

– Я не придумала... это правда, – всхлипывала она. – Роман Владимирович, вы мне с первого взгляда очень понравились... вы умный и красивый... и не похожий ни на кого.

– Перестань. Я вообще не понимаю, к чему этот разговор.

– Я хочу, чтобы вы знали... что я люблю вас.

– Даша, – назидательно произнес он и почувствовал себя какой-то престарелой матроной, которая решила наставить на путь истинный заблудшую овечку, и сразу сдулся. В этих делах он, может быть, понимает даже меньше самой Халаевой. И всё же. – Ну, какая любовь, Даша? Ну, что за глупости? Тебе сколько лет?

– Мне уже пятнадцать! А вы так говорите, будто вам все сорок. А у нас, между прочим, разницы – всего пять лет. У меня отец старше матери и то на восемь. И нормально.

– Да при чем тут это? Ты – ещё школьница. Тебе вон... с твоими ровесниками надо...

– Они – дураки, – фыркнула она. – С ними скучно.

Халаева шмыгнула носом, но плакать уже перестала. И слава богу, подумал Ромка. Слезы его обескураживали. Мать по-настоящему никогда при нём не плакала, а вот Оля – бывало. И в такие моменты он с ума сходил и готов был на что угодно, лишь бы она успокоилась.

Плачущая Халаева, конечно, настолько у него почву из-под ног не выбивала, но всё же стало не по себе.

– Ой, я, кажется, поняла. Вы думаете, что я с кем-то из них... Да нет же! Они просто бегают за мной, сами. За мной всегда пацаны бегают. И в школе, и во дворе... – произнесла

она хвастливо. – Ну, не отгонять же. Но с пацанами у меня ничего такого, клянусь! Мне только вы, Роман Владимирович, нравитесь.

Ромка не понимал, что нужно говорить в таких случаях. Таких случаев у него попросту никогда и не было. И вот как сказать этой малолетней дурочке, чтобы выкинула всякую чушь из головы, и при этом не задеть ее чувств?

– В общем, Даша, иди спать.

– Я что, вам совсем-совсем не нравлюсь? Я, по-вашему, некрасивая? – в голосе её вновь задребезжали плаксивые нотки.

– Да что за ерунду ты вбила себе в голову?

– Почему? – снова всхлипнула она и с обидой вдруг зачастила: – Другие за меня готовы перебить друг друга. Я всем нравлюсь! Всем! Но я вообще ни с кем здесь... я только к вам... я думала вы... а вы...

Она снова разрыдалась. Но Ромкино терпение иссякло.

– Тебе – пятнадцать. Ты – малолетка. Даже если бы ты мне и правда нравилась, то я все равно ни за что не связался бы с малолеткой, – выпалил Ромка и тут же спохватился. Черт, нельзя же так. Затем сказал почти ласково: – Даш, пойми, ты привлекательная девочка, сама вон говоришь, что многим нравишься. Ты ещё найдешь себе того, кто...

– Но я люблю вас!

– Господи... – простонал Стрелецкий. Какого черта она привязалась? И Оля там, наверное, уже беспокоиться начала. – В общем, Халаева ступай в корпус, ложись спать и забудь всю эту чушь, что ты тут наговорила. И я тоже забуду. Сделаем вид, что ничего не было.

– Но... Роман Владимирович... – заскулила Даша.

– Никаких «но», – оборвал её Стрелецкий. – Хорошо. Если тебе так понятнее будет – у меня есть любимая девушка. И кроме неё, меня никто не интересует. Так ясно?

Даша, сдавленно всхлипнув, будто ее резко ударили, прижала руки к лицу и побежала прочь.

Ромка отчего-то ещё несколько секунд смотрел в ту сторону, куда она помчалась со всех ног. На душе скребли кошки. И в голову лезли всякие мысли одна хуже другой: вдруг она с расстройства выкинет какую-нибудь глупость? Вдруг сбежит из лагеря? Или наглоется там чего-нибудь? Мало ли. Эти современные подростки непредсказуемы. Особенно девочки. Может, пойти за ней? Только что ещё ей сказать? Да и Оля ждет.

Тяжело вздохнув, он побрёл к вожатской, где его и правда уже ждалась Оля. Она крутилась на крыльце, беспокойно глядя по сторонам. Но когда увидела Ромку, показавшегося из тени, радостно кинулась к нему навстречу.

Они целовались прямо на крыльце, потом она сама потянула его в домик. Но тяжесть в груди не давала расслабиться, мешала, как острый камень в ботинке.

– Оля, погоди, – остановил её Ромка. – Подожди меня тут ещё немного, буквально минут десять. Я схожу проверю своих... быстренько. И сразу вернусь.

– Так там же с ними Алена Борисовна, а ты сегодня выходной... – сказала Оля. – Не уходи, Ром.

– Да я только туда и сразу обратно...

– Да всё с ними нормально. Спят уже. У Алены Борисовны не забалуешь, – хихикнула Оля.

Алена Борисовна летом устраивалась воспитателем в лагерь, а в остальное время преподавала в их институте. Вела педагогику и славилась дурным нравом. Из-за любого пустяка могла встать в позу и отказаться принимать зачёт, хоть ты из кожи вон выпрыгивай. Ромку эта участь миновала, хоть он и чувствовал – она относилась к нему плохо. Она ко всем относилась не очень, но его недолюбливала особенно. Хотя никак конкретно это своё отношение

не проявляла. И на зачёте поставила без лишних вопросов «отлично». Но её неприязнь чувствовалась буквально кожей.

Потом мать как-то заглянула в его зачётку и вслух прочитала:

– Захарченко АБ? Работал у меня её муж. Я его уволила пару лет назад.

– За что? – без особого интереса спросил Ромка.

– За халатность, – пожала плечами она. – Подмахивал документы бездумно. И как-то четыре вагона по его милости не туда ушли. Эта его оплошность вылилась нам в колоссальные убытки. Так его жена ещё имела наглость заявиться ко мне и просить, чтобы я его не увольняла. А тебе, значит, она пятерочку поставила? Ну, хорошо хоть не злопамятная оказалась.

Мать, хмыкнув, вернула зачётку.

Ромка уж не стал говорить, что Алена Борисовна смотрит на него волком. В конце концов, ему от её взглядов ни холодно, ни жарко.

В лагере её тоже не любили, слишком уж она требовательная и вздорная. По любому поводу поднимала ор. И хотя Оля была права – дети при ней ходили по струнке, Халаева ведь как-то ускользнула из палаты после отбоя.

– Не ходи, Ром. Никуда я тебя не отпущу, – игриво промолвила она и просунула под футболку обе руки. Легонько касаясь пальчиками, она прошлась от пояса до груди.

По телу пробежала сладкая дрожь. И Ромке стоило больших усилий отнять её руки и сказать:

– Буквально десять минут подожди ещё. Я – туда и обратно. Только проверю, что... все по палатам...

Она шумно вздохнула, села на край его койки.

– Ну, ладно. Только давай быстрее, хорошо? – она многообещающе улыбнулась.

Ромка наклонился, поцеловал Олю в лоб, выскочил из домика и припустил к корпусу первого отряда.

15

Алена Борисовна сидела на скамейке возле корпуса и грызла семечки. Ромка ещё на подходе слышал, как она, не поднимаясь, рявкнула своим скрипучим, прокурренным голосом: «Первый отряд! А ну тихо, я сказала!».

Возня, доносившаяся из открытых форточек, сразу стихла.

– А ты чего бродишь? – спросила она Ромку. – Устал отдыхать?

– Халаева не заходила в корпус? – остановился рядом с ней Ромка.

Алена Борисовна расщелкнула семечку, сплюнула шелуху в кулак, отчего Стрелецкого чуть не передернуло, потом поинтересовалась:

– А что?

– Просто скажите, Халаева в палате или нет? – злился Ромка.

– Ну, в палате. Халаева! – по-вороньи гаркнула Захарченко.

– Что? – отозвалась Даша.

– А в чем дело, Стрелецкий?

– Ни в чем, – буркнул Ромка, развернулся и пошёл к себе.

Слава богу, эта дура ничего не учудила и пошла спать. Тот разговор все равно оставил неприятный осадок, но хотя бы тревога улеглась.

Скорее бы уже эта смена закончилась, вздохнул Ромка, подходя к вожатской.

Оля уже успела задремать, свернувшись калачиком на его кровати. Тоже ведь уставала за целый день. Он быстро разделся и осторожно прилег рядом, прижавшись к ней со спины. Она сонно заворочалась, теплая, мягкая, такая родная. Сначала Ромка не хотел её будить, жалел, но истосковавшийся организм диктовал своё, слишком остро реагируя на её близость. Запах волос и кожи пьянил. Тело стремительно наполнял жар, скапливаясь тяжестью в паху. И сдерживать себя было уже просто не в состоянии.

Ромка прижался плотнее, забрался под подол тонкого платица, горячей сухой ладонью жадно огладил бедра. Оля уже не спала и тоже дышала часто. Она зажималась немного поначалу от его слишком откровенных ласк, но вяло. А потом и вовсе позволила всё.

Позже, разомлевший от наслаждения, Ромка лежал без сна и блаженно улыбался, прислушиваясь к тихому сопению Оли. Она, уткнувшись носом ему в плечо, уснула почти сразу. Сам он задремал лишь под утро.

А около восьми, где-то за полчаса до подъема, их разбудил требовательный и громкий стук в дверь. Долбили так, будто в лагере пожар, и хлипкая дверь ходила ходуном, готовая вот-вот слететь с петель.

Оля, перепугавшись, вскочила. Начала суетливо одеваться. Ромка натянул лишь шорты и пошёл открывать, пока действительно дверь не вынесли.

– Если это Юрка... – бросил он, отодвинув шпингалет, и замолк, отступая.

В вожатскую ввалился наряд милиции. За их спинами мелькала Алена Борисовна.

– Да, это он, – почему-то сказала она.

Опера отработали слаженно и быстро. Ромка и охнуть не успел, как его скрутили и повалили на колени. Руки до боли вывернули за спину, и тут же на запястьях защелкнулись наручники.

– Ч-что? Что такое? – дернулся он, но тут же получил дубинкой в бок.

Оля в ужасе закричала.

– Что вы творите?! За что?! Отпустите его! Алена Борисовна, скажите же! Он ничего не сделал!

Ромка ничего не понимал и задыхался, словно из комнаты вдруг выкачали весь кислород. Происходящее казалось полным абсурдом. Фантаσμαгорией. Заведенные вверх и назад руки адски ломило, но невозможно было шевельнуться. Пульс строчил пулеметной очередью, разрывая перепонки. Сквозь грохот в ушах он едва различал, как один из оперов обрывисто и резко зачитывал:

– Поступило заявление о попытке изнасилования несовершеннолетней Дарьи Халаевой. Статьи 30 и 131 УК РФ. Лишение свободы до шести лет.

– Это какая-то ошибка! – рыдала в голос Оля. – Пожалуйста!

– Разберемся.

Ромку выволокли из домика на улицу. Грубо втолкнули в милицейский уазик.

– Рома! Рома! – с плачем кричала Оля, выбежав на крыльцо. – Куда вы его? Рома!

Ромка видел в тусклое заднее окошко, как она бессильно рухнула на ступень, сотрясаясь от рыданий...

16

– Плохи твои дела, – широко зевнув, сообщил Ромке следователь.

– Почему? Я Халаеву и пальцем не тронул, – голос звучал хрипло, и горло почему-то саднило.

Ромка до сих пор не мог поверить в происходящее. Ему всё казалось, что сейчас он проснётся, и этот дурной сон закончится. Но его уже который час мариновали в отделении.

Сейчас хотя бы с Ромкой разговаривали более-менее по-человечески. Пусть свысока, даже брезгливо, но без угроз.

А то ведь опера обращались с ним, как со скотом. Ребра от ударов дубинкой ломило и жгло, особенно если вдохнуть побольше воздуха или неосторожно повернуться всем корпусом. Почки тупо ныли – несколько раз опера прошлись ею и по спине, когда везли и когда подгоняли, выгружая из уазика.

И всю дорогу из лагеря до города запугивали.

– Сейчас закроем тебя на сутки в камере с уголовниками. А за что тебя взяли – все узнают мгновенно. Ты и глазом моргнуть не успеешь. И прямо скажем, мы тебе не завидуем. Знаешь что с такими извращенцами-педофилами там делают? Не знаешь? Ну, скоро узнаешь. Тем более такой смазливый. Будут драть тебя, пока всем не надоест, а потом продадут тебя в соседнюю камеру за пачку сигарет. И пойдешь ты по рукам. И никто тебе не поможет. Кстати, отец этой девочки, чтоб ты знал, тварь, наш товарищ...

Ромка даже возражать толком не мог, его мутило так, что в конце концов вывернуло на пол. За это ему тоже досталось.

Однако ни в какой камере его не запирали. Ну, может быть, пока. И всё ещё впереди. Продержали до обеда в КПЗ вместе с каким-то забулдыгой. Потом около часа в допросной, пока не явился этот полусонный следователь Иващенко.

От него Ромка и узнал «подробности». Под утро Халаева вместе с Сергуновой разбудили Алену Борисовну Захарченко и заявили, что их вожатый чуть не изнасиловал Дашку. И, без сомнения, изнасиловал бы, если б не Сергунова, которая отправилась искать свою подругу. Сама Халаева рассказывала, что встретила Стрелецкого перед самым отбоем на тропинке, и он отвёл её в кусты, якобы поговорить. А там уже набросился. Она отбивалась, и он порвал на ней одежду, избил, повалил на землю и практически уже надругался, но в самый последний момент появилась Сергунова и его спугнула.

Почему сразу не подняли тревогу? Испугались. Но потом подумали и решили – надо, а то вдруг он снова на кого-нибудь нападёт. Халаева и правда выглядела избитой и с утра поехала в город снимать побои. Разодранную одежду она тоже предоставила.

Кроме того, Алена Борисовна подтвердила, что Ромка прибежал к их корпусу, весь встревоженный, интересовался Халаевой. И старший вожатый Денис Славнов тоже припомнил, что видел на тропинке, как раз тогда и там, где указала Даша, их вдвоем. И в вожатской нашли вчерашнюю Ромкину футболку с порванным воротником, а в карманах брюк – упаковку презерватива.

– Я не трогал Халаеву, – повторил Ромка мрачно.

– А улики и свидетельские показания говорят об обратном. Так что советую – соглашайся на чистосердечное. В суде это зачтется. И с прокурором я лично поговорю. И с отцом Халаевой. Ты же в курсе, что он у нас в ППС служит?

– Я её не трогал, – упрямо повторил Ромка. – Когда мне дадут позвонить домой?

Позвонить ему так и не дали, но мать узнала всё сама, в тот же день. Слухи, действительно, расползались по Кремнегорску молниеносно. И позже рассказывали, как она буквально

ворвалась в отдел милиции, устремившись напрямик к начальнику. О чем уж они с ним говорили за закрытой дверью, никто не знал, но Ромку сразу же отпустили домой.

– Я её не трогал, даже не прикасался, – сказал Ромка матери уже в машине.

– Я знаю, – процедила она, злая, как фурия.

– Тебя били? Вижу, били. Я им всем устрою. Они у меня ещё ответят, света белого не взвидят.

Мать говорила тихо и зловеще, но потом взглянула на Ромку, и жесткие черты смягчились, а глаза наполнились болью.

– Рома, ты не переживай. Всё уже позади. Скоро этот бред забудется.

Ромка поймал в зеркале заднего вида сочувствующий взгляд водителя Юры. Обычно тот молчал – мать на дух не выносила болтливых. Но тут всё же обронил:

– Боюсь, скоро такое не забудут. Народ у нас как стадо, охотно верит в плохое. И толпой на расправу быстр.

Мать припечатала его тяжелым взглядом, и Юра замолк. Но как же он оказался прав...

17

Мать никогда не бросала слов на ветер.

Она надавила на кого надо, и, в итоге, дело даже открывать не стали. Тот опер, что избивал Ромку во время задержания, уволился, якобы, по собственному, остальные двое – получили выговор за превышение.

Однако всё это ничуть не спасло ситуацию. Наоборот, только хуже стало.

Отбитыми почками и трещиной в ребре Ромка не отделался. В Кремнегорске никто и не подумал, что он невиновен, раз его отпустили. Все решили, что мать его попросту отмазала и дело по ее «заказу» развалили. И теперь «этот мажор-извращенец» гуляет на свободе, упивается своей безнаказанностью и уже присматривает себе новую жертву.

Сплетни росли как снежный ком. В глаза матери пока никто ничего не высказывал, но даже она видела зреющую озлобленность и возмущение. И сердцем чувствовала – добром это не кончится.

Эту неделю Ромка из дома не выходил – отлеживался после побоев. Ну, если не считать единственный раз, когда съездил по настоянию матери в поликлинику, сделал рентген.

Было это на другой день после того, как его выпустили. Народ тогда ещё только шептался, передавая друг другу новость. Но Ромка уже тогда ощутил, как изменилось к нему отношение.

В очереди на Стрелецкого косились, как на заразного. Когда он спросил: "Кто последний?", никто не ответил. Даже врач, который хоть и не высказывал ничего, старательно отводил глаза, а уж когда взглянул, Ромка увидел такое неприкрытое отвращение, что не сдержался. Выпалил в отчаянии:

– Да что вам всем от меня надо? Эта дура наврала с три короба, а все как бараны... Да ну вас, – Ромка махнул рукой и вылетел из кабинета.

На крыльце поликлиники курили трое мужиков.

– Глянь, это не тот ли Стрелецкий, который девочку в лагере изнасиловал?

– Он самый! Вот же пададь! И ходит себе преспокойно, а?

– Су-ука! Что, мужики, растолкуем ему, что к чему?

– Эй! Стой! Разговор есть, – окликнули они Ромку, не обратив внимание на черную машину матери, припаркованную через дорогу.

Из машины тут же вышел Юра, почуяв неладное, и поспешил к ним.

– Эй, мужики! – крикнул он.

А затем из машины вышла мать. Но в сторону поликлиники не сделала и шага. Просто встала возле машины, скрестив руки на груди, и исподлбья сверлила этих троих тяжелым взглядом, не сулящим ничего хорошего.

А они уже окружили Ромку, но на Юрин окрик повернулись, а, увидев Стрелецкую, сразу как-то замялись и отступили. Правда, один еле слышно бросил Ромке:

– Вали из нашего города, сучонок, пока жив.

Позже мать и сама затеяла разговор по поводу его отъезда. Но Ромка упирался:

– Я же ни в чём не виноват. Почему я должен бежать?

– Этим идиотам все равно, виновен ты или нет. Разве ты не видишь? Им приятно вываливать в грязи кого-то, кто не похож на них. Втоптать, поизгаляться. Верно Юрий сказал, они как стадо. Стадом они тебя и затопчут. Если ты не уедешь.

– Я не уеду, – отрезал Ромка.

Тогда он ещё наивно верил, что если не сбежит, если выстоит, то народ рано или поздно поймет, что не прав. А вот если уедет, то, считай, признает свою вину. Да и как он мог уехать, если Оля здесь?

С Олей они созванивались каждый день. И это единственное, что помогало Ромке не падать духом. Как спасательный круг, его держали на плаву Олины слова: «Я тебе верю. Я люблю тебя и всегда буду с тобой, что бы ни случилось...».

На третью смену Оля не осталась и вернулась из лагеря сразу как только смогла. В тот же день они встретились в парке, хотя мать просила его не выходить из дома, пока всё не уляжется. Но она была на работе, а Ромке не терпелось увидеть Олю. Он так по ней истосковался, что места себе не находил. И даже будь мать дома, она бы вряд ли его удержала.

Парк этот они облюбовали ещё давно, когда только начали встречаться. Ходили сюда после школы, кормили в пруду уток, бродили, взявшись за руки, по дорожкам, целовались, прячась в кустах сирени и акации. Это место стало для них настолько особенным, что оба не замечали ни разбитых урн, ни разломанных скамеек, ни мусора, ни ржавых перекрученных прутьев, которые когда-то служили оградой.

Это было их место.

Оля немного опоздала. И Ромка уже успел испугаться, что она не придет. Когда же она появилась, у него даже голова закружилась от радости. Оба бросились друг другу в объятия, будто с последней их встречи прошли не дни, а годы.

Оля прижималась к его груди и приговаривала:

– Ромочка, хороший мой, любимый мой... Я чуть не умерла... так боялась за тебя... так скучала...

Ромка почувствовал сквозь тонкую ткань футболки её слёзы. У него и самого саднило в груди и жгло веки. Вот за что им всё это? Они же ничего никому плохого не делали, никому не желали зла. Они просто любят друг друга и просто хотят быть вместе...

Он зарылся носом в её макушку, бормоча:

– Не плачь, малыш. Всё будет хорошо. Я люблю тебя... я так тебя люблю...

– Я знаю, знаю, – кивала она, еле слышно всхлипывая. – Они все такие дураки! Идиоты просто! Как можно было про тебя такое подумать! Как можно было поверить этой наглой выдерге! Ромочка, я так за тебя боюсь...

Ромка нежно взял её лицо в ладони, чуть склонившись, посмотрел в любимые глаза. Видеть её слёзы и страх было мучительнее всего. Просто сердце кровью обливалось.

– Не бойся, скоро это всё закончится. Главное, мы вместе...

Она послушно кивнула, глядя на него в тот момент как на бога. Хотя она и раньше, бывало, на него так смотрела, но именно сейчас это стало для него важным. Самым важным. Смыслом всей жизни.

В ту минуту он почувствовал: вот оно – единственное, что имеет значение. Ради чего вообще стоит жить. Остальное – просто пыль и мышьяная возня. И плевать он хотел на всех, кто распускает про него грязь и кто в эту грязь верит, если Оля будет с ним, будет любить его, будет смотреть на него вот так. С ней ему вообще ничего не страшно, с ней он может всё.

Ромка склонился ниже, коснулся её губ своими, они у неё были мягкие и чуть солоноватые. Он втянул нижнюю губу, легонько прикусил, поймал Олин прерывистый вздох, от которого его тотчас прошило словно электрическим разрядом.

Распаяясь, Ромка целовал её жадно, отчаянно, болезненно. И так же отчаянно прижимал к себе, будто боялся, что она может исчезнуть.

Обратно они возвращались уже в ранних сумерках. Ромка бы остался и дольше, но Оля спешила домой, опасаясь отцовского гнева.

Подходя к покореженным парковым воротам, они увидели, что у самого входа, вокруг единственной уцелевшей скамейки, собралась компания. Парни курили, пили пиво из горла, забористо матерились и хохотали на весь парк. Двое из них взгромоздились на скамейку с ногами, примостившись на спинке. Трое сидели перед ними на корточках, и ещё один стоял, закинув одну ногу так же на скамью, и, пересыпая похабными словечками, рассказывал друзьям, как «жарил всю ночь» какую-то Машку.

– Четыре раза за ночь, подряд... прикиньте, пацаны. Меня уже плющит, а ей всё, сука, мало... но ртом она работает... – парень замолк и оглянулся на них. Это оказался Макс Чепрыгин.

После школы Стрелецкий его ни разу не видел. Слышал только от одноклассников, что Макс никуда не поступил и ушёл в армию. Вот, видимо, вернулся. За эти два года он заметно раздался и заматерел.

Ромка почувствовал, как Оля напряглась, и ободряюще сжал её пальцы.

– Не бойся, – прошептал.

– О-ба-на, – протянул Чепрыгин, поворачиваясь к ним. – Это же наш Ромео, сука, Стрелецкий. И... как там тебя? Недавашка, короче.

– Стрелецкий? – спросил один из его дружков. – Это у которого мать типа...

– Ага.

– Так этот, значит, чмырь девку-школьницу изнасиловал, да? А мамаша его отмазала.

– Точно. Это ж тот самый гандон.

Сидящие на корточках парни, не сговариваясь, поднялись, другие двое тоже прыгнули со скамейки, и все вместе медленно двинулись в сторону Ромки.

18

– Чё, мудило, на девочек потянуло? – сплюнул Ромке под ноги один из парней, преградив им дорогу.

– Пройти дай, – угрюмо произнёс Ромка, заслоняя собой Олю.

– Так с этой Недавашкой на кого угодно потянет, – гоготнул Чепрыгин.

Ромка успел бросить Оле: «Беги! Беги, я сказал!», как его тут же всем скопом повалили на землю, запиная ногами. Он лишь закрывал голову от ударов.

Оля выбежала из парка, зовя на помощь, но был вечер, и редкие одинокие прохожие от её криков только шарахались в стороны. Обезумев от ужаса, она металась в отчаянии, то в одну сторону, то в другую, то и дело оглядываясь назад, где толпа подонков продолжала пинать Ромку. И тут, метрах в двухста, у табачного ларька остановился милицкий уазик. Один из ППСников вышел из машины и склонился у окошка.

Оля со всех ног бросилась к нему, крича что есть мочи:

– Помогите! Там! В парке! Избивают!

– Так, погодите, – нахмурился он, вскрывая только что купленную пачку сигарет. – Ещё раз и спокойнее. Кто, где, кого избивает?

– В парке! – Оля указала рукой. – Мы гуляли с Ромкой, никого не трогали... они там сидели... Чепрыгин там... набросились на него... они же его прямо сейчас избивают! Что вы стоите?

– Чепрыгина? – ППСник щелчком выбил сигарету и закурил.

– Да нет же! Чепрыгин избивает с друзьями моего Ромку! Стрелецкого!

– Стрелецкого? – он прищурился, поджал губы.

– Да скорее же! Ну! Эти подонки его ведь сейчас покалечат!

Но он лишь затаился, не реагируя больше на её крики.

– Вы! Да вы... – Её лицо исказилось. – Милиция называется. Да вы сами такие же, как они.

– Э! Договоришься сейчас...

Она махнула рукой и припустила назад, к парку. У ворот притулилась огромная корявая ветвь тополя, обломанная в недавнюю грозу сильным ветром. Листья её уже пожухли и сморщились. Оля без раздумий прихватила эту корягу и ринулась к парням. Ближайшего что есть сил огрела по спине.

Тот взвыл, обернулся:

– Сучка! Да ты сейчас у нас...

Она попятилась в страхе назад, но парень бросил взгляд ей за спину и тут же крикнул своим:

– Менты! Валим!

Они бросились врассыпную. Оля кинулась к Ромке, который лежал неподвижно, скрючившись на земле. Склонилась к нему, дрожащими руками осторожно коснулась плеча, волос.

– Ромочка, – всхлипывала она. – Ромочка, ты меня слышишь? Ромочка, любимый мой...

В местной травме Ромка пролежал неделю, пока мать не забрала его домой.

Всё необходимое лечение он, конечно, получал – за этим мать следила, наседая на лечащего врача. Но... относились к нему по-скотски. Не врач, нет, и не заведующий отделением – те свято блюли клятву Гиппократова, да и благодарны были Стрелецкой за шефство над боль-

ницей. Но и появлялись они лишь утром, во время обхода, мелькали до обеда, а потом будто растворялись и вряд ли представляли себе, чем и как живёт отделение в остальное время.

А вот младший персонал изгалялся как мог. Медсестры разговаривали с ним через губу, перевязки делали нарочито грубо. Раздатчица, привозившая тележку с завтраком, обедом и ужином, всякий раз смотрела на Ромку волком. А незадолго до выписки затеяла с санитаркой разговор прямо под дверью его палаты:

– Мало этого ублюдка Стрелецкого отмудохали. Я б ему вообще все причиндалы вырвала с корнем, чтоб на девок даже не зарился, паскуда. Все они, богатенькие мрази, наглеют от своей безнаказанности. Натворил делов, откупился и всё, свободен. Нет, мало парни его уделали, мало... Теперь вот только посадят их, бедолаг. Уже взяли, бабы на рынке рассказывали вчера утром. Мамаша этого ублюдка всех на уши подняла. А вот за что, а? За что их посадят? За справедливость! Жаль, этот гаденыш больничное не ест, а то бы, ей-богу, плюнула ему в еду.

Говорила она это в коридоре, но громко, не стесняясь, во всеуслышание. Санитарка, пожилая тетка, которую все здесь звали просто Федоровна, охотно ей поддакивала:

– Да, не говори! Этот выродок натворил делов, а мы теперь лечи его, ухаживай, ишь. Смотреть на его рожу не могу. Так бы тряпкой половой ткнула б... И мамаша его такая же тварь. Я вчера полы в палате помыла, так она заставила меня, старуху, лезть под кровать его тапки доставать! Ты представляешь? Якобы я их туда шваброй задвинула. А нечего свои тапки раскидывать!

Насчет ухаживаний Федоровна загнула. Первый день, точнее, вечер и ночь, когда Ромку только привезли, она буквально издевалась над ним. Меняя судна у других, к нему даже не подходила.

– Пусть под себя ходит, – цедила злобно. – И в своём говне лежит.

Ромку тогда долго рвало едкой желчью, и ему приходилось свешиваться с кровати. Федоровна ругалась, называя его последними словами. И ни воды попить, ни тряпку, чтоб утереться, так и не дала.

Только потом, на следующий день, когда врач на обходе заметил засохшие пятна, соизволила всё убрать.

Даже мужики, соседи по палате, которые тоже сначала приняли Ромку в штыки, kloкотали и требовали отселить его от них, и то после её выходок конфузливо умолкли и больше ничего ему не высказывали.

Той первой ночью, уже под утро, Ромка решил доползти до уборной самостоятельно. Болело всё, каждая косточка. И мутило так, что его снова вывернуло бы наизнанку, если б было чем. Перед глазами всё качалось и плыло, будто он шел по веревочному мосту.

По стенке он еле добрался до конца коридора, где находились уборные, душевая и курилка. И вот тут его ждала новая беда – он не смог помочиться. Хотел, до рези в паху, и не мог. Отбитые почки, которые и так мучительно ныли и ощущались в пояснице как тяжеленные гири, при попытке выдавить хоть каплю взрывались оглушительной болью. Ромка с воем откинулся на кафельную стену перегородки, пытаясь отдышаться. Ноги вмиг обессилили. И сам он моментально взмок.

– Что – никак? Сходи на пост к медсестре, тебе катетер поставят.

Оказывается, в уборной ещё кто-то был. Ромка не мог себя заставить даже взглянуть на него, а уж ответить и вовсе не было сил. Он дышал громко и часто, а перед глазами стояла темнота, и в ней рассыпались светящиеся искры, словно фейерверк в ночном небе.

Может, этот кто-то и дело говорил, но Ромке делалось тошно от одной мысли, что придётся по такому вопросу обращаться к медсестре, унижаться лишний раз. Нет, лучше он ещё раз попытается. Ну, если уж совсем ничего не выйдет, то... нет, всё равно подождет до утра.

Мужик ушёл. Ромка снова встал над чашей, упершись вытянутой рукой о стену, сосредоточился. Впившись зубами в нижнюю губу, приготовился терпеть молча. Молча не получи-

лось. Боль была настолько острая, что казалось, будто через него прогнали битые стекла, а многострадальные почки кинули в кипящую воду.

Когда Ромка вернулся в палату, с него ручьями стекал пот. Футболку – хоть отжимай. И самого его колотило. Он в изнеможении рухнул на кровать. Боль всё ещё сжигала тело так, что он даже думать ни о чем не мог.

Мать приходила к Ромке каждый день. Приносила еду, первые дни – даже сама кормила. При ней все как будто затихало и старались не попадаться на глаза.

Оля тоже его навестила. Один раз, в самом начале. Смотрела на него и плакала. Обещала, что придёт ещё, но почему-то больше не появлялась.

Ромка переживал, даже просил мать выяснить, всё ли с Олей в порядке. Мать раздражалась, но за день до того, как забрать его домой, сообщила, что видела Олю. Целой и невредимой.

– И как она? – сразу оживился Ромка. Даже глаза загорелись. – Где ты её видела?

– На рынке. Вместе с матерью торговала овощами.

– Она что-нибудь тебе сказала?

– Сказала. Здравствуйте.

– И всё?

– И всё.

– А ты не спрашивала, почему она не приходит? Не сказала, что я... – Ромка осёкся, заметив, как изменился взгляд матери. – Ладно, я понял.

Он откинулся на подушку, уставился в потолок.

– Тебе ведь капельницы больше не делают? Давай я тебя домой заберу. Если нужен какой-то уход, наймем кого-нибудь. Или я сама...

– Давай, – пожал плечами Ромка.

19

В тот день, когда Ромку избили, Оля пришла домой сильно за полночь. Пока приехала скорая, пока его оформляли в приемном покое – она почти не отходила от него.

И никто ничего не говорил: как он, что с ним. Его увезли на дребезжащей каталке, а она всё сидела, ждала чего-то. Забыла про время, вообще обо всём забыла. Только молилась тихонько про себя: «Господи, пожалуйста, пусть Ромка будет жив и здоров! Я буду очень хорошей, обещаю! Только пусть он поправится!».

Потом она сообразила позвонить Ромке домой, правда, воспользоваться телефоном ей дали неохотно. Точнее, совсем не хотели давать.

– Не положено! – обрubiла тётка в регистратуре. – А то так каждый будет звонить.

Оля хотела было ещё поупрашивать, но вдруг заплакала, горько, безудержно, изливая весь страх и ужас, что накопился в ней за последние несколько часов.

– Ну, ладно, ладно, звони, – растерялась тётка, придвигая к ней телефонный аппарат.

Маргарита Сергеевна приехала очень быстро. И её пропустили без промедления, а Оля всё так же изнывала в приёмном покое. Дожидалась Ромкиной матери не меньше часа, продолжая иступлено нащёптывать свои молитвы. Даже глаза закрыла.

– Как это произошло? – вдруг услышала резкий голос Стрелецкой и вскочила со стула, часто моргая.

– Мы... мы гуляли в парке, – залепетала она, глядя на Ромкину мать со страхом. – А потом... ну, когда уже пошли домой, встретили их.

– Кого – их? – Маргарита Сергеевна спрашивала так, словно в произошедшем виновата именно она, Оля.

– Я их не знаю... кроме одного... Чепрыгина. Он с Ромой... в одном классе учился, – запинаясь, частила Оля, глядя на неё, как кролик на удава.

– Дальше что?

– Они... они его обозвали и начали бить. А я побежала звать на помощь.

– Завтра утром за тобой заедет мой водитель. Отвезет в милицию, где всё подробно расскажешь.

– Но... меня уже допросили... сразу, как...

Маргарите Сергеевне лишь взглянула на неё, но с таким выражением, что Оля поспешно кивнула.

– Да, конечно. Всё расскажу. А как Рома?

Но Стрелецкая тут же потеряла к ней интерес и, не прощаясь, покинула приемное отделение.

Оля беспомощно посмотрела ей вслед. Потоптавшись, она снова обратилась к тетке в регистратуре.

– Мне бы узнать, как он, – пролепетала она тоненько. – Пожалуйста.

– Завтра приходи. С четырех до семи. Сама его наведишь. И это... не убивайся ты так. Было б совсем худо – его бы в реанимацию отправили. А раз нет – значит, жить будет.

– Спасибо, – пробормотала Оля.

Раздавленная и несчастная она брела по ночным улицам. Такой долгожданный был этот день, такой многообещающий... и таким кошмаром он закончился.

В такт торопливым шагам она тихо повторяла: «Хоть бы всё было хорошо!».

Стоило слышать вдали чьи-то голоса, она пугливо озиралась и ныряла в тень. Никогда раньше она не боялась ходить по родным улицам, теперь же внутри всё леденело от страха.

Впрочем, никогда раньше на ее глазах не избивали так жестоко человека, да и ночами она не гуляла.

И только когда подошла к дому, когда увидела, что на веранде и в кухне горит свет, а остальные окна – темные, Оля вдруг подумала про отца, про то, что уже глубокая ночь и её наверняка потеряли. В коленях тотчас появились слабость и дрожь, а сердце, нервно трепеща, ухнуло вниз.

Она тихонько отворила калитку, поднялась на крыльцо и, задержав дыхание, открыла дверь.

Отец стоял посреди кухни, одетый в спецовку и рабочие штаны, словно куда-то собрался или, наоборот, только что пришёл. обернулся на звук и буквально пригвоздил к месту страшным взглядом. Мать робко подошла сзади:

– Коля! Успокойся! – залопотала она.

Отец её не замечал, медленно, жутко медленно приближаясь к Оле. А она, едва дыша, отступила на шаг и уперлась спиной в дверь.

– Ты знаешь, который сейчас час? – тихо и зловеще спросил отец.

Тут, наверное, стоило бы начать извиняться, упрашивать, клясться, что это первый и последний раз, задабривать – как мать всегда делала, если что не так, но на Олю, то ли от страха, то ли от пережитого стресса, напал ступор. Она таращилась на потемневшее лицо отца и не могла вымолвить ни звука.

– Где была, я тебя спрашиваю?

– Коля... – мельтешила за его спиной мать, заламывая руки.

– Где. Ты. Была? – повторил отец.

Отец замахнулся, но мать тут же кинулась и повисла у него на руке. Но от этого он лишь рассвирепел. Оттолкнул её грубо, та еле на ногах устояла, и тут же закрылась привычным жестом, ожидая удара.

Но отец рывкнул:

– Пошла вон!

– Коля, Коленька, прошу, давай до утра подождём... – умоляла мать.

Но отец, прихватив её повыше локтя, и потащил в родительскую спальню, клокоча:

– Закройся в комнате, и чтоб я тебя не видел и не слышал! Одну дочь испортила, теперь вторую...

Он втолкнул мать в комнату и с хлопком закрыл дверь. Затем снова вернулся к Оле, которая так и стояла, оцепенев, у двери.

– Последний раз спрашиваю, где ты шлялась? – чеканил он каждое слово, одновременно расстегивая ремень.

Оля наблюдала с ужасом за нервными движениями его рук. Она всегда этого боялась до дрожи, хотя её никогда в жизни не били. Боялась, потому что помнила сестру, потому что не раз видела исполосованный Пашкин зад и редкие, но страшные синяки у матери. И вот давний детский страх надвигался как ожившее чудовище.

– Не надо, пожалуйста, не надо, папа, – глухо шептала она побелевшими губами.

Отец лихо выдернул ремень из шлевок, замахнулся. Оля зажмурилась, услышав свист, а потом руку от плеча до локтя обожгло болью. И её прорвало:

– Папа, папочка, не надо! Прошу тебя! Я в больнице была! Там Ромку избили хулиганы. В парке. Его на скорой... В больницу. Я с ним была. Пожалуйста! Я ничего не сделала!

– Ах, ты с ним ты была? Я её тут бегаю ищу, а она...

– Папа, его чуть не убили! Его бы убили, если бы милиция не вмешалась... Я не могла его бросить!

– Да пусть бы убили, одной мразью меньше! Он девок насилует малолетних! Весь город об этом гудит! А она с ним гуляет! Срамота!

Отец, словно озверев, хлестал её раз за разом куда придется. Оля истошно кричала, закрывалась руками, сползая на корточки. Ей казалось, что это не ремень, а острые ножи, которые вспарывают кожу, что она уже вся изранена и истекает кровью, что отец от гнева сошёл с ума и попросту забьёт её сейчас до смерти...

Эта пытка длилась бесконечно. И даже когда отец отшвырнул ремень, Оле казалось, что на неё по-прежнему сыпятся жгучие удары.

– Пошла к себе. Спать, – рявкнул он. – Завтра потолкуем.

Задыхаясь от слез, она с трудом поднялась с корточек и, шатаясь, побрела в их с Пашкой комнату.

20

Мать её не будила, дала выспаться. Хотя сон никакого отдыха не принес, наоборот, стал продолжением вчерашнего кошмара. Оля и проснулась вся измученная. Даже губы спеклись и потрескались, как от жара. Болело всё, а особенно руки. Тонкая светлая кожа, лишь слегка покрытая золотистым загаром, теперь бугрилась жуткими синюшно-красными рубцами-полосами.

Рядом топтался Пашка, глядя на неё с жалостью.

– Больно?

Оля кивнула и заплакала. Больно – полбеды, но как это было страшно, и как унижительно. И, главное, несправедливо!

Пашка рванул бегом из комнаты, но через минуту вернулся, неся в блюдце горку слегка поплывшей малины.

– Это я утром собрал. Для тебя.

Оля выдавила благодарную улыбку и съела пару спелых ягод.

– Вот вырасту скоро, – серьезно сказал Пашка, глядя на сестру, – и заберу тебя отсюда. И маму тоже. А батю брать не буду. Он нам не нужен.

В другой раз она бы его ласково укорила, что нельзя так про папу, он же просто строгий, но желает им добра и всё для них делает. Но сейчас язык не поворачивался повторять за матерью эти фальшивые слова. Оля отставила блюдце на прикроватную тумбочку и обняла брата.

За окнами послышался настойчивый гудок клаксона, а через минуту в комнату заглянула мать.

– Доча, – выглядела она хуже обычного. Как будто вчера отец не Олю, а её избивал. – Там приехали. С комбината. Говорят, к тебе.

Оля вынырнула из-под одеяла. Стала хвататься за вещи, суетливо кружить по комнате.

– Оля, что им надо? – встревоженно спросила мать.

– Я должна дать показания в милиции. Я совсем забыла!

Гудок повторился.

– Пашка, миленький, сбегай скажи им, что через минуту выйду.

Брат помчался во двор.

– Это по поводу Романа? – осторожно спросила мать, наблюдая, как Оля торопливо одевается.

– Да.

– Если папа узнает...

Оля повернулась к ней.

– Ромку вчера чуть не убили на моих глазах. Я что, должна молчать? Покрывать преступников? И он никого не насиловал, чтоб ты знала! Его оклеветали! А если боишься, то ничего не говори отцу. Я долго не буду.

– Не нравится мне всё это... – причитала мать, стоя за спиной, пока Оля впопыхах одевалась и собирала волосы.

И семенила следом за ней, всё так же вздыхая и охая, когда она на лету подскочила к умывальнику, а потом – и на крыльцо.

– На крутой тачке прокатишься, – улыбнулся Пашка, кивая за ворота. – А можно с тобой? Пожа-а-алуйста! Наши обзавидуются!

Мать тут же подскочила, схватила его за руку, потянула к крыльцу.

– Иди в дом! – и тут же с мольбой: – Оля, может, не надо?

Оля, не слушая мать, выскочила за ограду и устремилась к припаркованному мерседесу. На улице уже припекало, а ей пришлось надеть джинсы и кофту с длинными рукавами, чтобы спрятать следы вчерашних побоев.

Перед тем, как сесть в машину, черную, большую, сияющую на солнце, Оля подумала: отец всё узнает. Такая машина на их улице уже привлекла соседское внимание. Тётки, с раннего утра копавшиеся в огороде, аж побросали свои тяпки и встали у калиток, как на наблюдательном посту, зорко следя за ней. Да и пацаны головы свернули, зачарованные «крутой тачкой».

Живот тотчас подвело от страха, но Оля, не давая себе ни о чем подумать, быстро юркнула на заднее сиденье, рядом с Маргаритой Сергеевной. Та сидела по-королевски, неприступная и непроницаемая. Но на этот раз она хотя бы поздоровалась, пусть и холодно.

– Здравствуйте, – пискнула в ответ Оля.

И до самого отделения милиции больше никто не проронил ни звука.

Показания она дала. На этот раз её допрашивали основательно, не как вчера. Следователь, уже другой, не давил, не насмехался, не ерничал, а будто и действительно очень хотел поскорее найти виновных. Даже показал ей несколько фотографий. Правда, узнала она на них лишь одного, помимо Чепрыгина, но следователь явно остался удовлетворен.

– Можно я навещу Рому? – спросила она Маргариту Сергеевну, когда они вышли из отделения.

Та равнодушно пожала плечами, однако затем, когда водитель спросил её, на комбинат они сейчас поедут или куда, велела ему сначала сделать круг и завезти Олю в больницу.

– Спасибо, – промолвила Оля.

Маргарита Сергеевна никак не отреагировала.

Но к Ромке Олю не пустили.

– У них сейчас обход, нельзя. Подожди здесь немного, – остановила её знакомая санитарка.

Противная бабка, даже наглая. На рынке, когда Оля торговала овощами, вечно просила сбавить цену чуть ли не в два раза. Другие отказывали, а Оля не могла. Отдавала ей по дешевке.

– Вообще, посещения с четырех. Но, так и быть, пропущу тебя пораньше. Врачи вот только уйдут, и я тебя позову.

Оля осталась ждать, в тесном коридорчике у дверей травматологии. Стульев и кушеток здесь не было, как в приемном покое. Она привалилась к стене – ноги совсем не держали, а перед глазами плыло. Но это уж скорее из-за жары и духоты. Здесь буквально нечем было дышать. А в джинсах и кофте Оля и вовсе чувствовала себя как в парилке. По спине струился пот, майка противно липла к телу, раны саднило и пекло. И уйти она не могла – вдруг та санитарка её позовёт.

Ждать пришлось долго, под конец Оля просто села на корточки и закрыла глаза. Иначе, чувствовала, она точно грохнется тут в обморок. Попить бы, она облизнула пересохшие губы. И тут дверь травматологии приоткрылась.

Санитарка выглянула, кивком позвала зайти.

– Вон та палата. Только давай быстро.

Сокрушаясь, что ничего для Ромки не взяла, просто не подумала, Оля тихонько проскользнула в палату и остановилась в растерянности, не сразу поняв, какая из шести коек Ромкина.

– Здравсьте, – игриво поприветствовал её один из мужчин.

Оля кивнула в ответ.

– Я к Роме Стрелецкому.

Он молча указал на койку у окна. Оля повернулась и, охнув, прижала ладошку ко рту. Это её Ромка? Что же они сволочи с ним сделали? Его лицо отекло и почернело до неузнаваемости, вместо губ, таких красивых и чувственных – разбитая бесформенная щель.

Оля осторожно присела на краешек постели.

– Ромочка, это я.

Он еле слышно промычал, но смог поднять над одеялом руку, коснулся её, погладил. Она поймала его пальцы, прижала ко рту.

– Хороший мой, любимый мой, – шептала горячо, целуя ранки на костяшках и уливаясь слезами. – Ты поправишься. Всё еще хорошо будет. Их поймают и накажут. А ты поправишься.

– Угу, – снова промычал Ромка и даже погладил её руку.

– Я к тебе завтра приду. Что тебе принести? Что-нибудь хочешь?

Он слегка качнул головой.

– Я всё равно что-нибудь принесу...

Когда уходила, санитарка задержала её в коридоре:

– Ты – девчонка хорошая, добрая, жалеешь всех, но не ходи к нему. Люди уже косятся, говорят и про тебя разное. Запачкаешься – не отмоешься.

– Да как вы можете?! Он ни в чем не виноват!

– Смотри, я предупредила.

Оля возвращалась домой и почти всю дорогу всхлипывала. Мир сошел с ума! Они точно все рехнулись, если поверили в то, что Ромка на такое способен! От такой несправедливости её трясло, но самое тяжкое было ощущать свою полную беспомощность.

Вечером отец пришёл с работы позже обычного. И был он нетрезв. Выпивал отец крайне редко и помалу. Да и сейчас не сказать, что напился, смотрел он цепко, двигался уверенно, говорил твердо, но сивушный тяжелый запах она ощутила и сразу напряглась, предчувствуя неладное.

– Ты знала? – спросил он сразу у матери.

Она испуганно захлопала глазами.

– Знала, что она снова побежит к этому Стрелецкому?

Мать покачала головой, отступая.

– То есть сегодня его мамаша сюда не приезжала? Ольгу не увозила? Бабы врут?

Мать заморгала часто-часто, не зная, что и сказать.

– Я тебе сказал, никуда её не выпускать! – рявкнул он и отвесил матери пощёчину. Она, охнув, прижала к щеке руку.

– Папа, стой! – крикнула Оля. – Мама не отпускала меня. Спроси у Пашки. Я сама!

– А с тобой мы ещё поговорим.

После этого отец уселся за стол, а мать принялась суетиться, накрывать к ужину, словно ничего не произошло.

– Коля, тебе в борщ столько сметанки хватит? – заискивала она, как обычно.

Как противно, подумала вдруг Оля, глядя, как мать перед ним лебезит и стелется. Особенно сейчас. Но с отцом это работало, он успокаивался. Поев, он подозвал Олю, мрачно кивнул на табурет напротив.

– Теперь ты.

– Сядь. Значит, ты опять бегала к этому подонку. Я тебе что, как-то непонятно вчера объяснил? Или ты плохо усвоила урок? Повторить надо? Или ты совсем отупела? Или тебе плевать на свою семью, на мать, на отца, на брата? Что про меня мужики на работе говорят, а? Что моя родная дочь трется с этим богатеньким извращугой, а я терплю. Меня сегодня спрашивают: «Ты что, Петрович, не можешь собственную дочь в чувство привести? Она сама оскрамилась и вас всех позорит». А так и есть! Ты же в это дерьмо ныряешь и нас всех тащишь.

Хотя бы о брате подумала бы, бесстыжая. Как он будет в школе? Его сегодня обкидали камнями пацанье. И это еще цветочки. Ты хочешь, чтобы нам всем в спину плевали?

– Рома ни в чем не виноват, – сглотнув ком, тихо возразила Оля, умирая внутри от страха.

Отец был зол, но не взбешен, как накануне. Хотя долго ли ему выйти из себя.

– Был бы не виноват, никто бы его не обвинял.

– Но... его ведь отпустили... признали невиновным...

– Знаем мы, как его признали. Мамаша откупилась и все дела. Значит, так. Если я ещё хотя бы раз узнаю, что ты с ним встречалась, что ты к нему хотя бы на пушечный выстрел приблизилась... ты ой как пожалеешь. Я тебя предупредил. Вы все у меня бедные будете. С завтрашнего дня не смеешь и шагу из дома без моего дозволения, поняла? И даже имя этого ублюдка в моем доме не смей произносить. Тебе ясно?

Отец сжимал и разжимал огромные, как кувалды, кулаки, глядя на неё исподлюбья так, что внутри всё леденело.

Оля кивнула и, развернувшись, пошла в свою комнату, чувствуя себя приговоренной без малейшей надежды на помилование.

21

Каждое утро теперь Оля ходила с матерью на рынок. Раньше она ненавидела торговать овощами и даже немного стыдилась. Но после двух дней затворничества, когда отец не позволял ей и шагу ступить со двора, она почти обрадовалась. Вряд ли, конечно, удастся ускользнуть от матери и сбежать проведать Ромку – на это Оля даже не надеялась, но хотя бы вырвется на время из этого душного плена, каким казался ей родной дом.

Первый день на рынке на них косились, но помалкивали. А ближе к вечеру одна из торговков, Неля, которая в течение дня потихоньку прикладывалась к фляжке, не удержалась. Не глядя на Олю, она обратилась к матери:

– Ну что, Галка, как там жених твоей Ольги?

Мать испуганно на нее воззрилась. Пожав плечами, ответила:

– Откуда мне знать?

– Ой, глядите-ка. Месяц назад ты нам тут пела и хвастала, какого завидного женишка твоя доча отхватила. Сына самой Стрелецкой! – Неля пьяно захохотала. – А что теперь? Не хвастаешься уже? Помалкиваешь в тряпочку. Женишок-то с говнецом оказался. Порченный. Хозяйство ему не вырвали? Нет? А жалко. Попадись он мне, я бы вырвала!

Мать понуро молчала. Тогда Оля, откуда только решимость взялась, перебила её:

– Рома ни в чем не виноват! Его оклеветали. А вы все повторяете, как попугаи!

Выпала и сама испугалась. Ещё и мать её пребольно пнула под прилавком ногой.

Неля расхохоталась на всю площадь.

– Бабы, вы слышали? Эта сопля ещё и защищает его, насильника этого паскудного!

Тут же подключились и другие торговки:

– Ой, дура!

– Ты бы хоть не позорилась!

– Была бы гордая девка, бросила б его, а покрывать его грязь, фу...

Мать пошла пунцовыми пятнами, занервничала так, что у нее стало дергаться лицо. И вдруг каким-то дребезжащим, срывающимся голосом выкрикнула:

– Перестаньте! Что вы к ней пристали? Моя Оля ни в чем не виновата! Что бы ни сделал Стрелецкий, Оля тут ни при чем! Она и так с ним порвала. Она и так мучается. А вы... – мать затрясла головой, точно у нее припадок. Но затем замолчала и даже как-то ещё сильнее сжежилась, словно ожидая града усмешек и оскорблений.

Однако ее речь подействовала, и галдеж стих. Даже Неля сдулась.

– Не, ну ладно, ладно. Успокойся, Галка. Никто твою дочь не трогает. А ты, Ольга, молодец, раз порвала с этим ублюдком. И не защищай его, у него и без тебя защитнички найдутся. Он и так тебя знатно опозорил на весь город. Ему-то что? Денежки заплатит, откупится и другую дуру себе найдет, а тебе здесь жить...

После того раза торговки к ним больше не привязались, но покупатели смотрели на Олю и её мать, как на прокаженных. И никто у них ничего не покупал. Было даже так: подошла женщина к их лотку – поскольку у них было свободно – и стала рассматривать зелень, помидоры, кабачки. Отобрала себе кое-что, уже и за кошельком потянулась, как другая тётка, покупавшая по соседству, подозвала её на пару слов. Что-то нашептала, затем с чувством выполненного долга взяла свои сумки и удалилась. Женщина тоже извинилась и ушла, так ничего и не купив.

Четыре дня они простояли впустую. А однажды на площади остановилась уже знакомая машина. Ромкина мать, узнала её Оля ещё до того, как та вышла.

Маргарита Сергеевна прошествовала вдоль всего ряда с царским видом, оглядела горки овощей, пучки свежей зелени, лотки, корзинки, ведерки. Тётки с ней здоровались, пусть и

без прежнего подобострастия, но вполне вежливо, и никто, даже Неля, не вякнули. Однако следили за ней молча и напряженно.

Стрелецкая остановилась рядом с Олей. Что-то купила у ее матери и ушла. Как же Оле хотелось спросить про Ромку! Или передать ему хотя бы словечко. Но, казалось, в тот момент все кругом напряженно за ней следили. И Оля струсила. Не смогла при всех. Язык словно к нёбу присох.

И самое постыдное – Ромкина мать всё поняла. Оля это видела. Стрелецкая посмотрела ей в глаза остро, словно в мысли её проникла и прочла их как открытую книгу, а затем отвернулась с выражением брезгливости на лице.

В Кремнегорске было всего два места, где собиралась молодёжь. Одно из которых – клуб «Орбита». По пятницам и субботам там гроыхала дискотека. Но и в другие дни вечерами все четыре скамейки на небольшом пятачке перед крыльцом клуба были облеплены парнями и девушками. Издалека доносились оттуда взрывы хохота, крики, голоса, маты и даже музыка – когда кто-нибудь приносил с собой магнитофон или же пел под гитару. Как по заказу рядом с клубом круглосуточно работал павильон, где отпускали всем подряд, без паспорта, и сигареты, и пиво, и энергетики.

Прохожие обычно лишь неодобрительно косились на шум, ворчали под нос, что молодёжь распустилась, но предпочитали обходить стороной эти развеселые компании.

Было воскресенье, около девяти вечера, когда неподалеку от клуба остановился черный мерседес. На ближайшей к крыльцу скамейке двое девчонок и четверо парней о чем-то увлеченно болтали, передавая по кругу полуторалитровую бутылку с «Жигулевским». С краю скамьи притулился магнитофон. И одна из девчонок, стоя, пританцовывала под «Руки вверх». Она плавно водила бедрами, обтянутыми леопардовыми лосинами, и откидывала голову так, что рыжие волнистые волосы красиво рассыпались по плечам и спине.

Парни на неё украдкой любовались, девочка это знала и старалась ещё больше. Её нравилось наблюдать блеск в мужских глазах, нравилось, как все они начинали перед ней рисоваться. Она не прикладывалась к бутылке пива, как её подруга Жанка. Ей купили энергетик. И купят ещё, когда она этот допьёт.

Но тут один из парней ткнул в бок другого, в кепке блином. А затем и все остальные повернули головы и увидели, как от машины к ним целенаправленно идет Стрелецкая.

– Чё ей надо? – прищурившись, негромко сказал тот, что в кепке.

– Может, чё хочет за сынка своего сказать?

– Так а мы при чем? Пацанов же всех, вроде, взяли.

Несмотря на выпитое пиво и скуренный косячок, парни сразу подобрались, напряженно следя за ее приближением. Даже магнитофон выключили. Рыжая занервничала больше всех, до слабости в коленках, и поспешно села, вклинившись между подругой и её парнем.

Стрелецкая вышагивала как по плацу, уверенно чеканя шаги. На пятачке воцарилась тишина.

Маргарита Сергеевна подошла к компании вплотную и остановилась напротив рыжеволосой девчонки.

– Здрасьте, – попытался заговорить с ней парень в кепке. – Вы что-то...

– Халаева? – не замечая больше никого, спросила её Стрелецкая так резко, будто хлыстом стегнула.

Дашка часто-часто заморгала. Наглость и обаяние, которые всегда помогали ей выкручиваться из любой ситуации, куда-то делись. Зато сердчишко трусливо забилося у самого горла. Она еле нашла в себе силы кивнуть.

– Встала! – велела Стрелецкая. И Дашка как солдатик поднялась, перепугано хлопая глазами.

Стрелецкая смерила её взглядом с головы до ног.

– Ты – маленькая лживая сучка. Ты правда думала, что тебе твоя ложь сойдет с рук? Ты всерьез решила, что, оболгав *моего* сына, ты будешь просто жить, как раньше? – пронизывающий, ледяной взгляд пугал больше, чем слова. – Ты даже не представляешь себе, какой ад я устрою тебе и твоей семье. И мне абсолютно плевать, сколько тебе лет.

Дашка молчала, словно язык проглотила.

– Ты расскажешь всем, как оболгала его. Ясно? Расскажешь правду. Завтра же. Придешь в милицию и во всем признаешься. И только посмей не прийти.

Маргарита Сергеевна видела – эта придёт. Чему-чему, а видеть людей насквозь за годы своего директорства она научилась прекрасно.

Можно было ещё много чего высказать этой малолетней дряни, но сейчас главное было другое – чтобы девчонка повинулась. Чтобы эта кошмарная история с клеветой наконец уже закончилась. Чтобы её Ромка мог вздохнуть свободно.

Она села в машину, коротко бросив водителю:

– Домой.

22

В пятницу мать забрала Ромку из больницы. Сначала он даже приободрился – больничная палата с храпящими, ворчащими, чавкающими мужиками осточертела ему до тошноты. Так что в банальной присказке «дома стены лечат» определенно был смысл. Но главная прелесть – это свобода.

Больница не тюрьма, конечно, но свободы там совсем никакой: туда не ходи, здесь не сиди, этого не делай.

А дома хорошо. Ну, если не считать, что кто-то под окнами на асфальте написал зеленой краской: «В квартире №17 живет извращенец» и рядом белой: «Сдохни, мразь!». Но через пару дней коммунальщики всю площадку перед подъездом выкрасили в темно-бордовый цвет.

Рано утром (так распорядилась мать, чтобы при ней) к Ромке приходила медсестра сделать укол, а остальное время он просто валялся на диване, изнывая от тоски.

Теперь, когда тело поджило, стало совсем невмоготу. Огромная квартира тоже вдруг показалась Ромке тесной клеткой. Он бы, конечно, нашёл, чем заняться. Но ничего не хотелось. То есть хотелось только одного – увидеть Олю.

Скучал он отчаянно. Места себе не находил. И тревожился сильно – почему она перестала приходить к нему? Что с ней? Как она? Тревога эта хуже болезни его изводила.

Он бы сам сходил к Зарубиным, даже в таком виде. Уж дополз бы как-нибудь потихонечку. Ребра ещё болели, синяки на лице тоже не сошли, но главное – ноги целы.

Однако мать взяла с него слово, что из дома он не выйдет, по крайней мере в ближайшую неделю.

Если бы она ещё требовала, приказывала, давила... Но она просила, умоляла даже, едва не плача. И Ромка пообещал.

– Никуда, слышишь, Ром? Что бы ни случилось. Скоро я со всем разберусь, а пока... пока даже не открывай никому, если кто придёт. И чуть что – звони мне, – наставляла она перед тем, как уехать на комбинат. Точно как в детстве. Только тогда это было понятно и правильно, а сейчас – дикость какая-то.

– Как это – никому не открывать? А если Оля придет?

Мать посмотрела на него с сожалением.

– Не думаю, что твоя Оля придет.

– Почему? – Тревога тотчас сжала сердце.

Мать ответила уклончиво.

– Если бы она хотела прийти, то давно пришла бы. К тебе в больницу.

– Значит, просто не могла. Значит, что-то ей помешало тогда прийти, – горячась, возразил Ромка. Он даже не сомневался в этом. И раздражался оттого, что мать сразу видит в ней плохое.

– Конечно, – поджав губы, процедила мать.

Но в одном мать оказалась права – и за всю следующую неделю, что Ромка отлежал дома, Оля не появилась. Не позвонила. Вообще никак не дала о себе знать.

Как-то вечером мать за ужином вдруг сообщила:

– Халаева вчера призналась, что ничего не было.

Ромка воззрился на неё изумленно.

– Рассказала, что она так пошутила.

– Это ты, да? Ты ее заставила?

Мать пожала плечами.

– Ну как заставила? Каленым железом я ее не пытала. Просто донесла мысль, что если она не признается, то ей будет плохо.

Ромка хмыкнул.

– А что бы ты ей сделала?

– Лучше тебе этого не знать.

Взгляд матери изменился. Стал пугающим. Ромке даже невольно захотелось поёжиться. Наверное, поэтому он вдруг спросил:

– Ну, если уже не про неё говорить, а вообще, ну, гипотетически, ты бы как далеко могла зайти? Ну, если бы хотела наказать кого-то или кому-то отомстить? Есть у тебя какая-то грань? Ну, типа, что-то кому-то ты бы смогла сделать, а что-то – никогда... даже не из страха, что посадят, а из личных убеждений, что так нельзя. Ну, грань, в общем.

Мать выгнула одну бровь, мол, что за глупые разговоры. Тем не менее ответила серьезно:

– Какая грань? Ради тебя я пойду на всё, что потребуется. Абсолютно. И не колеблюсь. Вот такое мое личное убеждение.

– Значит, Халаевой повезло, – с усмешкой пробормотал Ромка. Слова матери его одновременно и тронули, и озадачили.

Мать пожала плечами.

– Можно и так сказать. Но ни мать её, ни отец, ни брат в этом городе работу больше не найдут. Официальную. Ты почему ничего не ешь?

Ромка опустил взгляд в тарелку, для вида подцепил вилкой кусочек, проглотил через силу. Есть совсем не хотелось, хотя за целый день он не проглотил ни крошки.

– Может, вина?

Ромка мотнул головой.

– А про Олю ничего не знаешь?

Мать вздохнула.

– Торгует, наверное, на рынке вместе с матерью.

– Я должен с ней поговорить.

– Подожди ещё немного, пока всё уляжется.

– Ты же говоришь, что Халаева призналась.

– Призналась. И думаешь, все сразу же прозрели и одумались? – презрительно усмехнулась она. – Плохо ты людей знаешь. Или слишком хорошо о них думаешь.

Ромка спорить не стал, зная, что, мать не переубедить. Как и она не переубедит его. Решил, завтра, когда она будет на работе, он просто прогуляется до центральной площади. И если повезет, там будет Оля. Они наконец увидятся, а заодно и поговорят. Ромка даже не сомневался, что всему есть простое и понятное объяснение. И это дурацкое подвешенное состояние, которое его сводило с ума, исчезнет. Они снова будут вместе.

На следующий день мать поехала на работу позже обычного. Почти к обеду. Ромка извелся от нетерпения, дожидаясь, когда уже за ней придет Юра. И ведь не спросишь у неё, почему уже одиннадцать утра, а она всё ещё дома. Мать сразу же заподозрит неладное. Точнее, догадается о его планах. Скорее всего, она и так догадывается, но почему-то молчит.

Наконец она ушла, сухо поцеловав его в скулу перед выходом. Ромка проследил, как со двора выехал ее мерседес, и сразу кинулся одеваться. Торопливо натянул джинсы и футболку, словно на поезд опаздывал, надел кроссовки и выбежал из дома. Яркий солнечный свет резанул глаза, аж выступили слёзы. И почему-то внезапно закружилась голова, так что даже пришлось привалиться на пару секунд к кирпичной стене дома.

Мимо прошла соседка, чопорная дама с болонкой в руках, осмотрела Ромку недоверчиво, но всё же кивнула в знак приветствия.

До рынка он дошёл нескоро. Голова так и кружилась, и всё казалось слишком белым, ярким, нереальным. То ли сотрясение так проявлялось, то ли ещё какие-то фокусы организма. А, может, сказалось то, что он почти ничего не ел всё последнее время. Только страх, тревога и жгучее желание увидеть Олю подстегивали его идти дальше.

Пока добрался до места – вымотался так, что чувствовал себя больным. Сердце выпрыгивало из груди, пот лился в три ручья, в глазах теперь, наоборот, темнело. Но хоть не зря пришел. Оля и правда оказалась там. Вместе с мамой они притулились в самом конце длинного ряда, чуть в стороне от других торговков.

Приблизившись, Ромка невольно отметил, как шумные торговки сразу стихли, заметив его. Он на них не смотрел, но чувствовал, что они буквально впились в него жадными, любопытными, цепкими глазами. Плевать на них.

Пока брёл вдоль ряда, он смотрел только на неё, на свою Олю, которая сидела, ссутулившись, точно придавленная непосильной ношей. Она похудела, отметил он. Стала совсем как веточка. На лице одни глаза остались. И тут Оля подняла голову и тоже увидела Ромку. На миг она вспыхнула, загорелась. Бледные, почти бескровные губы тронула улыбка. Но в следующий миг будто что-то произошло, непонятно, незримое, но плохое.

Оля выпрямилась, подобралась вся и опустила глаза. Страх, на секунду отступивший, вновь закопошился где-то между ребер. Словно там образовался камень, ледяной, тяжелый, с острыми царапающими краями.

– Привет, – произнёс он, тяжело дыша.

23

– Привет, – чуть громче повторил Ромка.

Оля не отвечала. И даже глаз на него не поднимала.

– Оля, – не понимал он. – Что случилось?

– Рома, тебе лучше сейчас уйти, – вмешалась её мать.

– Что происходит? Оля?

– Рома, уходи, пожалуйста.

И тут Оля наконец посмотрела на него, но совсем не так, как всегда. Без нежности, без любви, а, скорее, сконфуженно и виновато. И тут же быстро стрельнула вороватым взглядом на соседних торговков. И Ромка всё понял. Она ещё ничего не сказала, а он уже догадался: Оля его стесняется. Точнее, стыдится. Боится даже, возможно. Не его, естественно, а того, что скажут, что подумают. Видимо, ей тычут все, кому не лень, мол, встречается с насильником. Но, черт возьми, уж она-то прекрасно знает, что он не виноват! Её ведь слова: «Вместе мы со всем справимся». И что теперь? Разве слухи и сплетни важнее их чувств? Разве можно идти на поводу у чужой глупой толпы? Да нет, этого быть не может. Это же его Оля! Да не может она вот так, ни с того ни с сего оттолкнуть его. Просто не может и всё.

И тем не менее Оля произнесла чужим голосом:

– Рома, пожалуйста. Ты не должен здесь быть. Уходи, прошу.

– Почему? – Он оперся о деревянный прилавок рукой, чтобы не шататься. Перед глазами всё плыло и качалось.

– Просто уходи. Пожалуйста, – взмолилась Оля.

– И это всё? – с горечью выдохнул он.

Она не ответила, снова низко-низко опустила голову. Ромка выдержал минуту, долгую, мучительную. Казалось ему, что сердце его сейчас не выдержит – так было больно в груди, как никогда. А, может, ещё надеялся до последнего, что она передумает. Но Оля молча, глядя в пол.

Ромка уходил прочь, чувствуя спиной чужие ядовитые взгляды. Ему казалось, что они отравляли кровь и выкачивали из него последние силы.

Не первый раз он сталкивался с такой злобой, только раньше ни эти взгляды, ни слова, ни проклятья его не ранили. Олина любовь хранила его словно защитный тотем. И броней, и стержнем, и смыслом – она была для него всем. А теперь он чувствовал себя обнаженным, уязвимым, лишённым всякой опоры.

Полпути Ромка ещё кое-как прошёл. Потом остановился и даже привалился спиной к дереву, пытаясь отдышаться. Головокружение стало таким, что казалось, он стоит на речном плоту, качающемся на волнах. В ушах пронзительно звенело, а перед глазами – то всё вдруг погружалось в густую тень, то, наоборот, вспыхивало ослепительно белым.

Ромка потерял счет времени и не знал, сколько он так простоял. Когда рядом остановилась машина, он даже не отреагировал, пока его не позвали по имени:

– Рома? Рома, ты, что ли?

Он узнал по голосу Потапова, заместителя матери. Мать его звала нежно и снисходительно Павлушей, хотя тот годился ей если не в отцы, то в старшие братья.

Но Павел Викторович на такое панибратство не обижался, даже, наоборот, был доволен, что Ромкина мать с ним вот так, по-простому.

Ромка облизнул пересохшие шершавые губы. Хотел сказать: да. Но вышел еле различимый сиплый звук.

Павел Викторович выскочил из машины с удивительным для его комплекции проворством. Невысокий и полный, с пухлыми румяными щеками и блестящей лысиной, он напоминал веселого колобка.

– Рома, что с тобой? Тебе плохо? Садись скорее. Может, тебя в больницу отвезти?

– Не, – промычал Ромка сквозь спекшиеся губы.

– Домой?

– Угу.

– Ну, давай я тебе помогу.

Павел Викторович подхватил Ромку за талию и повел к машине. Помог сесть на заднее сиденье. Потом, тяжело дыша, плюхнулся на водительское место. Достал из кармана пиджака безразмерный клетчатый платок, промокнул лысину. И только потом завел мотор.

Ромка вроде и не спал, но его одолевали какие-то жуткие видения. И дорога до дома показалась ему бесконечной пыткой. Амортизация в старенькой Ладе была ни к черту, да и водил Павел Викторович тоже не лучше: рывками. Газ-тормоз, газ-тормоз. Отчего Ромку несколько раз едва не вывернуло. А на каждой кочке подкидывало так, что ему казалось, что у него гремят и крошатся кости. На самом деле это громыхал какой-то хлам в багажнике Потапова.

Павел Викторович проводил его до самой квартиры, подставив Ромке свое круглое плечо. И даже помог снять кроссовки и дойти до дивана. А позже, когда вернулся на комбинат, видимо, сразу же доложил матери. Потому что и часа не прошло, как она примчалась. Потрогала Ромкин лоб, затем сунула ему градусник.

– Господи, ты же весь горишь!

Температура была под сорок. Мать вызвала скорую и, хотя жар сбили, она всю ночь дежурила у его постели.

Ромка очнулся уже утром и увидел её, задремавшую в кресле.

– Мам, – позвал тихо.

Она вздрогнула и проснулась.

– Как ты? – присев с краю на его кровать, положила на лоб прохладную ладонь.

– Нормально.

– Что за вирус ты умудрился подцепить? И, главное, где?

На самом деле он чувствовал себя препоганом. Грудь ломило так, словно его завалило камнями, раздробило ребра, разорвало плоть. Мать сразу начала суетиться: принесла морс, какие-то таблетки, но Ромка знал – никакой это не вирус и пилюлями тут не помочь. Просто он сломался.

Однако спустя три дня ему полегчало. Нет, в груди всё так же болела зияющая рана, но больше его не лихорадило, не качало, словно былинку на ветру. Он даже понемногу начал есть. Вот только не разговаривал совсем. На все вопросы матери отвечал односложно и сразу замыкался в себе.

Она выпрашивала, куда он ходил. Ромка признался, что хотел увидеть Олю, вот только утаил всё остальное. Пока болел, он не раз возвращался мыслями к тому эпизоду. Сначала глухо выл в подушку. Хотелось крушить все вокруг, но сил хватило лишь на то, чтобы опрокинуть стул.

Потом его осенило: Оля просто не могла при всех с ним говорить. Вон как опасливо она на них косилась. И её можно понять. Уж кто-кто, а Ромка знает, как по-зверски могут вести себя люди, которые ещё вчера с тобой здоровались.

Значит, надо её встретить наедине. И тогда они смогут поговорить нормально. И обязательно что-нибудь придумают.

Конечно! И как он сразу не сообразил. Ведь всё так очевидно – там, при всех, она просто не могла поступить иначе. А он сразу же решил, что она его предала. Даже стыдно стало, что так плохо подумал про неё. Как будто он её не знает! А Оля, бедная, наверное, сейчас мучается...

Эта мысль не давала покоя. Буквально каждую минуту Ромка думал, как бы им встретиться снова. Наедине. Чтобы никто больше не помешал. Не пялился, не подслушивал.

В конце концов решил пойти к её дому на удачу. Ближе к вечеру, когда они будут возвращаться с рынка.

Оттягивать свой поход он не стал. На следующий же день, пока мать не вернулась с работы, Ромка отправился к частному сектору, на другой конец города. Чувствовал он себя, конечно, ещё неважно, но завтра-послезавтра – выходные, а, значит, мать останется дома, и тогда придется ждать до понедельника. А ждать он не мог. И так измучился.

Минут за сорок добрался до её дома. И понял с досадой – опоздал. Оля с матерью уже вернулись с рынка. Он даже на мгновение поймал её силуэт на веранде. Но позвать не решился. И тут во двор выбежал Олин брат.

Ромка тихонько свистнул. Паша завертел вихрастой головой. Заметив Ромку, покосился в сторону дома, затем подошёл к калитке. Приотворив, выглянул на улицу.

– Привет. Ты чего тут? – спросил он и снова с опаской оглянулся на дом.

– Мне надо с Олей поговорить.

Пашка сделал круглые глаза.

– Ты что! Батя не разрешит!

– Тогда скажи Оле...

– погоди-ка. Ты знаешь что... ты иди на остановку рейсового. Вот! Жди её там. Батя только что Ольку послал в магаз, сказал купить там ему что-то. Она как раз мимо остановки пойдет. А я предупрежу потихоньку, что ты там её ждёшь.

Ждал он долго. Даже забеспокоился, что Оля не придёт. То ли Пашка напутал, то ли отец передумал... Но Ромка все равно не уходил. Сидел на пустой остановке, провожая взглядом редких прохожих. Уже начало темнеть, значит, пора было возвращаться домой. Мать там, наверное, с ума сходит.

Но тут он услышал тихие и быстрые шаги. И сразу понял – она. И точно – к нему приближалась Оля. Как же сильно она похудела! Кофта, в которую она куталась, болталась на ней как балахон.

Ромка порывисто подался ей навстречу, хотел прижать к себе, к истосковавшемуся сердцу. Но Оля остановилась в двух шагах. И не просто остановилась, а будто очертила невидимую границу, за которую переступать нельзя.

Под ребрами сразу противно заныло, но Ромка отмахнулся от дурного предчувствия.

– Оля, я боялся, что ты не придешь.

– Рома, зачем ты здесь? Ты не должен...

– Что не должен? Я видеть тебя хочу. Я скучал по тебе страшно. Оля...

– Рома, пожалуйста, уходи.

– Да что с тобой?

– Пожалуйста! – всхлипнула она.

– Хорошо. Тогда скажи, когда мы увидимся?

Она ответила не сразу.

– Рома, нам не нужно больше встречаться.

– В смысле?

– Рома, всё кончено. Я больше не могу быть с тобой.

– Ты... я думал... ты

Фраза оборвалась, словно рассыпалась на осколки. А ниже ребер, в солнечном сплетении, полыхнуло резкой болью, словно его ударили наотмашь. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни слова сказать.

– Рома, прости меня, пожалуйста. Но я не могу быть с тобой.

– Ты же знаешь, что я ничего не делал...

– Знаю, но...

– Мы же... я же люблю тебя...

Оля всхлипнула, прижала кулачок ко рту, отвернулась вбок.

– Рома, не надо, – дрожащим голосом произнесла она. – Давай просто расстанемся и всё.

Так будет лучше.

– Кому лучше, Оля? Кому? Тебе? Это из-за слухов, да? В этом всё дело? Ты же говорила, что веришь мне!

– Я верю, но...

Она тяжело вздохнула.

– Что – но? Но чужое мнение тебе важнее? Сплетни тебя волнуют? Что про тебя скажут? Этого ты боишься? Тебе стыдно со мной теперь? Боишься, что и тебе заодно достанется? Я понимаю. Я всё понимаю. Но и ты пойми. Это неправильно. Я бы защитил тебя... увез... Давай уедем вместе? Вдвоем?

Ромку всего колотило, словно недавняя лихорадка накатила на него с новой силой.

– Рома, пожалуйста, перестань! Я прошу, не надо. Ты не всё знаешь.

– А что я не знаю?

Оля попятилась назад.

– Постой! Не уходи!

Ромка поймал её, но Оля тотчас выдернула руку и отпрянула.

– Рома, всё кончено. Не приходи больше. Просто оставь меня... Пожалуйста! И... прости.

Она развернулась и почти бегом устремила прочь.

– Оля! – крикнул он в отчаянии удаляющейся фигурке.

Она не остановилась, а вскоре и вовсе исчезла из виду.

24

Маргарита Сергеевна вернулась с работы поздно. Перед выходными она всегда старалась подбить все дела, чтобы до понедельника ничего не подвисло. Приехала уставшая и злая, как черт.

Последнее время из-за Ромкиных проблем она ослабила хватку, а кое-что и вовсе пустила на самотек, и на комбинате, работавшем всегда как часы, эти дни то и дело возникали какие-то накладки. Народ расслабился.

Пришлось срочно наверстывать упущенное, а заодно провести экстренное совещание, где она как следует взбодрила начальников отделов и заместителей. Потому и домой приехала на взводе, рассчитывая принять ванну, поужинать и лечь спать пораньше. Но... Ромки дома не оказалось.

Сердце сразу ухнуло вниз. А страх, который и так не отпускал её всё последнее время, сковал до боли внутренности. Лишь силой воли она держала себя в руках, пытаясь соображать трезво. Велела себе успокоиться, потому что паниковать бессмысленно.

Осмотрела дверь, подъезд, прихожую. Всё как обычно – значит, сын ушёл сам. Где он, господи? Куда мог пойти на ночь глядя? Впрочем, понятно, куда. К ней, к Зарубиной. И что теперь делать? Первая мысль была немедленно вызвать Юру, водителя, и отправится с ним на поиски, но меньше всего хотелось выглядеть заполошной квочкой. Да и как бы эта Оля не стояла у нее поперек горла, стоило признать, что Ромке она нужна. Гораздо нужнее, чем мать, чем кто-либо ещё. Только с ней он оживает. Только с ней ему хорошо. А это главное.

Ещё раньше Маргарита Сергеевна решила: пусть у него будет эта его Оля, пусть они встречаются, да хоть поженятся, раз уж она ему так дорога. Да, она глупая, слабая, простая как табуретка. Но, в конце концов, не ей же с Олей жить, а ему. И снова повторила себе – главное, ему с ней хорошо. К тому же, с ней он быстрее отойдёт от всего этого кошмара.

Маргарита Сергеевна даже подумывала: может, как-то помочь им переехать в Москву? Да хоть куда, где никто не знает про эту гадкую историю. Пусть эта малолетка Халаева во всем призналась, но на Ромку все равно смотрят косо. Между собой обсуждают, кто-то верит, кто-то нет – ей уже доложила секретарша, кто и что болтает среди сотрудников комбината. Можно половину поувольнять, можно запугать, но рты всем не заткнешь. Нормальной жизни её мальчику здесь не будет. Один уехать он не согласится, а с Олей – другое дело.

Расставание с сыном всегда страшило Маргариту Сергеевну, но сейчас она запрещала себе даже допускать такие эгоистичные мысли.

Вот вылезет он – и она сама устроит ему и его Оле перевод в подходящий вуз. Поможет с переездом, всё уладит. И, дай бог, дети заживут спокойно. А она... ну будет приезжать к ним в отпуск. Потом, глядишь, бабушкой станет.

Эти мысли о будущем отчасти успокоили её. Лишь бы только Ромка снова не наварлся на какое-нибудь хулиганье. Маргарита Сергеевна пила чай на темной кухне, время от времени подходя к окну. Но Ромку, видимо, проглядела.

Наконец замок в прихожей шелкнул. Она поспешила к нему и, лишь взглянув в лицо сына, не задав ни единого вопроса, поняла: у него беда. Оля его бросила. Предала его...

Никогда в жизни она не видела своего мальчика таким – почерневшим от горя. Горло перехватило спазмом от боли за него, и внутри всю затрясло. Кто бы знал, каких нечеловеческих усилий ей стоило не зареветь горько, по-бабски. В груди пекло нестерпимо. Господи, да она всё бы отдала в эту минуту, чтобы ему хоть на чуть стало легче. И понимала, что это невозможно. Ни она, ни кто-то другой не могут ему помочь в этой беде. Её мальчику придется

всё вытерпеть самому, в одиночку, пережить и, скорее всего, очерстветь. Потому что такое предательство не проходит бесследно.

– Я спать, – глухо вымолвил он и, пошатываясь, побрел в свою комнату.

Всю ночь она не спала, даже глаз не сомкнула. Боялась, что Ромка не выдержит, сорвется, наделает глупостей, или, что самое страшное, сотворит что-нибудь с собой.

Словно сторожевой пес она прислушивалась к малейшим шорохам и звукам, доносившимся из его комнаты. Слышала сдавленные глухие полувсхлипы-полустоны и умирала вместе с ним каждую минуту этой страшной ночи.

Утром, когда Ромка всё-таки уснул, Маргарита Сергеевна вызвала Юру.

– Знаю, что суббота, извини. Но это ненадолго. Съездим в одно место и будешь свободен.

Было начало девятого, когда черный мерседес остановился возле дома Зарубиных. Собака у них во дворе тут же зашлась неистовым лаем. Но Маргарита Сергеевна не стала ждать, когда кто-то выйдет. Сама открыла калитку, прошла по узенькой дорожке до веранды, поднялась на крыльцо. Постучала громко в дверь.

Ей открыла Олина мать. Увидев Маргариту Сергеевну, женщина испуганно охнула, вскинула руки, что-то забормотала, но та её не слушала. Толкнула дверь пошире и без приглашения шагнула в дом.

– Где? – спросила жестко. Женщина часто-часто заморгала. Но тут Оля вышла сама, в ситцевом халате, бледная, худая, просто кожа да кости. Приблизилась, глядя на неё как кролик на удава.

С минуту Маргарита Сергеевна просто смотрела на неё, на эту бестолковую, никчемную девчонку, бледную моль, ничтожество, которое и мизинца Ромкиного не стоит. Оля не выдержала её пронизывающего взгляда, виновато опустила голову.

– Ты... – наконец процедила она. – Ты хоть понимаешь, что ты с ним сделала?

Из боковой комнаты в прихожую вышел, вероятно, Олин отец.

– Кажется, я сюда гостей не звал, – изрек он недобро, но Маргарита Сергеевна его в упор не замечала. Не повела и бровью, вообще никак не отреагировала на его появление, продолжая смотреть на Олю.

– Ты его раздавила, сломала, растоптала... Не эти поганые лживые сплетни, а ты, – чеканила она каждое слово. – Ты и твое предательство. Ради тебя он был готов на всё. С его умом, его талантом... он мог столько всего достичь. Но он остался здесь, в этом болоте... только из-за тебя... наплевал на свое будущее. Он не просто любил тебя, он верил тебе больше, чем кому-либо. Чуть ли не молился. Думал, ты святая... – Маргарита Сергеевна с горечью усмехнулась. – А ты оказалась просто трусливым ничтожеством.

Она смерила Олю брезгливым взглядом и, не прощаясь, вышла.

– Домой, – устало бросила она водителю.

Может, зря она всё это затеяла. Это был не какой-то продуманный ход, это были чистые эмоции. Гнев, обида, возмущение, носить которые в себе она просто не могла. Чувства раздирали её и требовали выхода.

Ромка, если узнает, будет злиться, конечно. Ну и пусть. Маргарита Сергеевна редко шла на поводу эмоций, но сейчас она ни о чем не жалела.

Он ей так ни о чем и не сказал. Но вечером, когда она уговаривала его хоть немного поесть, Ромка вдруг сказал:

– Я хочу уехать. Навсегда.

25

После ухода Стрелецкой в доме повисло гробовое молчание. Отец страшно вращал глазами, раздувал ноздри, сжимал-разжимал огромные кулачищи. Мать, глядя на него, тихо пятилась, одной рукой прижимая к груди кухонное полотенце, второй – нервно теребя его конец. Даже Пашка испуганно затих.

– Что ей надо было? – процедил отец. – Здесь! В моём доме!

Мать, не смея вымолвить и слова, качала головой и продолжала пятиться.

– Да как она посмела! – багровея, гневался отец.

Мать испуганно кивнула.

– А ты что молчишь? – он перевёл взгляд на дочь.

Но Оля не слышала его. Казалось, она вообще ничего не слышала. И не видела. Смотрела в одну точку перед собой совершенно пустыми глазами.

– Ну? – рыкнул он, подойдя почти вплотную.

Никакой реакции, ни малейшей. Словно сомнамбула она ничего не понимала, ни на что не откликалась.

Эта её глухая отрешенность даже у отца вызвала растерянность. Он видел – что-то с ней не так. Только не понимал, что делать, как достучаться, как привести её в чувство. И сделал то, что привык.

– Отвечай, когда отец спрашивает! – рявкнул он и, схватив её за плечи, начал трясти.

Олина голова болталась, как у тряпичной куклы – жуткое было зрелище. Но она не издала ни звука. Лицо её по-прежнему оставалось отчужденным, а взгляд – пустым.

– Коля! – бросилась к нему мать, цепляясь за руки. – Коля! Не надо!

– Батя, не надо! – с другого бока подскочил Пашка.

Отец резко выпустил Олю, и она повалилась бы на пол, но мать вместе с Пашкой успели её подхватить. Выругнувшись, отец ушёл, хлопнув дверью так, что звякнули чашки в буфете.

Олю, обмякшую и все такую же безмолвную, отвели в комнату. Уложили на кровать поверх покрывала. Мать придвинула стул, села рядом.

– Доча, ты как? Скажи хоть слово... – просила она шепотом.

Но Оля, не шевелясь, лежала на спине и безучастно смотрела в потолок.

– Что с тобой? – всхлипнула мать и тут же утерла набежавшие слезы полотенцем.

Дочь пугала её до замирания сердца. Вот такой, ни живой ни мертвой, мать видела её впервые. И это было гораздо страшнее, чем вчерашняя Олина истерика.

Хотя вчера матери казалось, что страшнее быть ничего не может.

Сначала мать ничего не понимала. Ведь Оля просто пошла вечером в магазин, куда её отправил отец. Купила ему пачку сигарет и пиво. Немного задержалась, и отец уже начал потихоньку психовать. Сосед позвал его посидеть в бане с мужиками, попариться, пива попить, а Оли всё не было и не было. Но тут она наконец появилась. Он торопился к соседу, поэтому выхватил у неё пакет, буркнул сердито: «Тебя за смертью посылать» и ушёл. Не заметил даже, что её трясло всю.

– Папа волновался... – начала мать, потом внимательнее взглянула на Олю. – Доча, что с тобой? Что случилось, доча?

Оля ещё несколько секунд стояла у порога с искаженным от боли лицом, шумно и часто дыша, будто задыхалась. А потом бросилась к себе в комнату, рухнула на кровать и завывала. Так горько, громко и жутко, что у матери пошел мороз по коже.

– Доча, доченька, что с тобой? – кинулась она за ней следом.

Но Оля ревела, как подстреленный зверь. Единственное, что она выкрикнула сквозь плач, причем несколько раз: «Что я наделала!».

Мать ошарашенно смотрела на Олю, свою тихую, послушную, милую девочку, и не понимала, что с ней случилось. Она трясла её за вздрагивающие плечи, гладила по голове, причитала, но горестный вой не умолкал ещё долго. Лишь к полуночи Оля выдохлась и, свернувшись калачиком, тихо скулила, глотая слезы.

Потом Пашка признался матери, что Оля виделась с Ромой Стрелецким. Мать боялась, что вернется отец и тогда им всем не поздоровится. Просила Олю успокоиться, пыталась напоить и чаем с ромашкой, и каплями. Но Оля лишь качала головой, продолжая всхлипывать.

– Ты из-за Ромы так убиваешься? – спросила мать. – Вы с ним расстались? Ты сказала ему, чтобы он тебя оставил в покое?

– Сказала! – выкрикнула Оля надрывно и заплакала ещё горше.

– Вот и молодец. Умница наша. Ты всё правильно сделала. Ничего, всё пройдет... Ты потерпи, потом легче станет. Это сначала тяжело, а время...

– Ты ничего не понимаешь! – вдруг взвилась Оля. – Я не хочу терпеть! Я люблю его! Я без него не могу!

– Не говори так, – испугалась мать. – Папа вот-вот вернется. Нельзя, чтобы он тебя услышал.

– Уйди, мама!

К счастью, отец вернулся от соседа поздно и навеселе. И сразу уснул. А Оля почти до утра еле слышно всхлипывала.

Вчера мать перенервничала, да и Пашка испугался. Но сегодня... сегодня от вида Оли стыла кровь.

Даже на Пашку, с которым всегда была нежна и ласкова, Оля не реагировала.

Спустя час вернулся отец. Крикнул из кухни требовательно:

– Завтрак сегодня будет или как?

Мать, тяжело вздохнув, пошла на кухню. Накрыла на стол, сама есть не стала. Отец с Пашкой тоже завтракали без аппетита, молча.

– Может, надо Олю кому-нибудь показать? – спросила она робко.

– Что значит – показать? – буркнул отец, посмотрев на нее из-под насупленных бровей.

– Она что, картина? Что её показывать?

– Ну, врачу какому-нибудь... Коля, с ней что-то неладное...

– Блажь это всё и дурость. Разбаловала ты её.

– Она молчит...

– Вот и ты молчи! – рявкнул он. – Не хватало ещё сор из избы выносить. И так она нас орамила... перед людьми стыдно. Ещё давай пусть все решат, что у нас дочь спятила.

– Но...

– Нет, я сказал!

Мать убрала после завтрака кухню, вымыла посуду, потом отправилась на задний двор, где затеяла стирку. Старая машинка, купленная ещё в первые годы замужества, сломалась, и стирала мать на руках, шоркая рубашки мужа о ребристую поверхность доски. Слезы, горько-соленые, крупными каплями падали в таз и растворялись в пенной воде. Но со стороны никто бы и не догадался, что она плачет. За все годы мать научилась плакать неслышно и незаметно, украдкой, между вереницей бесконечных дел, так, чтобы не пугать детей и не злить мужа...

Оля проспала почти сутки. Хотя мучительное забытие, в которое она провалилась, нельзя было назвать сном. Однако оцепенение её отпустило. Может, и зря, потому что стало так больно, что терпеть немогуту.

С чумной головой она поднялась с постели. Пить хотелось невыносимо, аж губы спеклись. В один глоток она выпила почти весь чай, что вчера оставила на прикроватной тумбочке мать. На секунду полегчало. И вдруг её накрыло приступом тошноты. Таким внезапным и сильным, что она, зажав рот, еле успела выбежать во двор. Там её вывернуло прямо в кусты смородины. На шум проснулась мать – она всегда спала чутко. Накинув халат, вышла на крыльцо.

– Доча, – позвала её шепотом.

Увидела Олю, привалившуюся к стене дома, даже не бледную, а какую-то землистую, и дыхание перехватило.

– Доча, скажи что-нибудь...

– Что? – шевельнула она бескровными губами.

– Доча, ты нас так вчера напугала.

Оля молчала, прижимаясь спиной и затылком к шершавым доскам.

– Как ты себя чувствуешь?

Оля хотела что-то сказать, но тут снова метнулась к кустам. Затем, окачиваясь от слабости и утирая губы тыльной стороной ладони, она снова привалилась к стене.

Мать долго молчала. Потом произнесла дрожащим шепотом:

– Доча... ты... господи, нет... – снова замолкла, словно набираясь сил. – Доча, ты беременна?

26

Мать придумала поездку в соседний город к своей дальней родственнице. Целую историю для отца сочинила, чтобы не только отпустил, но и разрешил взять с собой денег побольше. Пойти ведь придётся к платному врачу, ещё, возможно, УЗИ делать, а, возможно, и не только УЗИ... О том, чтобы обратиться в местную поликлинику, мать и мысли не допускала.

– Ты что! – шептала она, делая страшные глаза. – А если вдруг ты, не дай бог, беременна! Об этом же сразу все узнают. Слухи пойдут... Отец узнает и...

Мать прижала руки к груди и, выдохнув, произнесла:

– Ох, я даже думать об этом боюсь... Оля, нам ведь тогда с тобой обеим конец...

С утра пораньше они сели в рейсовый автобус, идущий до Копищево. Мать всю дорогу скорбно молчала, иногда тяжело вздыхала, жмурилась и беззвучно что-то нашептывала, как будто молилась.

Оля и сама нервничала не меньше, пока её не укачало. Два часа пути показались сущей пыткой. В автобусе было душно, воздуха не хватало катастрофически, пот лил ручьем, а перед глазами летали мушки. Но хуже всего – запахи. Пахло бензином, потом, пылью, чьими-то при-торными духами, чесночной колбасой, и вся эта смесь вызывала постоянные приступы тошноты. Как ещё её не вырвало...

Но из автобуса Оля вышла еле живая, опираясь на мать. Потом опустилась на скамейку и добрых полчаса просто сидела, приходя в себя.

Мать уже бывала прежде в Копищево. Поэтому быстро сориентировалась, больницу нашла без труда и сама пошла договариваться напрямую с врачом (мать его шапочно знала из-за Ани), чтобы тот принял их без всяких записей за скромную благодарность в конверте.

К нему была очередь, поэтому прошли они уже после обеда. Осматривал он аккуратно, не то что тётка на их участке, но хмурился и в итоге сказал:

– Матка немного увеличена. Когда, говоришь, были последние месячные?

– Чуть больше месяца назад.

Он снял перчатки, вымыл руки, дождался, когда Оля оденется. Затем самолично отвёл её в соседний кабинет на УЗИ, чтобы без очереди. Пришлось, конечно, заплатить в два раза больше, чем по преysкуранту, но мать, похоже, готова была снять последнюю рубашку, лишь бы всё обошлось.

Всё это время она, нервно теребя край кофты, тихонько вздыхала: господи, хоть бы пронесло... Две девушки в очереди на неё косились.

В другой раз Олю бы это смущало, но в последние дни её накрыла такая апатия, что она едва реагировала на мамины причитания и чужие косые взгляды. Какая разница, кто что думает, если ей жить не хочется...

После УЗИ обе снова зашли к гинекологу, но Оля и так уже знала, что он скажет. Да и мать, очевидно, догадывалась, судя по тому, как мелко тряслись её руки.

И всё же сказанное вслух: «беременность четыре недели» прозвучало для обеих как приговор.

Мать страшно побледнела и, сидя на стуле, повалилась набок. К ней кинулась медсестра, затем и сам врач.

Оля же сидела рядом на кушетке и наблюдала за этой суетой отстраненно, словно смотрела кино про чужих людей и всё происходящее её никак не касалось. В голове стучало: я беременна, это конец...

Мать быстро привели в чувство, сунули под нос ватку с нашатырем, налили воды. Та держала стакан в дрожащей руке и судорожно пила, стуча о край зубами.

– Оля, подожди в коридоре, – попросила она потом.

Оля, с виду абсолютно безучастная, без единого слова встала и вышла. Села в коридоре рядом с кабинетом гинеколога. Дверь была прикрыта неплотно, и она слышала приглушенный разговор.

– Доктор, – взволнованно сказала мать. – Нам не нужна эта беременность. Можно же что-то сделать?

– Медикаментозный аборт. Вы на него еще успеваете. Сдайте анализы и приходите. Но первая беременность и аборт... нежелательно.

– Вы не понимаете. Нам нельзя оставлять беременность. Это исключено. А сразу, сейчас, без анализов... нельзя? Я заплачу.

– Конечно, нет. И вообще, я советую, хорошенько всё обдумайте. Ну и в любом случае решать только вашей дочери, вы понимаете? Если она не согласится...

– Она согласится.

– Тогда вам сейчас всё напишем...

Оля прислушивалась к себе. Казалось, что внутри что-то дрогнуло и сквозь глухую скорлупу апатии и безразличия стало пробиваться наружу.

Она пока ещё не чувствовала в себе никаких особых изменений, не чувствовала, что в ней зрела маленькая жизнь. Но зато знала это. И что странно, позавчера, когда мать первый раз сказала об этом, Оля ужаснулась. Первая мысль была: нет! Только не это! Лучше сразу с моста...

А сейчас она сидела и думала: у неё внутри растёт крохотный человечек. Их с Ромкой ребенок. От этого щемило в груди, и сердце наполнялось теплом и какой-то болезненной нежностью.

Мать вышла из кабинета, запихивая в сумку бумажки, что вручила ей медсестра.

– Анализы можно будет сдать только утром... ну, ничего я что-нибудь придумаю... – бормотала она, пока шли на остановку. – Скажем Коле, что тетя Галя сильно заболела. Завтра снова сюда приедем, я потом вернусь домой, а ты останешься, мол, будешь за ней приглядывать, да? А сами снимем тебе комнату дня на три...

– Я не буду делать аборт, – тихо сказала Оля.

– Или четыре. Вон там газетный киоск, купим «Из рук в руки»...

– Я не буду делать аборт, – громче повторила Оля.

– Что? – непонимающе захлопала глазами мать. – Как не буду? Ты что такое говоришь?

– Я хочу этого ребенка. Ты не понимаешь? Он – единственное, что у меня осталось от Ромки. Я не дам... Он – мой.

– Дурочка, это ты ничего не понимаешь. Коля же нас убьет...

– Пускай.

– Да что с тобой, доча? Ты же знаешь отца, он же... – мать задышала часто, шумно. Присела на ближайшую лавку, нашарила в сумке бутылек с сердечными таблетками. Проглотила сразу две. – Господи, да ты хоть представляешь, что с нами тогда будет? С тобой, со мной, с Пашкой? Это же... конец. Оленька, доча, ты же молоденькая совсем. Ну выйдешь ещё замуж, у тебя ещё будут дети, но сейчас...

Мать трясло. Оля с минуту смотрела на мать в задумчивости. Жалела ли она её? Жалела, конечно, как и всегда. И её, и себя, и брата. И боялась до тошноты. Но внутри крепло новое, совсем другое чувство, и оно было сильнее этой жалости и сильнее страха.

– Я не буду делать аборт, – твердо произнесла она.

27

Мать уговаривала Олю одуматься, пугала и сама пугалась ещё больше от своих слов. Умоляла, хватая её за руки, сокрушалась, плакала.

– Как ты не понимаешь, ты и себя, и нас с Пашкой под монастырь подведешь... – всхлипывала она, подбирая слезы рукавом. – Коля такого позора не потерпит. Всю душу из нас вытрясет. А потом прогонит прочь. Как жить будем? И где? Чем питаться? О себе не думаешь, ну хоть о Павлике подумай. Ну куда мы с ним пойдём? А, может, Коля и не отдаст мне его... Оставит себе и будем на нем срываться... Ой, беда...

Мать горько разрыдалась.

– Мам, ну не плачь. Ты знаешь что, ты просто ничего отцу не говори.

– Он и сам увидит, говори – не говори. Два-три месяца и живот уже не скроешь.

– А я уеду.

– Куда? Что ты придумала? Пропадешь так же, как Аня.

Препирались они долго, спохватились, когда до рейса осталось меньше часа. Потом галопом мчались к местному умельцу, у которого отец наказал купить для себя какие-то запчасти. Чуть на автобус не опоздали. Заскочили буквально перед самым отправлением.

Все места, кроме одного, в самом хвосте, оказались заняты. Села туда мать, поставив тяжеленную сумку с запчастями на колени. Оля отказалась идти в конец автобуса – там слишком воняло выхлопными газами. Встала рядом с дверями, бессильно повиснув на поручне. Но тут незнакомый парень, рыжеволосый и веснушчатый, подскочил и уступил ей место. В другой раз она бы не стала садиться, но сейчас её так мутило, что ноги еле держали.

Поблагодарив, она села и закрыла глаза – так тошнило меньше. Но всё равно заметила, что парень всю обратную дорогу на неё поглядывал. Но не нагло, а украдкой, когда думал, что она не видит. И поспешно отворачивался, стоило ей открыть глаза. А когда Оля всё-таки поймала его взгляд, паренек смутился, словно его застали за чем-то неприличным, и покраснел так густо, что стало не видно веснушек.

Когда приехали в Кремнегорск, он выскочил первым, помог какой-то бабуле с сумками выйти. Но никуда не пошёл, топтался на месте, будто и не знал, куда идти.

Автобус уже опустел, а он всё торчал на остановке.

Оля с матерью вышли последними. И вдруг этот скромняга обратился к ним. Всё так же краснея и смущаясь, спросил, как добраться до гостиницы. Спрашивал у матери, но тайком косился на Олю, которую качало от усталости и недомогания.

– А вам какая гостиница нужна? – мать поставила сумку с запчастями у ног. – У нас их две. «Металлург» и «Узоры».

– Уз... М-металлург, – неуверенно ответил парень.

– Тогда вам надо совсем в другой конец города. В сторону комбината, – мать махнула рукой в том направлении. – Часа за два дойдете. А если «Узоры», то это в центре. Полчаса пути вон туда.

– А где лучше?

– Ой, я и не знаю, – застенчиво улыбнулась мать. – Я ж там не была. Вроде, говорят, в «Узорах» уютнее. Но и дороже. И при гостинице есть ресторан. А в «Металлурге» только столовая, но она уже закрыта.

– Спасибо, – широко улыбнулся парень. – Я тут у вас впервые.

– А вы к кому-то приехали или по делу?

– Да, по работе. Вот как раз на ваш комбинат буду устраиваться.

– Тогда в «Металлурге» вам будет ближе. А кем?

– Кем устраиваться буду? Механиком хочу.

– А сами вы откуда?

Оля изнемогала. И перед парнем было неудобно за излишнее любопытство матери. Что она привязалась к нему с расспросами? Хотя он тоже хорош. Ладно, спросил дорогу – ну и иди себе. Нет, стоит, докладывает во всех подробностях.

– Я из Вихоревки, это деревня под Копищево. Знаете? Хорошо у нас там, но работы нет никакой. Раньше был совхоз, теперь всё... Я вот демобилизовался этим летом, помыкался немного. Ну и потом мне сказали, что здесь можно работу найти. На комбинате.

– Я домой, – не выдержала Оля.

– А давайте я вас провожу, сумку помогу донести, – подсуетился паренек.

Мать засмушалась, забормотала, что неудобно, сами дойдут, им близко, а ему далеко и в другую сторону. Но он вдруг проявил решительность, сам подхватил сумку и пошагал вслед за Олей.

– Черемуховый переулок, – прочитал он вслух табличку, когда они вышли на их улицу.

– Красивое название. Меня, кстати, Миша зовут. Михаил Авдеев.

Мать продолжала с ним всю дорогу премило беседовать, хотя сроду никогда ни с кем малознакомым и словом не перемолвилась. Потом горячо его благодарила. Он отмахивался, снова краснея:

– Да что вы, ерунда какая... Это вам спасибо, а то я тут никого не знаю. Куда идти – не знаю...

Мать тоже разругалась и даже Оле шепнула уже во дворе:

– Какой славный юноша, да?

– Наверное, – вымученно согласилась Оля, заходя в дом. Впрочем, и мать, стоило ей переступить порог дома, тотчас погасла, побледнела, скукожилась.

Всю ночь Оля не спала. Теперь она знала, что должна сделать. Завтра, когда отец уйдет на работу, а они с матерью отправятся на рынок, она сбежит к Роме. Он простит её, она ведь его любит. Одного-единственного. Всем сердцем. Навсегда.

Да, тогда отец запугал её, задавил просто. Она и сейчас его боялась так, что внутри всё скручивалось. Но теперь страх вызывал в ней отчаянное желание что-то делать как-то защищаться, а не вгонял в парализующий ужас как раньше.

Она прикладывала к впалому животу ладонь и нашептывала тихонько: «Всё будет хорошо, мой маленький», словно успокаивая ребёнка, хотя понимала, что там пока всего лишь крохотное зёрнышко.

Она всё-всё расскажет Роме: и про отца, и про их ребёнка. Рома поймет. Поймёт и простит. И что-нибудь обязательно придумает. Он же сам сказал: давай уедем вместе.

«Уедем, Ромочка, обязательно уедем!»

На соседней кровати тяжело вздохнул Пашка и пробормотал что-то во сне. Мать права – отец будет срываться за Олины грехи и на ней, и на нём. Оля знала, что даже если они уедут далеко-далеко, от чувства вины сбежать не удастся. Ей придется жить с этим. Но оставаться в доме отца она больше не могла.

– Прости, Паш, – сглотнув ком, тихонько прошептала Оля.

28

Отец вставал на работу рано, около шести. Оля делала вид, что спит, прислушиваясь, как он бродил по дому, кашлял, завтракал, тихо переговаривался с матерью.

Выждав немного после его ухода, она вынырнула из-под одеяла. И сразу начала складывать вещи в рюкзак – в нём она носила на рынок огурцы и кабачки, то, что не вмещалось в баул матери, который та возила на тележке.

Пока мать возилась во дворе, Оля торопливо заталкивала самое необходимое: белье, теплые вещи, документы, дневник, который она, правда, уже год как не вела. Безумно жаль было оставлять медведя – первый Ромкин подарок на её день рождения.

Закинув рюкзак на плечо, она огляделась, прощаясь со своей комнатой. Потом на цыпочках подошла к Пашкиной кровати и поцеловала спящего брата в теплую щеку.

Мать вернулась в дом и очень удивилась, увидев Олю.

– Ой, доча. А я думала, ты спишь. Даже будить тебя сегодня не хотела.

Ночью, пока обдумывала план, Оля собиралась ускользнуть от матери с рынка. Дождаться, когда та отойдёт в туалет, подложить прощальное письмо, схватить рюкзак и уйти, чтобы больше не возвращаться. Письмо она уже подготовила. Писала на рассвете, глотая слёзы. Хотела уложиться в пару строк: извиниться и попрощаться. Но исписала целый тетрадный листок. Почтового конверта у нее не было, пришлось вырвать страницу из Пашкиного альбома для рисования и склеить некое подобие самой. Подумав, сверху подписала: «Маме от Оли» и сунула конверт в карман кофты.

Таков был план.

Но сейчас, глядя на хлопчущую мать, она поняла: нет, это будет не по-людски как-то. Жестоко и трусливо. Лучше сказать всё сейчас. Мать, конечно, станет рыдать, умолять, рвать душу. Пашка, наверное, проснётся. И вот так уйти будет вдвойне тяжело и стыдно, но пусть.

– Мам, я ухожу, – глухо произнесла Оля.

Мать непонимающе захлопала глазами.

– Как это? Куда уходишь?

– Ухожу из дома. Мы с Ромкой уедем отсюда.

Мать тяжело опустилась на табурет, словно у нее подогнулись ноги. С полминуты она на нее безмолвно тарасилась со смесью неверия и ужаса.

– Уедем с ним из Кремнегорска. Он меня звал с собой. Вещи я уже собрала.

– Что ты такое говоришь? – у матери наконец прорезался голос, но был он какой-то чужой, сдавленный, скрипучий. – Скажи скорее, что это неправда...

Оля молчала, виновато глядя на мать.

– Ты не можешь... ты не поступишь так с нами... – подбородок её мелко затрясся. У матери начиналась истерика.

В конце концов всё вышло ещё хуже и тягостнее, чем думала Оля. Гораздо. Мама рыдала в голос, цеплялась за неё, умоляла. А когда Оля всё-таки направилась к двери, вдруг рухнула на колени и обхватила её ноги. Ужаснувшись, Оля опустилась на корточки, обняла мать.

– Мама! Ты что?! Перестань! Вставай сейчас же... Что ты делаешь?

Мать, уткнувшись лицом в её плечо, глухо подвывала.

– Мам, ну успокойся, пожалуйста. Не плачь. Прошу тебя...

Рыдания не стихали. Тут уже и Олю прорвало:

– Мама, ну пойми же! Не могу я остаться! Я люблю вас, люблю тебя и Пашку, но я же тут просто сдохну... Мамочка, умоляю, отпусти меня к Роме. Неужели ты не хочешь, чтобы я

была счастлива? Я хочу быть с ним... я так люблю его. Я не могу без него! Слышишь? Я не смогу без него жить.

Её саму колотило похлеще матери. Голос сорвался в крик:

– Я умру без него! Ты этого хочешь?!

Тут из комнаты выбрел сонный Пашка в одних трусах и маечке. Худой, загорелый до черна, с расчёсанными до крови комариными укусами на голых ногах, взъерошенный как воробей. В потрясении он уставился на них круглыми глазами.

Оля сразу смолкла, встала, помогла подняться всё ещё всхлипывающей матери и усадила её за кухонный стол. Мама несколько раз судорожно вздохнула и снова начала всхлипывать.

– Оль, ты что, уезжаешь? – тихо и серьезно спросил брат.

– Пашка, миленький, я буду писать тебе каждую неделю!

Он больше ни слова не сказал, но смотрел на неё так, что сердце кровью обливалось. Смотрел как на предательницу.

Оля их так и оставила: Пашку, застывшего в дверях кухни и глядящего на нее в страшном молчании, и плачущую мать.

До Ромкиного дома она чуть бегом не бежала, как будто каждая минута промедления могла стать решающей. Но потом, уже в подъезде, поднималась к нему на этаж медленно, с замиранием сердца. Было отчего-то страшно, нервно и стыдно. Вспомнилось вдруг, как когда-то она впервые пришла к нему в гости. Ромка захотел познакомить ее с мамой. Тогда она вот так же стояла перед их дверью и долго не решалась позвонить. Но сейчас было ещё страшнее.

Затаив дыхание, Оля нажала кнопку звонка. Сначала коротко, несмело, потом, выждав полминуты, втопила как следует. Но за дверью стояла тишина, и было件нятно, что там никого нет. Позвонив ещё несколько раз для острстки, Оля спустилась на один пролёт. Там было высокое окно, откуда открывался вид на Ромкин двор и все подходные пути к подъезду. Оля уселась на широкий подоконник, пристроив рядом рюкзак, и стала ждать. В какой-то момент она даже прикорнула, всё-таки не спала ночь, а напряжение, которое держало её в тонусе, начало спадать.

Соседи у Стрелецких были тихие, благополучные, пристойные. Никто не шумел, не скандалил, не слушал громко музыку и её не трогал. Проснулась Оля лишь оттого, что рюкзак скатился с подоконника на пол. Нестерпимо хотелось пить, во рту всё пересохло. Жаль, она не подумала и не взяла с собой водички.

По ощущениям она ждала уже несколько часов, но уходить не собиралась. Решила, что будет сидеть до победного конца. Вот только где, интересно, Ромка? И когда уже вернется?

Ромку Оля так и не дождалась. Но около шести вечера к подъезду подкатил черный мерседес его матери.

Олю вновь обуяла нервозность, если не паника. Был даже порыв бегом подняться этажом выше, чтобы только с ней не столкнуться. А потом спуститься и снова ждать Ромку.

Но Оля заставила себя остаться на месте, хотя Маргарита Сергеевна одним своим видом внушала ей священный ужас.

Внизу хлопнула дверь и послышались неспешные уверенные шаги. Как бы себя Оля не пыталась держать в руках, сердце её металось в груди, норовя выскочить через горло. Боже, что ей сказать? Она же обязательно остановится и спросит? А, скорее всего, попросту прогонит. И будет в своем праве, конечно, после того, как она поступила с Ромкой. Оля за полминуты накрутила себя так, что чуть не впала в истерику.

И когда на площадку, где она стояла возле окна, поднялась Стрелецкая, её уже буквально колотило.

Увидев Олю, Маргарита Сергеевна и правда остановилась. Выгнув бровь, взглянула на неё с удивлением, но тут же её лицо сделалось холодным и жёстким.

– Что тебе здесь нужно? – процедила она, испепеляя Олю взглядом.

– Я хотела с Ромой поговорить.

Как ещё сил у неё хватило ответить.

– Что, ещё не всё сказала? – прищурилась Ромкина мать.

– Мне нужно... – слабея от страха, вымолвила Оля, но та её оборвала:

– Ей нужно... – хмыкнула Маргарита Сергеевна. – Отныне твои нужды – это только твоя забота. Запомни раз и навсегда: тебя больше для него не существует. Забудь про него. Ясно? Роман уехал, ещё вчера утром. И уехал навсегда. Сюда он не вернется. А тебя он больше знать не желает, это его слова.

Смерив её взглядом, полным презрения, Стрелецкая добавила:

– И поверь, у него это не временная обида или злость, уж я своего сына знаю. Он тебя просто вычеркнул. Потому что он, если любит, то всем сердцем и готов на всё, но уж если отрекся – то навсегда.

Оля смахнула набежавшие слезы. Каждое слово Ромкиной матери било хлыстом, разрывая кожу и оставляя глубокие раны.

– А куда он уехал? Скажите, пожалуйста! Прошу вас! – взмолилась она.

Стрелецкая взметнула брови, очевидно удивляясь Олиной настырности.

– Ты что, так ничего и не поняла? Он от тебя уехал. Плевать он хотел на все эти сплетни. Он уехал, чтобы больше никогда тебя не видеть. Не слышать, не знать. Чтобы забыть тебя и твое предательство. И если у тебя есть хоть капля совести, просто оставь его в покое. Дай ему спокойно жить. Как ты вообще посмела сюда явиться после того, как ты с ним обошлась?

– Извините... простите меня... – произнесла сдавленно Оля, подняла свой рюкзак и, сторбившись, словно под непосильной ношей пошла к лестнице. Шаги её, сначала тяжелые, стали быстро ускоряться. И вот уже внизу хлопнула дверь подъезда.

Маргарита Сергеевна выглянула в окно, увидела внизу удаляющуюся фигурку. На долю секунды в душе шевельнулось не то сомнение, не то жалость. Всё-таки Роман за что-то же любил её...

Но она быстро отогнала ненужные мысли. А потом вдруг обнаружила на подоконнике лист бумаги, сложенный конвертиком и заклеенный. Сверху круглым детским почерком было аккуратно выведено «Маме от Оли».

Немного поколебавшись, Маргарита Сергеевна подобрала конверт, который обронила Оля, и положила в сумку. Был секундный соблазн открыть и прочесть, но тогда она сама себе стала бы неприятна. Нет уж, решила она, потом как-нибудь выкроет время и вернет его Оле...

29

Идти было некуда.

Выскочив из подъезда Ромкиного дома, Оля бездумно мчалась, не разбирая дороги, словно за ней гнались черти. Пока не оказалась в парке. Сама не ведая, прибежала туда, где ещё недавно они с Ромкой гуляли. Целовались, прячась в кустах, болтали, строили планы. Последний раз его здесь избили. Это был кошмарный, чудовищный день. И всё же сегодня во сто крат хуже. Тогда у неё был Ромка, а сейчас – его нет. Он уехал. Вычеркнул её из своей жизни навсегда. Как страшно звучали эти слова...

И винить некого, кроме себя. Она одна во всем виновата. Она своими руками разрушила... не просто любовь и счастье, а всю свою жизнь. Струсила, предала. И даже не столько Ромку, сколько себя. Ну почему она в тот вечер струсила? Почему не сбежала с ним сразу? Почему даже не подумала об этом?

«Господи, что я натворила...», – произнесла она еле слышно.

Жалость к себе незаметно переросла в ненависть, ненависть – в отвращение.

Оля опустила на скамейку. В этой части парк был заброшен и безлюден. Потому им с Ромкой здесь и нравилось – возникала иллюзия, что они одни в целом свете. Но сейчас в парке кто-то был. Откуда-то доносились голоса, но далекие, еле слышные. Уединения они не нарушали.

Стоило подумать о том, куда пойти, что теперь делать. Тем более скоро уже стемнеет. Но в голове стучало лишь одно: Рома уехал. Она его больше никогда не увидит.

И эта мысль вытесняла всё остальное. Приводила её в цепенящий ужас. Как же она без него? Он ведь для неё всё. Она же без него просто не сможет жить. Дышать не сможет. Она уже сейчас задыхается, а жить и не видеть Ромку, не знать, где он... нет, господи, нет!

Оле казалось, что внутри неё образовалась глыба льда. Заполонила её всю, целиком и полностью. От неё стыла кровь и ломило нестерпимо, а она всё продолжала расти, распирая изнутри, кроша кости, разрывая органы.

Так плохо, так больно ей не было никогда.

«Пусть бы меня отец ещё хоть сто раз избил ремнем, палкой, чем угодно, только бы Рома вернулся!», – неистово шептала она, как в горячечном бреде, зажмурившись и глотая слезы.

Она без раздумий и сама побежала бы за ним, куда угодно, знать бы только – куда.

«Рома, пожалуйста, вернись... я не могу без тебя... я умру без тебя...», – шёпот становился всё громче, и вот уже из груди вырвался протяжный горестный вой.

Сумерки быстро наползали на город, а в парке было уже совсем темно. А в этой части, где нет фонарей, и вовсе – хоть глаз выколи. От реки несло холодом, но Оля ничего не замечала. Ни беспроглядной тьмы, ни холода. Тоска и отчаяние сводили с ума, рвали сердце, сжимали мертвым спазмом горло, и всё остальное просто меркло, делалось таким неважным...

Она то затихала, словно выбившись из сил, то снова её начинал сотрясать горький плач. Сколько она так просидела – час, два, три или дольше, Оля не знала, да и ей было плевать. Всё равно идти больше некуда.

Постепенно рыдания стихли. И такая безысходность навалилась.

Он не вернется, никогда не вернется... Это тупик.

«У меня больше нет Ромки. А значит, у меня ничего больше нет. И меня – тоже нет».

Словно отупев от горя, Оля неподвижно просидела ещё около часа, пока небо не подернулось предраассветной дымкой.

Чувствуя себя больной, старой, измученной, будто всю ночь её истязали, Оля тяжело поднялась со скамьи и на чугунных ногах поплелась в сторону реки.

Долго шла вдоль обрывистого берега, почти по самому краю. Камушки вылетали из-под кроссовок и падали вниз.

В этом месте речка была мелкая и каменистая, скорее, горный ручей. Это чуть дальше русло расширялось, река становилась глубже, а течение быстрее и опаснее. А тут воды – по колено. Но зато над водой повсюду торчали острые верхушки камней и валунов. Если сорвешься, запросто руки-ноги переломает. А если как-нибудь неудачно – то и шею можно свернуть, и голову размозжить. Хоть и берег не слишком высокий.

Оля выбрела на дорогу и уже увереннее пошла по направлению к комбинату, чьи высокие трубы виднелись на фоне светлеющего неба.

Но шла она не к комбинату, а к мосту, соединявшему два берега. Раньше это был хлипкий обветшалый мостик, но затем, благодаря Ромкиной матери, возвели надежную конструкцию из металла и бетона на массивных опорах. Туда Оля и устремилась, а это километра два-два с половиной пути. Несмотря на смертельную усталость, шла она быстро, подгоняемая отчаянием. И лишь когда ступила на мост и сделала несколько шагов – дрогнула.

**** Вырезано цензурой ****

Вдруг чья-то крепкая мужская рука, словно тисками, сжала ее предплечье. Сквозь шум реки она и не слышала чужих шагов и криков. А может, глубоко погрузившись в свое горе, уже ничего не замечала.

Испуганно вздрогнув, Оля обернулась. Лицо мужчины, тоже испуганное, показалось ей смутно знакомым...

30

Сначала Оля пыталась вырваться. Дергалась, чудом балансируя на узком выступе. Кричала надрывно:

– Пустите меня! Я всё равно это сделаю... Я не могу больше! Пустите!

Но мужчина держал крепко и тоже что-то кричал ей в ответ, она не слышала. Он старался ухватить Олю и за вторую руку, но тут её нога соскользнула с выступа.

Она и охнуть не успела, как повисла в воздухе, бесполезно болтая ногами. И уже камнем улетела бы вниз, если б не этот случайный парень, который сумел удержать её, хотя едва не выпустил. В последний миг успел поймать выскользнувшую руку и теперь сжимал её запястье до боли.

Рука неестественно вывернулась. Острая боль прошла её от локтя до плеча. И, казалось, в суставе что-то хрустнуло. Но боль затмил внезапный ужас. Забыв, что секунду назад она сама хотела спрыгнуть вниз, Оля отчаянно извивалась, пытаясь уцепиться хоть за что-нибудь.

– Давай, подтянись немножко... ещё чуть, – подбадривал её парень. Он и сам от напряжения побагровел.

Оля царапала ногтями бетонный выступ, обдирая кожу с ладони, но подтянуться не получалось. Только выдохлась вся. И парень до второй руки никак не мог дотянуться, хоть и сам так страшно перегнулся через перила, что казалось, ещё чуть-чуть и он полетит с моста вниз головой.

Натужившись так, что у него на лбу и шее вздулись вены, он всё-таки сумел вытянуть её на выступ. А дальше уже помог вскарабкаться на него с ногами, а затем перебраться через перила обратно на мост.

Оля обессиленно опустилась прямо на тротуар, привалившись спиной к ограждению. Тяжело дыша, паренек присел на корточки рядом с ней. Утер рукавом взмокший лоб. Потом обшарил карманы спецовки, достал пачку сигарет и закурил.

Без слов подал смятую пачку и ей. Оля качнула головой, и он убрал её обратно в карман.

Пока курил, они оба молчали. Она подтянула к груди ноги и опустила голову на колени. Сейчас, когда паника отпустила, её начало трясти от озноба. Ссадины на ладонях и коленях горели. Рука и вовсе висела плетью, и от любого движения сразу простреливало. Но самое страшное другое: когда парень вытягивал вверх, её протащило по острому краю выступа и грудью, и ребрами, и, что хуже всего, животом. Она встрепенулась. Вдруг напал страх: а если что-то случилось с малышом? А если она там себе что-нибудь навредила?

Парень, почувствовав её нервозность, наконец повернулся к ней.

– Что у тебя случилось?

Оля мотнула головой.

– Ничего.

– Из-за ничего с моста не бросаются. Послушай, если тебе нужно выговориться – выговорись. Я никому не скажу. Да я тут у вас никого и не знаю пока. Или давай я тебя домой отведу? Я как раз со смены...

Оля внимательнее посмотрела на своего спасителя. Точно, вот где она его видела – они же вместе ехали в автобусе из Копищево, а он потом провожал их до дома, сумку нёс.

– Домой не пойду.

– Почему? – нахмурил он рыжие брови.

– Я ушла из дома. Мне в больницу надо.

– Тебе плохо? Что-то болит? Или что?

– Да... – поморщилась Оля.

– Блин, ещё рано так... придется пешком идти... Но, может, по дороге поймем попутку? Ну, чтоб довезли...

Он помог ей подняться и рюкзак подобрал.

– Я – Миша... ну, если ты забыла.

– Угу, – снова сморщилась Оля. Внизу живота тянуло, а рукой просто невозможно было пошевелить.

– Наверное, сустав вылетел. Давай вправлю?

Она снова качнула головой. Плевать на руку. Страшно было из-за тянущих болей в животе, пока ещё не сильных, но...

Она ковыляла, прихрамывая и опираясь на руку Миши. Он всё её выпрашивал, что случилось, но Оля молчала. Она даже не слышала его, молясь про себя, чтобы всё обошлось.

Когда они свернули с моста на дорогу, вдаль показался автофургон. Миша остановил машину, сам договорился с водителем, помог ей сесть в кабину и сам втиснулся рядом. Водитель тоже был Оле знаком, и она ему, очевидно, тоже. Во всяком случае пялился он на неё всю дорогу с озадаченным видом.

Отца, наверное, знает, подумала Оля. И, скорее всего, расскажет, но сейчас ей это было без разницы. Домой она всё равно не вернётся.

Миша оставил Олю в приёмном покое. Ещё и уходить не хотел, собирался дожидаться, что скажут врачи. Оля еле его спровадила.

– Спасибо тебе за всё, но ты иди. Пожалуйста. Мне неудобно.

– Да что тут неудобного? – простодушно усмехнулся он, но поймал Олин взгляд и осекся.

– Ну мне это... как-то страшно тебя оставлять... А ты больше ничего такого не сделаешь?

– Нет, теперь точно нет. Обещаю. И не говори никому, ладно?

– Буду молчать, как рыба.

Миша потоптался, словно думал, что бы ещё такого сказать, но так ничего и не надумал.

– Ну ты... береги себя. Увидимся ещё, да?

– Конечно, – вымучила слабую улыбку Оля.

Наконец он ушёл, и она обратилась к окошку регистратуры.

31

Сутки Оля отсыпалась. Положили её в гинекологию с угрозой. Она соврала, что нечаянно упала с лестницы. Однако врачи отделения, перешептываясь между собой в ординаторской, строили сами страшные предположения.

– Ну ладно, ссадины эти жуткие и ушибы, можно списать на упала. Но она же истощена. Просто кожа да кости. Как будто ее год не кормили.

– Это ж Зарубиных девчонка? Может, отец поколачивает? Мать у нее какая-то вся забитая.

– А может, Стрелецкий все-таки того...? Она же с ним типа встречалась.

– Малолетка же созналась, что оклеветала его.

– Ну так! Мать его могла её так скрутить, что в чем угодно признаешься. А я вот думаю, дыма без огня не бывает.

Сама Оля, чуть оклемавшись, замкнулась в себе наглухо. Она послушно исполняла всё, что велют: уколы, таблетки, капельницы, побольше лежать. Даже съедала через силу все больничные завтраки, обеды и ужины. Давилась, терпела тошноту, но ела. Потому что сказали: иначе не выносит.

Мать её навестила на второй день. Пришла перепуганная и почему-то в платке. Потом Оля сообразила, почему. Из-под платка тенью выглядывал огромный синяк. «Из-за меня», – вяло подумала она, ощутив тем не менее укол вины.

– Как Паша?

– Паша-то ничего, нормально.

– Обижается на меня?

– Да нет, что ты. Просился со мной к тебе. Но зачем ему сюда? Не надо, потом уж как-нибудь...

Мать принесла тапочки, кружку, ещё какие-то вещи.

– Ты мне яблоки принеси в другой раз, – попросила Оля. – Малышу нужно...

– Доча, может, так и лучше было бы, а?

– Что лучше? – сразу ошетибилась Оля. – Лучше, чтоб он умер? Во мне?

Но мать, опаслив оглянувшись на соседок по палате, примирительно сказала:

– Ладно, ладно. Оленька, доча, расскажи, что случилось? Мне сказали, что ты с лестницы упала. С какой лестницы? Где? А Рома где?

Но Оля уже завелась. Нервы, и так расшатанные, совсем сдали.

– Нет больше Ромы, – запальчиво ответила она. – Он уехал. Навсегда. Навсегда уехал. Понимаешь? Нет его больше! Я его никогда не увижу. Из-за вас! Никогда... его... Не приходи больше!

Вместе со словами из ее груди вырвался горестный плач. Оля отвернулась от матери, уткнулась лицом в подушку, комкала её, сжимала руками, закусывала и выла глухо и страшно.

Мать утешала её, уговаривала, но, видя, что Оля лишь сильнее рыдает, извиваясь в кровати и пугая своим воем соседок, пошла на пост к медсестре.

– У Оли там срыв... истерика...

Вскоре после успокоительного Оля уснула.

На другой день мать снова пришла. Опасалась, конечно, но Оля больше не истерила. Она вообще почти не реагировала на неё. Едва отвечала на прямые вопросы: да, нет, не знаю. Потом вообще закрыла глаза и замолчала, словно притворилась спящей.

На самом деле, Оле надоело слушать её причитания. Да и что ответишь на её бесконечное:

– Оленька, ну что же делать будем? Отец ведь скоро всё узнает... Это сейчас ты в больнице, а через неделю-другую тебя выпишут и что тогда?

Для себя Оля решила, что домой она не вернется. Скоро начнутся занятия в институте, можно будет попросить общежитие. Оно, говорят, ужасное. Развалюха просто. Мыши, клопы, тараканы, пьянки-гулянки. Но даже всё это лучше, чем жить с отцом. Другой вопрос: на что жить? В кармашке рюкзака лежало немного денег – всё, что она заработала за месяц лагере, будь он неладен. Там, конечно, очень мало. Так только – не протянуть ноги в первое время. Но потом она постарается найти работу. Любую. Хоть полы мыть, хоть дворы мести...

В очередной раз мать повздыхала, поохала и ушла. Оля задремала, а проснувшись от ощущения, будто кто-то коснулся её. Открыв глаза, она увидела знакомое веснушчатое лицо, рыжие вихры, беспокойные глаза. Миша.

Он неловко топтался рядом с кроватью и обрадовался, когда Оля проснулась. В этой его неловкости было даже что-то трогательное. И белый халат, явно малой, на нем смотрелся смешно и нелепо. Оля даже выдавила улыбку, и Миша сразу просиял.

– Привет. Вот зашёл узнать, как ты.

А потом он водрузил на тумбочку пакет с фруктами: бананами, апельсинами, яблоками. Оля увидела эти злосчастные яблоки, которыми почему-то бредила последние дни – ела бы их и ела без остановки, и вдруг прослезилась.

– Что? Что-то не так? – испугался Миша.

Она качнула головой.

– Можешь, пожалуйста, помыть одно яблоко? Там в конце коридора умывальники.

– Конечно. Могу и все, чтоб тебе лишний раз не ходить.

Пока Миша мыл фрукты, она поднялась с кровати, худо-бедно прибрала руками волосы, запахнула халат. А когда вернулся, увела его из палаты. Разговаривать с ним при любопытных соседках не хотелось. Те и так наслушались лишнего, когда мать приходила.

В отделении был небольшой холл с креслами, диваном и даже телевизором, правда, вечно выключенным. Там они сели. Сначала Миша здорово стеснялся. И почти ничего не говорил, да и смотрел на Олю лишь урывками. Но на следующий день зачем-то пришёл снова...

Пока Оля лежала в больнице, Миша навещал её все дни, когда не работал. Постепенно даже разговорился, про себя начал что-то рассказывать. Однажды он столкнулся с Олиной матерью. Та его сразу же узнала, удивилась, конечно, но больше обрадовалась. И соседки по палате, решив, видимо, что он её жених, всю его расхваливали:

– Хороший у тебя парень, сразу видно. Скромный, работающий. С таким, как за каменной стеной будешь.

В первых числах сентября Олю выписали. За день до этого она сказала Мише:

– Завтра не приходи.

– Почему? – напрягся он.

– Меня выписывают завтра.

– А-а, – понимающе протянул он. Потом, помявшись, спросил: – А можно я приду... ну, помогу с вещами там? До дома тебя провожу?

– Я не домой, – выдавила Оля, а ведь не хотела ему ничего говорить. А сказала, потому что страшно. Идти в неизвестность страшно. Остаться совсем одной страшно. А он и правда – каменная стена.

– А куда? – округлил глаза Миша.

Она пожала плечами.

– Попробую в общежитие заселиться. От нашего института.

– А дома что?

Оля посмотрела в его глаза, пристально, испытываяюще. «Сейчас скажу правду и никогда его больше не увижу», – подумала она и... рассказала всё, как есть.

– Домой мне нельзя.

– Почему?

– Потому что... – щеки её залились краской. – У меня будет ребенок. Для моего отца это... в общем, это самый страшный позор.

День выдался теплый и солнечный. Они сидели в больничном скверике на скамейке. Воробьи копошились в траве, уже покрытой первыми облетевшими листьями. И всё было так спокойно, так безмятежно вокруг.

Миша тяжело молчал, переваривая услышанное. Молчал долго. Потом всё-таки спросил:

– А... ну, отец ребенка... он что?

– Он уехал отсюда навсегда.

– Почему? Бросил тебя, что ли?

В груди опять нестерпимо защемило, а глаза зажгло.

– Пожалуйста, прошу, давай не будем о нём. Я не могу просто... – всхлипнула Оля, утирая набежавшую слезу.

– Хорошо, конечно... – Миша закусил губу.

Прощались они неловко, и Оля думала, что больше он не появится после ее откровений. Но нет. На следующий день Миша пришёл прямо к выписке.

– Ты пойдешь со мной? В общежитие?

– Нет, у меня другое предложение. Пойдем жить ко мне? Я снял квартиру, тут недалеко. Хорошая квартира, маленькая, но всё есть. Живу я один. Потеснюсь, ничего...

Оля молчала. Он стоял напротив, заглядывал ей в лицо. Потом вдруг сказал:

– Оля, я хотел сказать... – Он снова закусил нижнюю губу, отвёл глаза в сторону и замолк, словно не мог на что-то решиться. Потом взглянул на неё и тихо произнёс: – Я люблю тебя. Выходи за меня замуж... я буду тебя беречь...

32

Кремнегорск, 2010

В шесть утра Роман сошёл на перрон и помог спуститься Лиле по скользким заиндевевшим ступеням поезда – подхватил её сумку и ей самой подал руку.

– Ой, как темно! И сколько снега! – удивилась Бучинская.

Ну, естественно, темно. Это ведь не Москва. Тусклый свет редких фонарей и сугробы по колено. Хорошо хоть перрон расчищен.

Впереди двухэтажное здание вокзала светилось как маяк. К нему они и направились. Красные цифры на электронном табло на крыше вокзала показывали время – 06:09, затем температуру – семнадцать градусов мороза. Из динамиков механический голос диспетчера сообщил: «Скорый поезд Москва – Благовещенск отправляется с первого пути...».

Роман невольно огляделся. Как бы он ни ненавидел Кремнегорск, но вот увидел этот вокзал, вдохнул этот воздух, услышал звуки – и сердце екнуло, а в груди защемило. Черт-те что, конечно...

Народу на перроне было немного – оно и понятно: кому надо тащиться из Москвы под Новый год в эту дыру. Дыра-то дыра, а сердце у него так и трепыхалось взволнованно. Роман сам от себя не ожидал такой реакции.

На небольшой площади перед вокзалом стояло около дюжины машин. Одна из них мигнула фарами, затем передняя дверца распахнулась и оттуда выкатился человечек, невысокий, полненький, круглый, как колобок. Сделал несколько неуверенных шагов к ним навстречу, потом громко воскликнул:

– Рома! Стрелецкий!

И торопливо засеменил к ним.

Это был Потапов Павел Викторович. Роман его отлично помнил. Добродушный смешливый дядька, вечный заместитель матери, которого она называла Павлушей. Рома в детстве и сам его так называл, повторяя за мамой. Потапов лишь смеялся, задорно ему подмигивал и всегда-всегда угощал маленького Ромку ирисками «Золотой ключик», которые сам обожал и вечно носил в карманах пиджака. Порой мог целую горсть отсыпать. Помнил Роман и то, как однажды, уже перед самым побегом из Кремнегорска, Павел Викторович подобрал его на улице полуживого и доставил домой. Ну а теперь Потапов занял должность матери и сам стал директором комбината.

– Рома... Роман Владимирович! – подбежав, радостно поприветствовал его Потапов. Распростер коротенькие ручки и на миг обнял Стрелецкого. Тот, правда, на объятья не ответил. Но поздоровался тепло.

– Здравствуйте, Павел Викторович.

– Да можно просто Павел. К чему эти церемонии. А я тут вас встречаю. На своей вон ласточке. Не стал брать служебную, решил: чего водителя дергать... Сам встречу, отвезу...

– Спасибо. Познакомьтесь, это Лилия Аркадьевна. Давайте сначала отвезём её в гостиницу.

– Очень рад, очень, – Павел Викторович поднёс руку Лили к губам, чем смутил её чрезвычайно. Затем указал жестом в сторону своего авто. – Прошу.

Ромка помнил, что прежде Потапов ездил на старой Ладе. Теперь пересел на Тойоту. Но водил всё так же ужасно – лихо, рывками. Но сам этого, видимо, не замечал.

– А мне вчера из главка сообщили, что едут с проверкой. Ну, думаю, приплыли. Конец года – и на тебе лишний гемор. Потом узнал, что едешь ты, выдохнул. Слава богу, свой человек... понапрасну портить кровь не станет.

Роман молчал, с глухой тоской глядя в окно на темные очертания забытых улиц.

– Нет, Ром, ты не подумай, бояться нам нечего. Может, у девчонок и есть мелкие недочёты, а у кого их нет? Но вообще всё у нас в порядке. Всё, как было при Маргарите Сергеевне. Да ты и сам убедишься. Ничего, что я тебя по старой памяти на «ты»? Язык не поворачивается выкать. Я ж помню тебя ещё пацанёнком... Маргарита Сергеевна, царствие ей небесное, приводила к нам, когда не с кем было оставить. У нее в кабинете совещание, так она тебя ко мне... Помнишь? Я тебя усадил за свой стол, дал ручку, бумагу, говорю: рисуй. Сам вышел. Вернулся – а ты мне всё поисчеркал. Накладные, договоры, счета-фактуры... Вот Маргарита Сергеевна устроила мне тогда головомойку... – Потапов коротко рассмеялся.

Лиля с большим интересом слушала Павла Викторовича, то и дело поглядывая с улыбкой на Стрелецкого. Сам же Роман сидел с непроницаемым выражением.

Наконец Потапов остановился возле гостиницы «Узоры». Серый бетонный короб, построенный в духе советского минимализма. На торцевой стене мозаика: шахтер, строитель, металлург, комбайнер плечом к плечу. Ничего примечательного, но у Романа вырвался вздох: ничего не изменилось. Мимо этой гостиницы он бегал на центральную площадь, что буквально в ста метрах отсюда. Точнее, на рынок, к Оле. Словно не было этих восьми лет.

– Номер уже забронирован, – сообщил Павел Викторович, с кряхтением, но довольно живенько выскакивая из машины. Он открыл Лиле дверцу, взял из багажника её сумку и направился первым к дверям, обитым рейками.

Роман и Лиля последовали за ним. Ярko-освещённый вестибюль был абсолютно пуст, если не считать сонной женщины за стойкой.

– Тамара! Встречай гостей, – громко провозгласил Потапов.

Женщина, лет сорока пяти, с короткими химическими кудряшками, в бордовом форменном жилете, воззрилась сначала на Лилю, а потом уже уставилась на Романа. И судя по изменившемуся выражению лица, она его признала.

– Надолго к нам?

Роман не стал ничего отвечать, хотя вопрос наверняка относился к нему. Ответил Потапов:

– Как принимать будем. Так что, Тамара, давай ключи от лучшего номера.

– Оформить надо сначала, – буркнула она.

Лиля достала из сумочки документы. Тётка внимательно взгляделась в паспорт.

– Вам номер один на двоих?

Роман видел, что за её вопросом скрывалось нездоровое любопытство.

– Ой нет, – хихикнула Лиля. – Я одна заселяюсь.

– Тамара, ну! – укоризненно протянул Павел Викторович.

Гостиница Кремнегорска, казалось, застряла годах в восьмидесятых-девяностых прошлого столетия. Один лишь дисковый телефон на стойке чего стоил. И ключ Лиле выдали не магнитный, как везде, а цилиндрический с бочонком.

Вместе с Потаповым они проводили Лилю до номера. Роман сухо произнёс:

– Лиля, сейчас половина седьмого. Думаю, полтора часа вам хватит, чтобы прийти в себя после дороги, собраться, ну и к девяти я за вами заеду.

– Да, конечно, Роман Владимирович. К девяти я буду готова, – вытянувшись в струнку, как пионерка, отчеканила она.

– Что, Ром, в кулаке своих держишь? – хмыкнул Павел Викторович, когда они уже спускались вниз. – Узнаю породу Стрелецких. Весь в мать. А то я уж было, грешным делом, подумал, что эта Лиля... ну, что у вас с ней шуры-муры...

Роман по привычке оставил его высказывания без ответа. И в машине тоже молчал, пропуская безобидную болтовню Потапова мимо ушей. Не подал виду, даже когда тот вдруг сообщил как бы между прочим, что Ольга Зарубина тоже работает на их комбинате. Ни единый мускул в лице не дрогнул, хотя внутри, под непроницаемой оболочкой, сердце тревожно дернулось и заныло.

– Ольга Николаевна у нас, кстати, в бухгалтерии трудится, – сам того не ведая, продолжал беречь ему душу Потапов. – Два года назад пришла ко мне. Просила устроить её хоть кем-нибудь. С работой-то у нас в Кремнегорске туго. Она сначала в школе математику преподавала, да потом у них там какая-то скандальная история вышла. Кто там прав, кто виноват – чёрт их разберёт, баб этих. Но уволили её с треском. Она помыкалась, да и пришла на комбинат. Говорит: хоть полы мыть буду, хоть что. Жить, говорит, не на что. А я-то её ещё помнил, когда она с племянником моим математикой занималась. Он у нас такой балбес был, прости господи. Но ничего, подтянула она его хорошенько. Даже этот... как его? ЕГЭ сдал. Ну я и выпросил в главке для неё ставочку в бухгалтерии. И ты знаешь, не пожалел ни разу. Наши бабы там только языками чешут. А Ольга пашет как ломовая лошадь. Надо задержаться – пожалуйста. Надо выйти в выходной – Оленька тут как тут. Зинаида Георгиевна, наш главбух, в ней вообще души не чаёт. Доверяет как себе. Да что уж, последние полгода за себя её оставляет. Болеть она стала часто. И Ольгу сделала своим замом. Представляешь? Вот такую карьеру девка сделала. А была ведь... ну ты и сам знаешь. Слова лишнего не скажет. Ну, помнишь же?

Роман равнодушно пожал плечами.

– Ну, встретитесь сегодня – вспомнишь, – хохотнул Потапов, подъезжая к дому, где когда-то жили они с матерью.

Встретятся... после стольких лет... От этих слов сердце болезненно сжалось.

– А она тебя, кстати, помнит. Вчера вызвал её... Зинаида Георгиевна опять на больничном... Говорю: вот такие дела, Ольга Николаевна, проверка к нам едет из Москвы. Извольте всё подготовить. Она стоит кивает. Я ей: Роман Владимирович Стрелецкий проверять будет. Так она чуть в обморок не грохнулась, ей-богу. Побледнела вся, я аж испугался. О, всё, вот мы и на месте... Значит, к половине девятого пришлю за тобой водителя.

Роман поблагодарил Павла Викторовича и вышел из машины. В голове стучала одна-единственная мысль: через каких-то два часа они встретятся...

33

В свою старую квартиру Роман входил с колотящимся сердцем. Всё, абсолютно всё было узнаваемо, до мелочей. Паркет в прихожей, зеркало на стене, обои, шкаф, в котором до сих пор висели кое-какие его и мамины вещи. Если бы не пыль и спертый воздух – то и не скажешь, что здесь давно никто не живёт.

Почему он так и не продал эту квартиру после смерти матери, он и сам не знал. Ведь не собирался возвращаться в Кремнегорск. Эта командировка – вообще вынужденная случайность. Сентиментальным до этого момента он тоже себя не считал. Мог ведь запросто найти риэлтора, тот сам бы всё устроил, без участия Романа. И тем не менее не продавал и счета оплачивал.

Роман прошёлся по всем комнатам, как по музею. В комнате матери задержался. И хотя боль утраты уже притупилась, сейчас вдруг снова прихватило. Даже глаза зажгло. Он и раньше жалел, что редко говорил ей теплые слова, редко звонил, мало заботился. А тут это чувство, смешанное с виной, как яд, разлилось по венам.

– Прости меня, мама, – прошептал Роман и вышел из её комнаты.

В гостиной и на кухне открыл форточки, впустив свежий морозный воздух. Потом разобрал дорожную сумку. Взял чистое белье, отправился в ванную. Он стоял под упругими струями, а ему казалось, что вода смывает его старательно возведенную крепость, оставляя его обнаженным и уязвимым.

Господи, где взять сил, чтобы выдержать этот день там, рядом с ней?

После душа он успел только выпить кофе, как ему позвонил Потапов.

– Рома, мой водитель уже там у тебя, на месте.

Роман выглянул из окна, у подъезда его и правда ждала машина.

Сначала они заехали, как договаривались, в гостиницу за Лилей. Потом отправились на комбинат. Роман думал, что это будет водитель матери, Юра, но тот, оказалось, сразу уволился после её ухода. А этот ему не понравился, хотя вёл он гораздо лучше Потапова.

Лиля опять всю дорогу до комбината щебетала:

– Надо же! Роман Владимирович, вы здесь выросли! С ума сойти! А мне это место нравится! Есть в таких маленьких городках особенная прелесть. Атмосфера, что ли...

Роман её не слушал. Он мысленно давал наставления самому себе: «Так, надо успокоиться. Нечего нервничать. Мне надо выполнить свою работу, ни больше и ни меньше. С ней – просто поздороваюсь. Вежливо и ровно, как со всеми. И ведь надо ещё разобраться, что там у них происходит...»

Роман надеялся, что генеральный ошибся, строя теории о некой мошеннической схеме и крупных хищениях. Потапова и главбуха, Зинаиду Георгиевну Ройзман, он знал с детства. Оба при матери ни рубля не украли, а тут, на старость лет, ударились во все тяжкие? Ну, чушь же. А чтобы Ольга воровала у комбината... ну это вообще из области бреда. Если и есть у них там в бухгалтерии какие-то мелкие огрехи, как сказал Потапов, то, скорее всего, из-за халатности или по незнанию.

Они переехали мост. Остановились у высоких стальных ворот. Водитель коротко посигналил, и ворота медленно, с лязгом и скрежетом, начали разъезжаться.

А внутри их уже встречали. Сам Павел Викторович выскочил на крыльцо без верхней одежды.

– Рома, пойдём ко мне. Выпьем чай-кофе, что пожелаешь. Секретарша уже всё приготовила. А можно и чего покрепче для обогрева. У нас тут морозы. Отвык, поди, от морозов в своей Москве, да?

– Да нет, спасибо, – отказался Роман. – Давайте, Павел Викторович, сразу за дело. Времени у меня не так много. Поэтому хочется поскорее всё закончить.

Потапов приуныл, но ненадолго.

– Ну... хозяин – барин, конечно.

– Нам с Лилей нужен отдельный кабинет с компьютером и выходом в интернет. Все документы принесите туда.

– Как скажешь, – скис Потапов.

Павел Викторович явно хотел простого дружеского общения со Стрелецким, которого директора всех остальных филиалов боялись как чумы, а он его знал чуть не с пеленок и мог ему даже не «выкатыть».

Разместили их в конференц-зале. А компьютеры ему и Лиле принёс парень-сисадмин. Пока тот возился с проводами, подключая им системники, Роман вышел в коридор, хотел оглядеться. Ведь он и правда бывал здесь сотни раз. И в детстве, когда немного прибалывал, и мать не могла отвести его в детский сад. И позже, приходил после школы. Когда-то ему тут очень нравилось. Взрослые были с ним ласковы и почтительны, как с наследным принцем. В столовой комбината ему бесплатно давали пирожные и компот. Да и вообще тут он никогда не скучал, всегда мог найти, чем себя развлечь.

Роман прошёл вдоль коридора до самого конца, придирчиво оглядывая всё вокруг. А комбинат, отметил он, как-то обветшал за это время. Линолеум на полу поистерся до дыр, краска с окон облупилась. Да и стены давно не красили, не белили.

Он остановился у высокого окна. Заледенелые стекла кто-то оклеил снежинками, вырезанными из салфеток. А рядом стояла маленькая искусственная елочка, украшенная мишурой и дождиком. Скоро Новый год, с тоской подумал он. Праздники он, как и многие одинокие люди, не любил. А раньше, вдруг вспомнилось, лет двадцать назад он обожал носиться по этому коридору. Взад-вперед. От этого окна до другого, в противоположном конце.

Однажды во время такого забега кто-то вышел из кабинета и случайно шибанул его дверью. Роман до сих пор помнил, как мчался со всех ног и вдруг, совершенно неожиданно, жестоко получил дверью в лоб и отлетел метра на полтора в сторону. Но тот, кто его стукнул, вообще чуть не умер на месте.

«Ладно, хватит, – вздохнул Роман, – там уже наверняка всё настроили и подготовили. Надо приниматься за дело».

Он не спеша пошёл обратно, и вдруг дверь одного из кабинетов открылась. Может, даже та самая, что когда-то ударила его по лбу.

А потом он увидел, что в коридор вышла она... Оля.

Она тоже повернулась и, встретившись с ним взглядом, застыла на месте. Несколько секунд они безмолвно пожирали друг друга глазами, подмечая и впитывая каждую деталь, каждую черточку, каждый штришок.

Она заговорила первая. Сглотнув, тихо произнесла:

– Рома... Привет, Рома...

Казалось, на него нашёл амок, короткое помутнение, во время которого он вдруг перестал понимать, где он, что он, перестал видеть что-либо, кроме её огромных глаз, перестал себя контролировать. Словно вообще больше ничего не существовало. Но, слава богу, это минутное наваждение как нахлынуло внезапно, так и отпустило. Сморгнув, он глухо и холодно ответил:

– Здравствуйте, Ольга Николаевна.

34

Оля подалась к нему, хотела что-то сказать, словно не сразу поняла его слова и тон. Губы её ещё по инерции улыбались, но вот уже дрогнули, скривились. И улыбка поползла вниз. Вспыхнувшая во взгляде радость сменилась замешательством и тут же неловкостью. А потом Оля и вовсе отвела глаза и часто заморгала. И вообще вся как-то съежилась, поникла.

Вот только её слёз ему сейчас не хватало. И так тяжело, просто невыносимо...

А чего она хотела? Чего ждала? Что после всего он кинется ей навстречу, распахнув дружеские объятия? Или будет болтать с ней как ни в чем не бывало?

Но нет, слава богу, она быстро собралась, взяла себя в руки и избавила их обоих от ещё большей неловкости.

Из конференц-зала вышел сисадмин, паренек в растянутом свитере кирпичного цвета. Увидел Романа и неуклюже двинулся к нему:

– Я всё подключил. Всё работает. 1-С там, ну и всё остальное. Но если вдруг что, вызовите меня по внутреннему. Вот.

– Спасибо, – кивнул Роман. Потом снова взглянул на Олю, но она на него больше не смотрела.

– Ольга Николаевна, мне нужен отчёт о движении денежных средств за этот год и первичная бухгалтерская документация, – вежливо, но всё так же холодно попросил Роман.

– Хорошо, – еле слышно ответила она и, не поднимая глаз, прошла мимо него.

С виду могло показаться, что он абсолютно спокоен. Лиля, когда он вернулся в конференц-зал, даже ничего не заметила. Но самому Роману казалось, что сердце вдруг превратилось в кровоточащую рану. Жгучая пульсирующая боль накрепко засела в груди, не давая ни о чем думать.

Он се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.